

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Сердце писателя 3

ПРОЗА

Идиллия Дедусенко

Единственный свидетель..... 15

Валерий Бродовский

Улыбка незабудки 97

Юлия Каунова

Рассказ моей свекрови 109

Станислав Подольский

Аргентинское танго 119

Олег Солдатов

Иван Тимьянов 151

Олег Воропаев

Неформат..... 249

НОВЫЕ ИМЕНА

Александр Гайденок 191

Лилия Жидкова 209

Денис Дымченко..... 223

ПОЭЗИЯ

Владимир Яковлев 7

Валентина Дмитриченко 93

Станислав Подольский..... 126

Эльбрус Скодтаев 127

Алла Мельник-Халимонова 145

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Тамерлан Техов

Рубежи «тихого» подвига..... 133

КРАЕВЕДЕНИЕ

Андрей Карташёв

День освобождения

Ставропольского края 261

Главный редактор

Владимир Бутенко

*Литературное
Ставрополье
№3 (2023)*

ББК 84(2Рос=4Ст)
УДК 821.161.1
Л 64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, О. Воропаев,
Е. Гончарова, А. Куприн, Е. Полумискова,
С. Скрипаль, Т. Третьякова-Суханова**

Л64 Литературное Ставрополье. Альманах № 3
(2023) — Калининград: РА Полиграфычъ, 2023. —
1000 экз. — 272 с.

ISBN 978-5-6050472-0-9

Отпечатано в ООО «РА Полиграфычъ».

Адрес редакции:

355033, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.
Тел. (8652) 26-31-50

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.**

ISBN 978-5-6050717-8-5

9 785605 071785 >

СЕРДЦЕ ПИСАТЕЛЯ

1

Однажды в беседе с молодыми литераторами Алексей Николаевич Толстой рассказал о случае, весьма характерном для великих писателей. Как-то к Бальзаку пришел в гости приятель и услышал с лестницы гневный голос романиста: «Мерзавец, я тебе покажу!» Помедлив, он постучал в дверь и заглянул в комнату. Бальзак был один и, склонившись над столом, быстро писал. Очевидно, в сердцах он только что бранил одного из своих героев, уличив в недобром поступке. Толстой пояснил: «Так каждому писателю нужно видеть до галлюцинации то, о чем пишешь».

Успех приходит к писателю при условии полной самоотдачи. Работать в литературе наполовину всё равно, что любить, дружить, лечить наполовину. Недавно одна молодая литераторша призналась мне, что не знает о чем писать, так

СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

как «у неё всё хорошо». Верно, лучше бросить занятие литературой, если ты живешь не проблемами всего мира, а лишь своим личными интересами. Строка Пушкина «И неподкупный голос мой был эхо русского народа» сейчас актуальна как никогда.

Время наполняется небывалой динамикой, непредсказуемо развиваются глобальные геополитические процессы, политика западных магнатов ведет к рискам возникновения мировой войны. Всё это и, разумеется, Специальная военная операция ВС России на Украине требует переосмысления своего отношения к общественным и нравственным нормам. Если молодому человеку дорога родная страна и ее язык, великая история России, если обладает чувством собственного достоинства, то никогда он не позволит себе безразлично относиться к происходящему. Активная жизненная позиция присуща талантливому писателю. Прежде всего, он должен вникать в проблемы современников, находить не только хорошее и светлое, но и болевые точки в душах, утверждать нравственность и поступками, и своими произведениями.

Истоком творчества, как общепринято, является отношение к определенным явлениям и событиям. Всё начинается с чувств, с желания поделиться ими с белым светом. Может быть, это и так. Но важнее всего — это память сердца, влекущая нас через тернии к свече разума. Внутренний багаж воспитания и культуры, ценностные ориентиры, человеколюбие проявляются на страницах вне воли автора. Только сердце, наполненное чувством доброты, любви и справедливости, способно

направить тропу писателя к вершинам творчества. Сердце помнит и знает истину! В трудную минуту оно побуждает совершить героический подвиг, в миг вдохновения помогает найти гениальные слова, преображающие мир. И всегда напоминает, что отчая земля, на которой ты рожден, — священна и единственна, и что не можешь ты быть счастлив без процветания Родины.

2

Говоря о выдающихся писателях, мы не всегда осознаем, что каждый из них вошел в литературу своим неповторимым путем, обособленным и происхождением, и воспитанием, и мотивацией. Некоторым сразу сопутствовала удача (Пушкин, Лев Толстой, Чехов, Шолохов), но чаще мастерство обреталось с опытом (Тютчев, Тургенев, Лесков), а случалось и так, что признание достигалось на излете лет или посмертно (Стендаль, Лермонтов, Булгаков). Да и литературная стезя зачастую бывала трагически недолгой, как у Есенина и Гаршина, или полна тяжелых испытаний, — тому подтверждение планида Бальзака, Достоевского и Короленко. Крайне редко, кто до скончания века жил в богатстве и славе.

Молодой писатель, сравнивая свою жизнь с великими судьбами, частенько полагает, что мощь таланта и умение создавать художественные образы давались классикам свыше — от Бога, а в творчестве попросту везло. Такой наивный человек убежден в том, что успех возможен благодаря обстоятельствам и помощи влиятельных лиц. Дей-

ствительно, подобное случается, однако никто из «раскрученных счастливицов», навязанных лауреатов «большекнижных» или букеровских премий даже не приблизился к творцам бессмертной русской словесности.

«Каждый мечтает изменить мир, но никто не ставит целью изменить самого себя», — эти слова Льва Толстого должны стать заповедью начинающего писателя. Именно с самого себя нужно начинать: честно и объективно оценить свои способности, культурный уровень, начитанность, знание русского языка и жизни в целом. И задать себе прямой вопрос: готов ли я создать литературное произведение, которое своей глубиной и совершенством будет полезным и нужным людям?

Из своего опыта знаю, что учащимся Школы литературного мастерства только на занятиях открывается непреложная истина: писательский труд — это постоянная учеба и напряженная интеллектуальная деятельность. Без ежедневного труда не может появиться «ощущение слова», не выработается собственный слог. Тут, главное, не отступать. Проявить характер. И словесная глыба, подобно мрамору под рукой скульптора, начнет обретать ясные очертания, смысл, художественную красоту. И день ото дня тот, кто самозабвенно трудится, кто вдумчиво и зорко вглядывается в жизнь, постигая ее законы и особенности, незаметно для себя МЕНЯЕТСЯ, становится творчески разносторонней, смелей и опытней. И это благодатное преобразование непременно скажется в его произведениях. Они станут иными, — художественно зрелыми и осмысленными.

ЛАДОНИ РОДИНЫ

Среди шума, гама, гула
Говорливых площадей
Вдруг услышишь — потянуло
Ветерком с родных полей.
Пыль весёлая клубится.
Я шагаю, сам не свой,
В ставропольскую станицу
Над студёною рекой.
Шепчет ветер: не печалься,
Помнишь, в поле у реки
Голубели в детских пальцах
Утренние васильки?
Память детства — счастье наше,
И чем дальше, тем ясней
Снова мне из детства машут
Гривы спутанных коней.
Словно слышу чей-то голос:
— Не сыскал земли милей?
И как будто расколось
Что-то там в душе моей.
Ах, как спалось на попоне!
Стыли звёзды в синеве,
И прислушивались кони
К тихим шорохам в траве.
Песня сладко сердце тронет,
Ветры выбегут, пыля.
Как знакомые ладони,
Выгибаются поля.

**Владимир
ЯКОВЛЕВ**

Поэзия

РОССИЯ

*Без России я ничто.
В. Высоцкий*

От сказочных времён Бородина,
От легендарной Новгородской сечи,
Страна моя — великая страна,
Идёт к народам мира, как предтеча.
Среди пришедших воровать и убивать,
Мне жалко тех, кто вновь не понимает:
Одна моя страна, как Божья Мать,
За всех, кто бос и голоден, страдает.
Законы экономики поправ,
Не для того, чтоб в лидеры пробиться,
Одна, средь миром признанных держав,
Готова ты последним поделиться.
Одна в законы братства влюблена,
Одна, как христианская мессия,
И это лишь моя страна —
Моя Великая Россия!

ВОЗДУШНО- КОСМИЧЕСКИЕ ВОЙСКА

Когда на картах исчезают страны,
В расположении тактических ракет
Не гаснут операторов экраны,
Готовится игиловцам ответ.
И что б там «Полосатая» ни пела,
Россия бьёт врага не наугад:
Лишь бензовозы ёжатся в прицелах
И нефтебазы спичками горят.

Параболы антенн качают знаки,
Вращаются, гудят, гудят, гудят...
И зависает штурмовик над Раккой,
И бомбы справедливости летят.
И превращая каждый дот в могилу,
И каждый склад прицельно потроша,
Мы бьём по экономике ИГИЛа,
Точней — по длинным лапам США.

БЕСПЛАТНЫЙ КИПЯТОК

Люблю дорожный стук и свист.
Люблю, как в старину,
Чуть свешиваясь
с полки вниз,
Разглядывать страну.
Люблю тебя, моя тоска.
Но чуть замрет вагон,
Люблю,
покаюсь,
свысока
Разглядывать перрон.
За мусором,
где штабель шпал
Чуть тянется к дождю,
Когда-то памятник стоял
Всемирному вождю.
С какого, стало быть, рожна,
Проезжим невдомёк,
Ещё стоят у шпал дома
С девизом «Кипяток».
Мы победили тиф и вошь.
Но вот ведь в чем тоска:

Во всей России не найдёшь
Бесплатно кипятка!
Он кока-коле не чета.
Но выйди на перрон —
Здесь похоронена мечта
Народов и времён.
Вперед, Россия, — сквозь суды,
Сквозь бизнес, гарь и дым!
За просто так мы и воды
Теперь не подадим.

АРФИСТКА

*Леночке Коваленко, арфистке
Донецкого оперного театра.*

Кусочек счастья. Сладостный момент.
От зла, от горя и от разоренья
Готический педальный инструмент
Уносит зал в эпоху Возрождения.
Но свет погас. Вы встали и ушли.
Лишь струны арфы плакать продолжают
О том, что вас никто не провожает,
О том, что ваши туфельки в пыли
Расстрелянных домов несдавшейся столицы...
Что ночь светла, что Пушкин круглолицый
Напоминает вновь о волшебстве добра.
Ваш предстоящий ужин состоит
Из маргарина и перловой каши.
Но дворники осколки подмели,
И чисто на душе, как на бульварах наших.
И вновь, не понимая почему,
Лишённая привычного апломба,
Идёте тихо к дому своему,
В который угодила бомба.

Друзья,
соседи,
родственники — все
Закончили свой путь на этом свете...
Лишь детская скамеечка в росе,
Да кофточку пронизывает ветер.
Но день придёт, вновь будет полон зал!
И вы услышите из оркестровой ямы,
Как посягает на священное вандал,
Вновь режиссируя
убийственную драму.
И вот тогда,
из старенькой строки
Вы сотворите чудо — Жизни ради,
Как Моцарт всем убийцам вопреки,
Как Шостакович в осаждённом Ленинграде.

Донецк, июнь 2020 г.

ПРАВО ХУДОЖНИКА

Пускай ты эрудирован весьма,
Мой старый друг, мой критик бледнолицый,
К чему твердить о смелости письма
И забывать о смелости позиций?
Приобретут инерцию года,
Хрусталь тяжёлый заведётся в доме.
Творец, ты не подёнщик лишь тогда,
Когда твоя судьба — на переломе!
Есть кодексы. Их не коснулась медь
И суета торгашеской мороки.
Там, где-то вслед за правом умереть,
Есть право на талантливые строки.

БИЗНЕС-ВУМЕН

Отряхнувшись от забот, как от трухи,
Пишет баба ночью детские стихи.
Расплывается от капельки строка —
С жизнью девушка сыграла в дурака.
Проклинает ли печальный свой ночлег?
Догоняет ли коротенький свой век?
Перед зеркалом валяются духи.
Ночью баба пишет детские стихи.
Есть любовник. Лексус дремлет у дверей.
Только нет у бабы маленьких детей.
Потому и наполняется строка
Теплотой её грудного молока.
Завтра утром баба джип свой заведёт.
Маникюром небеса к себе пригнёт.
Окаянно будет завтра. А пока
Ищет мира покаянная рука.
Пролетают косяками женихи.
Бизнес-вумен пишет детские стихи

Когда мне некому помочь,
И нету друга, кроме Блока,
Когда зализывает ночь
Оранжевые раны окон,
Я говорю, что всё пройдёт.
Что скоро станет всё иначе,
Что эта женщина придёт
И сядет рядом,
И заплачет...

Переплетая голоса,
Мы позабудем о пропаже,
Когда опять её коса.
Мне тяжело на горло ляжет.
Я прошепчу ей:
— Ну и пусть,
Войди ко мне!
Я вновь поверю...
Я поздно за полночь ложусь,
Давно не запирая двери.

Я хочу с тобой шататься
по проспектам предрассветным,
Я хочу с тобой листвою
очарованно шуршать.
Я хочу с тобой быть рядом,
понимаешь ли ты это?
Понимаешь, понимаешь,
как же это не понять!
Я к тебе ещё приеду.
Я ворвусь к тебе с перрона.
Я тебя осыплю градом
поцелуев и речей.
Мы ещё с тобой разделим
общежитских полбатона,
Пополам гранат распилим,
чай заварим горячей.
Будем пить и обжигаться,
торопливо тараторя.
Будет голос твой хороший
колокольчиком звенеть.

А потом о самом главном
 прочитаю я во взоре,
Друг на друга будем молча
 очарованно смотреть.
Я шепчу, билет сжимая:
 Дай нам, боже, чтобы спелось,
Чтобы в нас навеки слилось
 всё твоё и всё моё.
Чтобы было всё на свете
 Так, как милой захотелось.
Чтобы был я до могилы
 Вечно подданным её.

ТОЧКА ОТСЧЁТА

Строчки порою сквозь нас прорастают,
Как из-под снега гроздь рябины.
Сытый голодного не понимает.
Не до художника мещанину.
Хватит прикидываться старухой.
Что себе кажешься глупой и ржавой?
Можно писать и с отрезанным ухом.
С четвертью мозга править державой.
Если творящий сродни эхолоту,
Так не желай себе долю другую.
Видишь, Маресьев идёт к самолёту?
Павел Корчагин о стали диктует?
Музыки алгеброй не отравишь,
Пусть хоть полмира страдает зевотой,
Как ты себя в этой жизни поставишь,
Так и пойдёт она с точки отсчёта.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Повесть¹

ГЛАВА 12

Тихий час закончился, но Анна, продолжавшая раздумывать над последними событиями, не хотела никого видеть и потому, закрывшись в своем номере, всё ещё лежала на кровати. Как ни старалась она не думать о Банникове, его лицо то и дело всплывало перед ней с такой ясностью, будто она в самом деле его видела. «Ну и отдых! — с раздражением подумала Анна. — Ещё четвертый день не кончился, а я уже по уши погрязла в каких-то сомнительных событиях, которые никак не вяжутся с покоем. Дадут мне наконец отдохнуть или нет?». Но тут же всплывало бледное лицо погибшей, и будто явственно слышался её шепот: «Он-а-ах... уби-а-ах...». И Анна ясно осознавала: не может она самоустраниться от расследования этого дела,

Идиллия
ДЕДУСЕНКО

Проза

¹ Окончание. Начало в №2 2023 г.

и если капитан снова к ней обратится, она не откажет в помощи. Только что теперь от неё зависит? Она рассказала всё, что знала. Ей не хотелось самой себе признаться, что с некоторых пор в этом уголовном деле её больше всего волнует... доктор, у которого она видела этот странный нож.

В дверь постучали, но Анна, услышав стук, затаилась: ей всё ещё не хотелось никого видеть. Стук дважды повторился. Кто это может быть? Неужели Банников? Вот уж с кем она точно не хотела бы сейчас встретиться! И не только сейчас! А впрочем... Его причастность к убийству не доказана... Но её так смущает этот нож... И не только нож, но и показания Зины. Такие настойчивые! Даже вроде бы убедительные. В полном смятении Анна ещё долго лежала в постели. В дверь к ней больше никто не стучал, и она постепенно успокоилась и решила пойти на ужин. К этому времени все врачи, кроме дежурного, уже уходят из санатория, наверняка и Банников ушёл. Анна даже повеселела от мысли о том, что не встретится с ним. Возможно, не встретится и завтра, и послезавтра, ведь завтра суббота, а потом воскресенье. Интересно, кроме дежурных, кто-нибудь работает в выходные дни?

Едва Анна оделась, как раздался стук в дверь, на этот раз она пошла открывать. На пороге стояла Зина.

— Завтра у меня выходной, — сказала горничная, — но я могу убрать у вас сейчас, пока вы будете ужинать.

— А разве никто другой этого не сможет сделать завтра? — удивилась Анна.

— Просто мы уже так привыкли, — смутившись, сказала Зина. — Убираем вечером в пятницу вместо субботы. Не хочется меняться сменами. А вам ведь всё равно, за ночь в номере грязнее не станет.

— Резонно, — согласилась Анна, — убирайте.

— А на воскресенье я отпросилась, потому что хочу ещё в субботу поехать к родственнице в Нальчик, — продолжила Зина. — Надо помочь ей в саду, а за один день что там сделаешь...

— Тоже резонно.

— Но вы не беспокойтесь, у вас может убрать дежурная горничная.

— Да не надо вообще убирать в воскресенье, — возразила Анна. — Я всё делаю аккуратно, здесь и так чисто. К тому же я уеду на экскурсию.

— Как хотите. Тогда я скажу, чтобы дежурная к вам не приходила.

В столовой за восьмым столом уже сидели все, кроме Анны, а приборы с ужином расставляла высокая и статная молодая женщина необыкновенной красоты.

— Это наша Мила! — объявила Лена, обращаясь к Анне. — Её мама поправилась, и она вернулась!

— Очень приятно, — отозвалась Анна, глядя с улыбкой на официантку, которую по осанке можно было бы сравнить с представительницей уж если не королевского, то по крайней мере очень знатного рода.

Мила снисходительно глянула на новенькую, уже севшую за стол, и на её лице отразилось какое-то подобие мимолетной улыбки. Она продолжала расставлять приборы, когда в зал вошёл шеф со свитой. Он величественно поплыл вдоль

столиков, принимая знаки благодарности за прекрасное питание и обслуживание. Анна невольно отметила, что шеф и Мила чем-то похожи, наверное, вот этой удивительной величавостью. Когда он подходил к восьмому столику, Мила уже отъезжала со своей тележкой к соседнему. Шеф проводил её коротким и, как показалось Анне, заинтересованным взглядом. Наверняка влюблён! Ещё бы! Такая красавица! А жена, небось, толстая квочка. У важных и импозантных мужчин, как правило, невзрачные жёны.

— Всё замечательно! — отчиталась перед шефом за всех Лена. — Очень вкусно!

Потом девушка повернулась к Анне и зашептала:

— Он и на следующей неделе будет два раза зал обходить, во вторник и в пятницу. А вы где были до ужина? Я к вам приходила, стучала, стучала...

Так вот кто к ней пробивался! Анна, отвечая улыбкой на беспокойный шёпот Лены, тоже негромко спросила:

— А что за спешка? Почему не могла дотерпеть до ужина?

— Потом расскажу. Вот удивитесь...

— Чего вы там шепчетесь? — обиженно протянул Толик, вставая из-за стола и придвигая к Лене пластмассовый стаканчик с йогуртом. — Можешь съесть и мой. Ты же знаешь, я это не люблю.

— Зато я люблю! Спасибо! А мы не шепчемся, а просто разговариваем!

— Ну и разговаривайте, — с деланным безразличием сказал Толик. — Я на балкон, воздухом подышу.

Профессор молча забрал свой стаканчик с йогуртом и пошёл к выходу. В зале снова появилась Мила с тележкой и начала собирать со столов посуду. Лена, сгоравшая от нетерпения поведать Анне о дневном приключении, воскликнула:

— Ой, такое сегодня было! Здесь рассказать или к вам пойдём?

— Как хочешь.

— Тогда лучше к вам. Но только я доем йогурт.

— Хорошо, — улыбнулась Анна, — нам торопиться некуда.

От соседнего стола к ним направилась собиравшая посуду Мила, и на этот раз Анна могла уже получше её рассмотреть. Действительно, редкая красота, яркая! Крупноватые (под стать фигуре!), но словно выточенные искусным мастером черты лица, огромные карие глаза, совершенно непроницаемые, словно два темных озера, черные волосы уложены в причёску, а на них сверху — накрахмаленная кружевная наколка, словно небольшая корона. Ну, совсем не из современного мира патлатых девиц. Как говорится, есть на что посмотреть.

Мила взялась уже за первую тарелку, когда в зал стремительно вошла Зина. Подойдя к столу, она положила перед Анной что-то блестящее и с вызовом сказала:

— Я же вам говорила, что чужого не беру! Вот ваша серёжка! Она у вас под ванной за ножкой застряла, а сегодня я её нечаянно зацепила тряпкой, она и выскочила. Я чужо...

— Знаю, знаю, — торопливо прервала её Анна, глядя на золотую серёжку, чем-то напоминавшую

кораблик с красивым камнем солнечного цвета посередине. — Спасибо!

Серёжка выглядела очень привлекательно, даже в непроницаемых глазах Милы мелькнул едва заметный огонёк — наверняка ей хотелось бы такие иметь. В её ушах висели большие золотые кольца, они ей шли, но не сравнить же их с такими изделиями, как этот «кораблик». Анна увидела, что на их столе осталась последняя салфетка, спросила у Лены «Обойдётся?» и, завернув серёжку в салфетку, положила около себя на стол, дожидаясь, когда Лена наконец расправится с йогуртом. Она старалась выглядеть спокойной, а в голове, обгоняя одна другую, проносились мысли: «Опять прокололась! Ладно, при Лене, она уже вроде как своя, ей можно что-то объяснить. А как объяснить Миле, которую она видит впервые, что это за серёжка? Ведь если она внимательно глянет...». Размышления прервал глухой стук о пустую тарелку — серёжки на столе не было.

— А где?.. — встрепелась Анна, когда Мила уже повернулась, чтобы отойти от них.

Анна быстро схватила с подноса комочек в розовой салфетке, видно, официантка задела его какой-нибудь тарелкой. Мила обернулась, заметив свою оплошность, коротко бросила с царственным видом «Извините» и покатила тележку на кухню.

— Ну-у-у, императрица! — не то с восхищением, не то с изумлением сказала Анна.

— Ой! Правда, красивая? Ну очень! — восторженно зашептала Лена и вдруг, глянув на Анну, громко вскрикнула: — Ой, а у вас же уш!..

Анна так глянула на девушку, что та умолкла на полуслове. Лена, всегда говорившая громко, на этот раз вскрикнула особенно громко, и Мила могла догадаться, что именно она хотела сказать про уши Анны. Да, да! Они не проколоты! Так зачем же ей серёжка? И что это за серёжка? В глазах Лены читался явный вопрос, густо приправленный детективным азартом.

ГЛАВА 13

Сон этой ночью у Анны был очень тревожным, а вернее, его и вовсе почти не было. Не выходила из головы Лена, рассказавшая о приключении с собакой и о какой-то тайне доктора Банникова, спрятавшего в чужом гараже странный пакет, «такой, как у Лидии Васильевны!». На замечание Анны, что такие пакеты продаются в соседнем киоске и с ними ходят практически все отдыхающие, Лена, не пожелавшая обрывать детективную нить, с сомнением покачала головой и сказала:

— Но никто же не прячет их в чужих сараях!

— Ты хочешь, чтобы я поверила в виновность Ал... доктора?

— Я хочу найти убийцу! — горячо отозвалась Лена.

— Я думаю, это и без нас с тобой сделают, — со вздохом сказала Анна, которую мучили неясные сомнения.

Что она знала о докторе Банникове? Хороший специалист. Красавец. Интеллигент. Лицо открытое. Глаза, вроде бы, честные... Но сумел же он затаскать её к себе в квартиру обманом! Обманом!

Даже и предположить такое невозможно, когда видишь его спокойное доброе лицо, слышишь этот удивительно мягкий, словно ласкающий голос... Но этот человек был на войне, видел, как убивают и калечат людей. Может быть, и сам убивал? Ковалёв и лейтенант говорили о нём почти как о герое. Да, он спасал раненых, это его профессия. А в остальное время? Что он делал, когда его помощь была не нужна? Мог он взять в руку не скальпель, а нож? И тут перед глазами Анны возникал «тот самый» нож, тонкий и прочный, который запросто режет твердую колбасу и... И тела невинных жертв, таких, как Лидия Васильевна! Анна чувствовала, что от всех этих мыслей может просто свихнуться. Сославшись на головную боль, вчера вечером она с трудом выпроводила Лену, горевшую азартом сыска.

Утром, измученная кошмарами тяжёлой ночи, Анна ходила на массаж, который её немного расслабил и успокоил, а затем отправилась на завтрак. Профессор уже ушёл, а молодожёны ещё сидели за столом, и она поняла, что Лена дожидается её, чтобы задать вопросы, которые не задала вчера вечером. Толя нетерпеливо крутился на стуле, а потом заявил:

— Ну, вы тут поговорите, а я — в спортзал, мы там команду волейбольную сформировали...

Лена молча кивнула и уставила на Анну свои любопытные глаза, в которых стоял большущий вопрос: что за серёжка и откуда? Анна вздохнула и сказала:

— Вчера я обещала тебе рассказать... Но, понимаешь, бывают такие ситуации, когда человек

невольно оказывается хранителем чужой тайны. Наверное, и без моего признания скоро всё разъяснится...

— Так это связано с Лидией Васильевной? — перебила её Лена. — Вы что, взяли эту серёжку у неё, когда мы её вещи собирали? А зачем вы взяли одну серёжку? Или всё-таки две? И зачем они вам? У вас уши не проколоты!

Всё это Лена выпалила на одном вдохе. Анна улыбнулась:

— Я похожа на грабительницу?

— Конечно, нет! Ну-у-у... Анна Антоновна, ну миленькая! Расскажите!

— Вот что, Лена, — решительно пресекла нетерпение девушки Анна. — Всему своё время. Сначала давай-ка позвоним на тот загадочный номер, что был записан на бумажке. Я его запомнила: 32-14-46. Вдруг узнаем что-то интересное.

— Давайте, — тут же подхватила Лена возможность и далее распутывать детективную нить.

Анна набрала номер. Через минуту прозвучал голос явно немолодой женщины:

— Светочка, это ты?

— Нет, это не Света, — как можно мягче ответила Анна.

— Боже мой! — заволновалась женщина. — А что со Светочкой?

— Со Светой всё в порядке, — попыталась успокоить женщину Анна. — Я нашла этот номер у подруги и хотела бы с вами поговорить...

Абонентка немного помолчала, а потом спросила:

— Так нотариус все-таки сообщил ей обо мне?

— По-видимому, — в раздумье произнесла Анна, пока не понимая, как связать Лидию Васильевну с этой неизвестной женщиной и нотариусом, а потом добавила: — Я бы хотела с вами поговорить. Можно к вам приехать?

— Пожалуйста, — разрешила женщина. — Можете сделать это прямо сейчас. — Она продиктовала адрес.

Пятиэтажку на Белой Ромашке, как назывался этот район, Анна и Лена нашли без труда, как и квартиру на втором этаже. Им открыла действительно уже немолодая женщина. Внимательно оглядев обеих, она пригласила их в комнату и, указав на диван, села сама в кресло и довольно жёстко спросила:

— Так это вы привезли ей недостающие документы?

— Вы имеете в виду Лидию Васильевну Трегубову? — на всякий случай уточнила Анна, уклоняясь от прямого ответа.

— Конечно. А о ком же мы сейчас говорим?

— Да, да, — поспешила согласиться Анна.

— Но они же теперь никому не нужны! — сказала хозяйка.

— Извините, как к вам обращаться? — спросила Анна.

— Это вы меня извините, ещё не познакомились, а я сразу с вопросом. Татьяна Гавриловна я.

Анна и Лена тоже назвали свои имена, и разговор продолжился в более мягком тоне. Татьяна Гавриловна спохватилась:

— Может, чайку?

— Нет, нет, мы только что позавтракали, — сказала Анна. — А вы...

Анна умолкла, не зная, как спросить, почему Татьяна Гавриловна хотела поговорить с Лидией Васильевной, но та сама пришла ей на помощь:

— Вам хочется узнать, зачем я её приглашала?

— Безусловно.

— Чтобы справедливость восторжествовала! — с неожиданной силой сказала Татьяна Гавриловна.

Анна и Лена с любопытством смотрели на хозяйку, ожидая продолжения, и она заговорила:

— Тамара Ивановна, ну, эта покойница, соседка моя. Вот её трёхкомнатная рядом. Я и её, и всех других Трегубовых с молодости знаю. Можно сказать, на моих глазах вся история их жизни разворачивалась. Только она не настоящая Трегубова, а по мужу. Этот её Сергей жил здесь сначала с родителями. Встречался с хорошей девушкой, Мариной. Ну, забеременела она, решили пожениться. Только отец упёрся, сказал, что проклянет, квартиры и всякой другой помощи лишит. Не нравилось ему, что Марина старше Сергея на три года, и хотя детей нет, но уже побывала замужем и развелась. Парень вроде не испугался, пошли они с Мариной в загс, он даже с родительской квартиры съехал. Но куда?! В соседнюю станцию, в маленькую хатёнку из двух комнатушек, в которой Марина со своей бабкой жила. Не привык он к таким условиям, стал к родителям похаживать да на ночь оставаться. А тут Тамара подвернулась, дочь каких-то их знакомых. Стала приходить часто, вроде невзначай, по какому-нибудь делу к его матери. Ну и отбила! У Марины только девчонка родилась, зарегистрировали её, Катюшей назвали, а сами развелись. Родители

Тамары в Тюмень уехали, там младший брат отца на хорошую работу устроился и их позвал. Вот они и поехали, а Сергея с Тамарой здесь оставили. Фу! В горле пересохло!. Я всё-таки сейчас чайку сообразу, это быстро.

Татьяна Гавриловна пошла на кухню, а Лена с Анной, молча обменявшись взглядами, сидели в ожидании. Хозяйка вернулась с маленьким подносом, на котором уже стояли чашки, печенье, конфеты и сахар. Потом принесла чайник. разложила в чашки пакетики и, заливая их кипятком, сказала:

— Угощение, конечно, простое, но, как говорится, по статусу пенсионерки.

— Спасибо! Все замечательно!

Анна поддержала восторженный возглас Лены кивком головы и улыбкой. Отпив чаю, хозяйка продолжила рассказ, прихлебывая из чашки:

— Так вот. У Тамары детей так и не было, а у младшего брата Серёжиного отца, который их в Тюмень позвал, родился сын. Что-то через год после того, как Марина Катю родила. Назвали Вадимом. Вот Тамара всё «племянник» да «племянник». А какой он ей племянник? Седьмая вода на киселе. Только и того, что тоже Трегубов. Ездил она туда как-то с Сергеем, они и сюда приезжали. Вот всё общение. Но переписывались, пока Сергей был жив. Потом и почта стала плохо работать. И как-то получилось, что связь прервалась. Тамара, когда уже совсем плохая стала, решила завещание написать на этого племянника, да адреса не знала, она же не с ним, а со свекрами переписывалась. А тех уж лет девять как нет. Я ей

говорю: «Зачем его искать, когда есть настоящая наследница, родная дочь Сергея. Ведь так и живёт в старой бабкиной хатёнке». Тамара прямо на дыбы! Ненавидела Марину, а заодно и её дочь. А за что? Это же не Марина, а она у Марины мужа увела.

Татьяна Гавриловна долила горячей воды в чашку, отпила чаю и продолжила:

— Бабки давно нет. Марина замуж больше не вышла, одна Катюшу растила. На алименты из гордости не подавала, а Сергей когда пошлёт денег, когда нет. С дочкой совсем не общался, Тамара не разрешала. А я вот теперь думаю: по совести наследство должно достаться Кате. Ведь она родная дочь Сергея, имеет на это право. А кто такая Лидия Васильевна? Жена того самого Вадима, который непонятно каким родственником Тамаре приходился.

— Так почему Тамара Ивановна ей всё завещала? — удивилась Анна.

— Не ей, — возразила Татьяна Гавриловна, — а Вадиму. Только адреса же не знала и дала поручение нотариусу разыскать его. Пока нотариус разыскивал, время шло. Уж и Тамара скончалась, надо кому-то в наследство вступать, иначе оно будет признано вымороченным и отойдет городу. Кто его тогда получит — неизвестно. Наконец нотариус выяснил, что умер Вадим три года назад, но жена его осталась, значит, может вступить в наследство, если успеет все нужные документы подать.

— А разве она имела право на наследство? — спросила молчавшая до сих пор Лена.

— Да. Завещание так составлено, что дескать в случае чего наследуют родственники Вадима. Ну, жена его — первая родственница. Но я ходила к нотариусу, настаивала, чтобы Катю в число наследников тоже включили. Уж пусть бы всё поровну разделили, так было бы справедливо. Хотела об этом с самой Лидией поговорить, сказала нотариусу, чтобы дал ей мой телефон. Пусть бы пришла, я бы ей всё объяснила...

«Нотариус! Вот что означала буква «н» около номера телефона!» — промелькнула мысль в голове Анны.

— Так теперь же Катя — единственная наследница! — воскликнула Лена.

— Если успеет документы подать, — сказала Татьяна Гавриловна. — Меньше недели осталось до конца срока, а в администрации уже все документы подготовили, чтобы и квартира, и дача городу отошли. Я это точно знаю, Светочка, дочь моих хороших друзей, там делопроизводителем работает. Или как там у них теперь такая должность называется? Но бумаги по приказанию юриста она готовила. Осталось дату поставить. А когда поставят дату да подпишут, тогда судись с ними, не судись — всё бесполезно. Ну что за жизнь?! Нет никакой справедливости!

— Вы адрес Кати знаете? — вдруг решила на что-то Анна.

— Да в той же хатёнке так и живёт с матерью! Марина-то так ни на кого и не выучилась. Время трудное было, она сразу работать пошла. И вот уже несколько лет работает у какого-то хозяина реализатором, обувь на рынке продает. Я к ней

иногда захожу, себе что-то присмотреть. Зарабатывает крохи. И у Кати такая ж зарплата. Она хоть и выучилась, учитель английского языка в той же станичной школе... А что им платят? На такие деньги квартиру никогда не купить.

— Где живут? Диктуйте!

Татьяна Гавриловна достала блокнотик. Анна записала адрес и встала.

— Неужели поможете? — с надеждой спросила Татьяна Гавриловна. — Должна же быть справедливость!

— Постараемся, — пообещала Анна.

— Обязательно! — заверила Лена.

ГЛАВА 14

До обеда оставалось около трёх часов, до станции всего двадцать минут езды, и Анна с Леной отправились разыскивать Екатерину Трегубову. Выйдя из маршрутки, сразу пошли в школу, но оказалось, что у Екатерины Сергеевны в тот день было всего два урока с утра, и она сейчас дома. Женщины легко нашли описанную Татьяной Гавриловной хатку. Дверь им открыла типичная сельская учительница — скромная, симпатичная, ясноглазая. Узнав, зачем к ней пришли, она сначала отказывалась обсуждать вопрос о наследстве, но тут Анна привела весомый аргумент:

— Вы такая молодая, выйдете замуж, пойдут дети... И вы хотите, чтобы они росли вот здесь!

Катя оглядела своё скромное жилище и, вздохнув, спросила:

— А что мне надо делать?

— Быстренько собрать документы, главное — своё свидетельство о рождении — и немедленно ехать к нотариусу! А лучше — к Татьяне Гавриловне, она к нему отведёт и во всем поможет. Собирайтесь! Прямо с нами и поедете. Одевайтесь, а мы пока воздухом подышим.

— А разве в субботу нотариусы работают? — всё ещё пыталась сопротивляться Катя.

— Работают, работают! — А если ваш не работает, то Татьяна Гавриловна его быстро разыщет.

Анна и Лена вышли за дверь и начали рассматривать добротный соседний дом с высоким крыльцом, с металлопластиковыми окнами и широкой верандой.

— Да, вот здесь особенно заметно, что люди сейчас живут по-разному, — со вздохом резюмировала Анна. — Но, может, Кате всё-таки повезёт...

Девушка вышла и стала запирать дверь. В это время на соседнем крыльце появилась высокая статная женщина с замысловатым узлом густых волос на макушке. На вид ей было лет 65–70. Она обратилась к Кате:

— Я вижу, ты в город собралась. Брось моё письмо на почте, чтобы скорее дошло, мне неохота из-за этого ехать, а других дел в городе пока нет.

— Опять сестре? Конечно, отправлю. Когда же она телефон купит, чтобы у вас этой мороки с письмами не было?

— Так если бы только телефон... Ей же сначала слуховой аппарат надо купить такой, чтобы можно было по телефону говорить. Глухая она совсем!

Пока шёл разговор, Анна рассматривала женщину. Видно, в молодости была очень краси-

ва. Она кого-то ей напоминала, но кого именно, вспомнить сразу Анна не могла. Уже к концу пути в маршрутке случайно глянула на письмо, которое Катя так и держала в руке. Письмо отправлялось в Сухуми, а в обратном адресе стояло название станицы, улицы, номер дома и фамилия: Павлицева. «Что-то знакомое, — мелькнуло в голове. — А почему знакомое?». И вдруг в памяти всплыл образ вальяжного шефа столовой. Да, да, именно он называл эту фамилию, когда говорил, что с официанткой Павлицевой всё в порядке. А следом вспомнилась и Мила: такая же статья, как у этой женщины, такие же густые волосы. Да и черты лица схожи! Анна повернулась к Кате:

— Дочь вашей соседки в санатории работает?

— Да, официанткой.

— Ой, а я всё думаю, на кого она похожа? — воскликнула Лена.

— Да, тётя Настя и Радмила очень похожи даже теперь, а раньше их и вовсе трудно было различить. Тётя Настя всегда очень молодо выглядела.

— Радмила... Значит, коротко Мила, — уточнила Лена.

— Или Рада, — подхватила Катя. — Можно так и так.

— А что с вашей соседкой случилось несколько дней назад? — спросила Анна.

— Что случилось несколько дней назад? — с удивлением спросила Катя. — Да ничего не случилось.

— Ну как же, Мила даже срочно, вечером, уехала к больной матери, — вмешалась Лена. — Ещё ужин не закончился. Нас другая официантка про-

должала обслуживать. В понедельник! Это было вечером в понедельник.

— Но я ничего не слышала об этом... И Радугу не видела...

— Милу! — снова вмешалась Лена.

— Ну да... Милу... — Катя не понимала, чего от неё хотят.

— Но, может, соседка жаловалась на какое-то недомогание, — продолжала спрашивать Анна. — Или у вас не такие близкие отношения?

— Да нормальные у нас отношения. Если бы тётя Настя сильно заболела, она бы мою маму позвала. Так раза два и было... Но вообще она крепкая, сама с домом и огородом управляет. В понедельник... Вспомнила! В понедельник мама привезла две пары зимних сапог и пошла к тётке Насте, чтобы она себе выбрала. Так мама просидела у неё до девяти часов, уже последние известия начались, когда она вернулась.

— Ну, и выбрала соседка сапоги? — поинтересовалась Анна.

— Выбрала. В понедельник... — продолжала вспоминать Катя. — Ночью дождь прошёл, а на другой день солнце хорошо грело, к вечеру опавшая листва подсохла, и тётя Настя её сгрела. Незаметно было, чтобы она болела.

— Ну, может быть, мы что-то путаем, — поспешила успокоить Катю Анна. — Не стоит больше говорить об этом.

Но сама-то она прекрасно понимала, что говорить стоит, только не здесь, не в маршрутке. Во всяком случае, капитану Ковалёву надо рассказать. Куда и почему срочно ушла Мила? Откуда

она звонила шефу? Скорее всего это не имеет отношения к преступлению, но Анна не могла освободиться от какого-то странного беспокойства. Ей вдруг вспомнилась едва мелькнувшая на балконе в «Островке» фигура высокой женщины с длинными распущенными волосами. Это было всего мгновение, и Анна не успела ничего рассмотреть. Сказать с уверенностью, что то была Мила, она не могла. Но ведь вполне возможно, что её срочно пригласили для какого-нибудь гостя. Сказал же Эдвард, что в этой обители «нэ для всэх» некоторые гости поселяются на несколько дней. Наверняка там происходят «романтические» встречи с красивыми женщинами. Мила вполне подходит для такой роли, но не хочет, чтобы об этом знали дома и, тем более, в коллективе. Вот и сослалась на болезнь матери.

Проводив Катю к Татьяне Гавриловне, Анна и Лена поспешили в санаторий, где отдыхающие уже сидели за своими столами. Даже профессор уже был на своём месте, когда они явились. В конце обеда, увидев, что Анна не собирается пить сок, как и в прошлый раз, обратился к ней:

— Вы позволите?

— Конечно, конечно! Я не люблю сливовый. И вообще предпочитаю чай.

— Благодарю, — сказал профессор и, уходя, взял с собой стакан сока.

Анна с сочувствием посмотрела на его сторбленную фигуру, сегодня он показался ей ещё более старым и больным, чем обычно, и она невольно подумала о том, как безжалостна природа, разрушающая человека под конец его жизни.

А ведь вместе с ним уходят какие-то идеи, планы, стремления... Её размышления прервал звонок телефона.

— Приветствую вас, Анна Антоновна, — раздался голос капитана Ковалёва. — Вы говорили, что дед, который вас подвозил, оставил номер своего телефона...

Анна встала из-за стола и направилась к выходу, продолжая разговаривать на ходу:

— Да... На клочке газеты записан... И если я его не выбросила...

— Так выбросили или нет?

— Кажется, я засунула его во внешний отсек чемодана... Наверное, он ещё там.

— Посмотрите, пожалуйста, хотелось бы побеседовать с этим Тимофеичем.

— Да, да... Я уже подхожу к себе... Сейчас посмотрю... Не отключайтесь!

Клочок бумаги действительно оказался в чемодане. Анна быстро продиктовала номер и, положив бумагу на место, аккуратно застегнула молнию (вдруг ещё понадобится!), затем спросила:

— А что, есть какие-то предположения?

— Да вот ваша горничная настаивает, что доктор Банников все-таки отлучался из кабинета дежурных вечером в понедельник и домой ушёл пешком. А вы говорили, что видели, как кто-то заворачивал за лесок... Ну, может, и дед кого-то видел... Хотя по времени вроде не сходится, но чего только не бывает. Надо с этим Тимофеичем побеседовать.

При упоминании о докторе Банникове сердце Анны болезненно сжалось, и сразу представилось, как он резал колбасу тонким и удивитель-

но острым ножом... Предположительно похожим на тот, которым убили Трегубову. И его кожаная куртка похожа на ту, которая на миг блеснула в свете уличного фонаря, когда кто-то заворачивал за лесок. «Банников — убийца? Но это так нелепо! — думала Анна, вспоминая, с какой нежностью он ласкал её. — Чтобы в одном человеке так удивительно сочетались нежность и жестокость... Нет, это невозможно!». Сомнения терзали Анну, ей хотелось найти какие-то оправдания для человека, который сумел разбудить в ней давно забытое чувство. И в то же время совесть побуждала её признаться Ковалёву, где она видела нож, каким, по предположению следствия, была убита Лидия Васильевна. Так и не решив свои сомнения в пользу совести, Анна впервые за время пребывания в санатории воспользовалась «тихим часом», чтобы немного отдохнуть. Но уже через полчаса к ней постучалась взволнованная Лена.

— Ой, вы не представляете, что творится в санатории! — заторопилась с рассказом девушка. — Откуда-то пошли слухи, что в убийстве Лидии Васильевны подозревают... Кого бы вы думали? Доктора Банникова!

Анна невольно поморщилась, что не ускользнуло от бдительной Лены.

— Не верите? А что он прячет в чужом сарае?!

— Ну, маленький нож нетрудно спрятать и в другом месте, — опять поморщилась Анна.

— А пакет? Такой, как у Лидии Васильевны?

— Да уже говорили, что с такими пакетами отдыхающие всех санаториев ходят, они на каждом углу продаются.

— Это верно, — согласилась Лена. — Но пропал-то только у Лидии Васильевны. И Банников...

Лена остановилась и, немного подумав, сказала:

— Мне тоже не хочется верить, что это он...

— Ты определись как-то, — заметила Анна. — То ты Эрнеста подозревала, теперь Банникова...

— Так уж получается... А может, и правда, Зина наговаривает на доктора из-за мести.

— Из-за мести? — удивилась Анна.

— Нина, ну, та официантка, которая нас вместо Милы обслуживала, такое мне рассказала...

Анна молча ожидала продолжения, и Лена зашептала таинственно, словно их мог кто-нибудь услышать:

— Оказывается, доктор, когда только сюда приехал и ещё не успел купить квартиру, снимал комнату ... У кого, вы думаете? У Зины! Ну, не у неё лично, а у них в доме. А их дом рядом с тем, где гараж, в котором машина Банникова стояла...

— Причём тут гараж и машина? — с недоумением спросила Анна.

— Ни при чем, — согласилась Лена. — Просто у Зины гаража нет, поэтому машину доктор у соседей поставил.

— И что из того? — недовольно спросила Анна.

— Да я не про это хотела рассказать, а вот про что...

Лена даже оглянулась, нет ли кого постороннего поблизости, и снова зашептала:

— Представляете... Зина хотела женить на себе Банникова! Она специально купила прозрачный пеньюар... Нине подарили на день рожде-

ния, а он для неё маленький, вот она и продала Зине. Так вот, Зина надела этот пеньюар, а сама под ним совсем голая... Ну, всё же видно...И что бы вы думали? Пошла ночью в комнату к доктору! Но он её выпроводил! Хотя и вежливо, но выпроводил и сказал, чтобы она этого никогда больше не делала. Зина сама это Нине по секрету сказала и хотела вернуть пеньюар. Но Нина сказала, что деньги отдаст, а пеньюар пусть Зина себе оставит, может, ещё пригодится, ей самой он всё равно не нужен.

— Любопытная история, — неожиданно воодушевилась Анна.

— Ещё какая! — согласилась Лена.

— Наверное, надо рассказать капитану, — заметила Анна.

— Я тоже так думаю! — опять согласилась Лена.

— А впрочем, не знаю, нужно ли, — вдруг засомневалась Анна, вспомнив час, проведенный в объятиях доктора, — ведь это очень личное.

— А зачем она наговаривает? — настаивала Лена.

— Такие обиды прощают нелегко, — заметила Анна. — И всё же до какого предела может подойти человеческая низость? Ведь Зина только подозревает доктора, а говорит с такой уверенностью, словно знает наверняка.

— Наверное, ещё героиней себя считает: «преступника нашла»! — язвительно высказалась Лена.

Оставив её реплику без ответа, Анна сказала:

— Ну, всё, Лена, иди к себе. Я хочу немного отдохнуть перед ужином.

После ухода Лены Анна глянула на табло мобильника: завтра воскресенье! А это значит, что в санатории останутся только дежурные врач и медсестра. Банников совсем недавно дежурил, наверняка будет другой доктор. Есть возможность расслабиться и не бояться неожиданной встречи с ним. А все-таки не поехать ли ей на экскурсию по Кисловодску? Интересно и познавательно. И время до самого обеда будет занято. Даже профессор уже там побывал. За ужином надо будет поинтересоваться у него, что ему больше всего понравилось. Но поинтересоваться не удалось — профессор к ужину так и не явился.

— За обедом он неважно выглядел, — заметила Анна. — Может, надо ему что-нибудь отнести?

— Не волнуйтесь, — успокоила её Лена. — Его обязательно покормят в палате. Здесь такой порядок.

— Пожалуй, ты права, — согласилась Анна, — не стоит лишний раз его беспокоить. А я хочу завтра поехать на экскурсию в Кисловодск. В воскресенье никаких процедур, так что можно отлучиться на полдня. Места в автобусе ещё есть. Вы как, со мной? Или уже побывали?

— Ой, с вами, с вами! — заторопилась Лена. — Мы ездили на электричке, сами гуляли, но, наверное, не всё видели. Правда же, Толя?

Юный муж, кажется, уже понял, что у них единое мнение и принадлежит оно Лене, поэтому согласно кивнул головой.

ГЛАВА 15

Завтракали, как говорится, на ходу и потому даже не обратили внимания на отсутствие профессора. Ну, не дошёл ещё, или завтрак ему принесли в палату. Доктора Банникова тоже не было видно, и Анна мечтала только об одном, чтобы он ненароком нигде ей не повстречался до отъезда на экскурсию. Назад вернулись переполненные впечатлениями. До обеда оставалось минут двадцать, и Анна решила сменить дорожный костюм на более свободную одежду. Она потянула дверцу шкафа. Створка всегда легко открывалась, но на этот раз что-то ей мешало. Анна потянула сильнее, и за створкой потянулся попавший под неё рукав упавшей с вешалки блузки. Анна удивилась своей небрежности: видно, так торопилась в поездку, что свалила блузку. Но в следующую же минуту обратила внимание на то, что все вещи сдвинуты с мест, будто кто-то их перебирал. Сама она этого точно не делала и сейчас вспомнила, что костюм для поездки подготовила заранее и аккуратно повесила в прихожей, чтобы утром не рыться в шкафу и не терять времени. Вслед за этим увидела выпавший из кармана жакета платок. Что это? Кто-то рылся в её шкафу, лазил по карманам? Правда, ни одна вещь не пропала, но всё же как будто их кто-то трогал. Зачем? Почему? А вдруг что-то пропало на столике, из тумбочки, с трюмо?

Анна стала обходить помещение, внимательно присматриваясь к вещам. Ни одна из них не исчезла, но баночка с кремом сдвинута с места, рас-

чэска, лежавшая на полке, упала в мойку, коробочка с чайными пакетами, стоявшая на столе, приоткрыта... Во всем ощущалось чьё-то присутствие. У Зины в этот раз два выходных — суббота и воскресенье. Договорились же, что она уберёт вечером в пятницу, и этого довольно до понедельника. Может, тут «наводила порядок» другая горничная? «Какая небрежность, — недовольно подумала Анна. — Но зачем она лазила в шкаф? Из любопытства рассматривала мои наряды?». Всё это было Анне неприятно, но не будешь же предъявлять претензии из-за таких мелочей. Однако радужное настроение, с которым она вернулась из Кисловодска, поуменилось, что явно читалось на её лице. Обедать она пришла без привычной улыбки. Лена, поняв это по-своему и выждав секунды три, тихо спросила:

— Так вы уже знаете?

Анна непонимающе посмотрела на неё:

— Что именно?

— Про Виктора Прохоровича...

— А что...

— Умер он! — выпалила Лена.

— О боже! Когда?

— Ещё вчера. Только никому не говорили. Сами понимаете: смерть отдыхающего в санатории...

— Да, это не такое событие, о котором нужно говорить громко, — согласилась Анна.

— Я же всегда говорил, что он больной, — заметил Толя.

— Но не такой, чтобы вот так взять и умереть! — не могла не возразить мужу Лена уже просто по привычке.

— Он вчера выглядел усталым, — сказала Анна.

— А вот вы почему-то сейчас не в настроении, — заметила Лена. — С экскурсии вернулись такой веселой... Что-то случилось?

— Сама не знаю, — задумчиво произнесла Анна и умолкла, заметив приближавшуюся с подносом Милу.

Анна пронзительно глянула на Лену, и та поняла, что лучше помолчать, пока официантка будет ставить на стол свежую выпечку и фарфоровый чайник, полный ароматного напитка. Мила, как всегда, безупречно красивая и молчаливая, направилась к соседнему столику. Лена, подстегиваемая чутьём детектива-любителя, обратилась к Анне:

— Расскажите?!

— После обеда пойдём ко мне, — ответила Анна.

— Идём! А ты, Толя, можешь поиграть с соседом в шахматы.

Оказавшись в своём люксе, Анна заперла дверь на ключ, что делала только на ночь.

— Вы боитесь, что кто-то войдёт? — глаза Лены уже загорались азартом.

— Да, лучше поговорить без неожиданных визитов.

Анна прошлась по гостиной и продолжила:

— У меня такое ощущение, что в моё отсутствие здесь кто-то был и рылся в моих вещах. Это так неприятно.

— Доктор! — выпалила Лена. — Всё-таки он как-то подозрительно себя ведёт!

— Н-нет, не думаю, — поморщилась Анна, а потом продолжила: — Сегодня же воскресенье, ра-

ботаю только дежурные, а он совсем недавно уже дежурил. Нет... Сначала я подумала, что здесь убирала горничная, подменявшая Зину. Но зачем же открывать шкаф и лазить по карманам?!

— По карманам?! — удивилась Лена. — Значит, что-то искали!

— Выходит, что так, — согласилась Анна, подходя в прихожей к чемодану.

— А что у вас ценного? Драгоценности, например. Все на месте? Вы проверили?

— Да нет у меня никаких драгоценностей и вообще ничего особо ценного... Да вроде всё в порядке, но... Так, а это что?

Анна остановилась перед чемоданом. Прежде она не обратила на него внимания и лишь теперь увидела, что внешний отсек приоткрыт и из него торчит кончик газетной бумаги. Да, она его доставала, чтобы сообщить Ковалёву номер телефона Тимофеича, но очень хорошо помнит, что аккуратно положила на место и до конца застегнула замок.

— Сомнений нет, — заявила Лена, — у вас что-то искали.

— Да что же у меня искать?! Никаких украшений...

— Ну не скажите! — вдруг выпалила Лена. — А серёжка?!

— Какая... — начала было говорить Анна и, увидев уличающий взгляд Лены, умолкла.

— Сами знаете, какая... Вот теперь рассказывайте, что за серёжка, почему одна и почему она вам так дорога, если у вас даже уши не проколоты! Вы что... взяли её из вещей Лидии Васильевны,

когда мы помогали их собирать? Так этого не может быть, вы же не воров... Ну, не стали бы брать!

— Вот именно, — отозвалась Анна.

— Так в чём дело? — настаивала Лена.

— Не моя тайна, — вдруг сдалась измученная сомнениями Анна, — не могу сейчас тебе ничего сказать. Но обещаю: скоро ты всё узнаешь.

— А почему не сейчас? — разочарованно протянула Лена.

— Не могу... Слово дала.

— Вы смотрели, серёжка не пропала? Всё-таки золото.

— Не пропала, я её всегда ношу с собой.

— А может, это из-за неё у вас тут обыск устроили? — вдруг выдвинула догадку Лена.

— Из-за неё? Но кто о ней знает? Я да ты...

— А Зина? Она же её вам принесла!

— Зина выходная сегодня. Да и зачем ей эта серёжка? Она же отдала её... А потом тайно хотела забрать? Абсурд!

— Правда, абсурд, — согласилась Лена.

— Давай-ка мы чайку попьём, — предложила Анна, подходя к чайнику.

— Давайте, — согласилась Лена, но Анна вдруг в недоумении остановилась перед столом и растерянно посмотрела на девушку.

— Что-то случилось?

— Здесь вода, — сказала Анна в замешательстве. — Явные остатки, не больше сантиметра...

— И что?

— Утром я не пила чай, мне достаточно было завтрака в столовой. Мы же торопились на экскурсию.

— Ну да... — всё ещё ничего не понимая, протянула Лена.

— Так откуда вода? Я вчера вечером вылила остатки воды и хорошо помыла чайник. Я никогда не оставляю в нём воду на ночь! Значит, кто — то здесь был и...

— Пил чай! — подхватила Лена, поднимаясь с дивана и подходя к Анне.

— И что за порядки, — недовольно протянула Анна, собираясь вылить остатки воды, помыть чайник и наполнить его снова. — Как это возможно...

— Погодите! — остановила Анну бдительная любительница детективов. — Вам не кажется, что у этой воды какой-то желтоватый оттенок?

— Нет, это свет лампы на неё падает, — отвела подозрение Анна.

— Погодите! — настаивала на своём Лена. — Не нравится она мне! У вас маленькая баночка найдется? Надо её сохранить.

— Зачем? — удивилась Анна.

— Для экспертизы!

— Ты совсем заигралась в детективы, девочка, — засмеялась Анна.

— Ну, что, вам жалко дать баночку? — настаивала Лена.

— Да вот тебе пузырёчек из-под валерьянки. Тут осталось-то всего две таблетки, я иногда на ночь принимаю, чтобы расслабиться.

Лена взяла пузырёк, тщательно его промыла и перелила туда воду из чайника.

— И что теперь с ней делать? — со смехом спросила Анна. — Где экспертизу будешь проводить?

— Пойду к капитану!

— Ну, не ставь меня в смешное положение, — попросила Анна.

— Почему же смешное? — возразила Лена. — А вдруг здесь что-нибудь такое...

— Ладно, любительница сыска, садись. Я очень хорошо чайник помыла, вода свежая, сейчас закипит.

Они уже допивали чай, когда раздался звонок телефона. Звонил Ковалёв.

— Вы у себя, Анна Антоновна? Хорошо. Я сейчас к вам подойду... Нет, я не в кабинете, а у вас в санатории, пришлось срочно провести небольшое расследование.

Минут через пять капитан уже был у Анны. Увидев Лену, хотел попросить её выйти, но потом сказал:

— Впрочем, вы девушка наблюдательная и всё равно уже отчасти в курсе дела, может, чем-то и поможете... Не нравятся мне последние события, происходящие в вашем санатории...

— А что такое? — с удивлением спросила Анна.

— Да вот профессор из Красноярска умер...

— Так он очень больной, — заметила Анна.

— Да, больной... Только умер он не от инфаркта и не от инсульта, как можно было бы предположить... Профессор был отравлен.

— Как?! Чем?! — в один голос вскричали Анна и Лена.

— Ядом, естественно.

— Да кому он мешал?!

— Он никому не мешал, но вас за столом было четверо... Я сегодня уточнил, что профессор в последние дни никуда не отлучался, никого не про-

сил купить для него что-нибудь в городе, никакого угощения ни от кого не принимал... Значит, яд получил здесь, в санатории. И скорее всего он не ему предназначался...

— Вы думаете... — вдруг догадалась Анна.

— Думаю, думаю! Нужна предельная осторожность...

— А что я говорила! — вдруг воскликнула Лена.

— Что именно? — повернулся к ней Ковалёв.

— Вот! — Лена протянула капитану пузырёк с водой.

— Что это?

— Вода! Срочно на экспертизу!

Лена, используя все таинственные краски голося, рассказала о странных поисках в люксе Анны и под конец высказала предположение:

— Я думаю, искали серёжку!

— Серёжку? — удивился капитан. — Какую?

Тут спохватилась Анна:

— Давно хотела вам отдать... Но сначала потеряла... Потом мне её принесли...

— Так она не ваша? — спросил Ковалёв.

— Да у меня же уши не проколоты.

— А, да, да, вижу... Ага, вы считаете, что она могла принадлежать потерпевшей?

— Конечно! Я же её нашла там... — Анна умолкла, оглянувшись на Лену.

— Занятная штучка, — сказал Ковалёв, разглядывая серёжку в форме золотого «кораблика», — приобщу к вещам потерпевшей. Завтра после обеда ко мне придёте и расскажете поподробнее.

— Сегодня воскресенье, а вы работаете, Может, чаю попьёте? — предложила Анна.

— В нашей службе выходных не бывает. С утра уже успели провести эксперимент с Тимофеичем и доктором Банниковым. Не признал старик в нём того прохожего, который шёл вдоль лесочка. Говорит, что тот был ниже ростом и с усами. Но причастен ли этот прохожий к преступлению — тоже вопрос. По времени не сходится. И, как говорит Тимофеич, шёл он неторопливо, а преступник постарался бы уйти побыстрее и подальше.

При упоминании о докторе Анна сначала напугалась, боясь услышать обличающие его известия, а в конце едва сдержала радостный вздох. Но капитан, допивавший чай, кажется, ничего не заметил.

— Ну я же говорила, что Зина на него наговаривает! — не преминула заметить Лена.

— Это вы о чём? — поинтересовался Ковалёв, поднимаясь с дивана.

— Я вам завтра всё расскажу! — заверила Анна.

— Добро, — согласился капитан и продолжил, глядя на Лену: — Надеюсь, здесь все понимают, что наш разговор должен остаться в тайне.

Лена с готовностью затрясла головой и закрыла рот обеими руками.

ГЛАВА 16

Когда капитан ушел, Анна сказала:

— Лена, времени до ужина ещё много, так не прогуляться ли нам к Татьяне Гавриловне? Приятная старушка, пообщаемся и заодно узнаем, удалось ли Кате встретиться с нотариусом.

Лена, охваченная поисковым азартом и всегда готовая помочь ближнему, с восторгом поддержа-

ла эту идею. Они зашли за тортом в магазинчик, который на сей раз оказался открытым, и направились на автобусную остановку. Анна не сказала своей попутчице, что именно на самом деле ей хотелось прояснить в разговоре с Татьяной Гавриловой, а сама думала об этом всю дорогу до её дома. Какое-то смутное беспокойство, возникшее после разговора с Катей, не покидало её и всё настойчивее лезли в голову вопросы: «Если мать Милы не болела, то почему официантка сослалась на выдумку о её болезни и ушла куда-то внезапно? Не её ли она видела на балконе «Островка», а если её, то как она там оказалась и что делала?». Анна не могла себе представить Милу с её гордой осанкой в роли «девушки по вызову» и в очередной раз подумала, что наверняка ошиблась и видела на балконе не её. Но тогда где же была она несколько дней, если не ездила к матери? И вообще, что это за люди — мать и дочь Павлицевы? Татьяна Гавриловна в хороших отношениях с их соседями, а те уж наверняка что-то о них ей рассказывали. С намерением разузнать кое-какие подробности и ехала сейчас Анна к Татьяне Гавриловне. Зачем ей это нужно, она и сама до конца не понимала, но чувствовала, что все последние события как-то взаимосвязаны, и в тайнике души своей она хотела отыскать какие-то аргументы, оправдывающие... доктора Банникова. Да-да! Ей приходится признать, что она не может забыть его ласк и нежности и продолжает думать о нём.

Татьяна Гавриловна искренне обрадовалась своим новым знакомым и охотно рассказывала обо всём, что их интересовало.

Нотариус в эту субботу работал и принял у Кати документы. Он сказал, что кто-то очень старался добиться того, чтобы наследство Тамары Ивановны Трегубовой, а это квартира и дачный участок с домом, было признано выморочным и оказалось в ведении администрации города, которая и продала бы их заинтересованному лицу. Кому это было нужно, он не знает, но адвокат администрации Артур Саакян приходил к нему и говорил, что он занимается «дурным делом», разыскивая какого-то неизвестного наследника. Намекал на деньги, если нотариус перестанет разыскивать наследника, и стал особенно настойчив, когда выяснилось, что тот умер. Когда неожиданно явилась Лидия Васильевна и объявила себя наследницей, Саакян пытался договориться с ней: дескать, документов у неё не хватает, надо ещё доказать право наследования, а это такая морока, так лучше взять хоть какие-то деньги и отступить. Но Лидия Васильевна почувствовала здесь какой-то подвох и не стала ни о чём договариваться, а попросила подругу привезти документы, подтверждающие её родство с Вадимом, а также свидетельство о его смерти. С ними она и должна была явиться к нотариусу. Но, как известно, она так и не встретилась с Софьей, была убита, и при этом исчезла сумочка с её личными документами. Как говорится, нет человека — нет и проблемы, и через несколько дней распорядителем наследства Трегубовой уже могла стать администрация города. Но кто и почему был в этом заинтересован?

Ответ на вопрос «почему» нотариус получил. Дело вовсе не в трёхкомнатной квартире, а в зе-

мельном участке. Он расположен на самом краю дачного товарищества, и именно здесь должна пройти широкая благоустроенная дорога от магистрального шоссе к курортному кластеру, место для которого уже арендовала у администрации одна крупная компания. Она не покусится, выкупая участок у владельца. В случае отсутствия наследников деньги получит новый владелец, который срочно выкупит у администрации наследство Трегубовой. Но кто это может быть, нотариус не знает.

— Так теперь же все ясно! — радостно воскликнула Лена. — Катя может назначать свою цену! Она же станет владелицей.

— А если этот предполагаемый претендент попытается помешать ей? — тревожно спросила Анна.

— Как? — удивилась Лена. — Документы уже у нотариуса.

— Да так, как и Лидии Васильевне...

— Ой, вы думаете, что... — Лена в ужасе стиснула ладони. — Ой, Катя в опасности! Как же быть?

— Пока не знаю, надо подумать. Посоветоваться...

— Да, да! — горячо поддержала Лена, поняв, что Анна намекает на капитана.

— Татьяна Гавриловна, а вы бывали у Кати и Марины? — обратилась Анна к хозяйке.

— Да, бывала, и не один раз. Вот я и ужасалась, в какой страшной халупе они живут. А как Тамара умерла, я и забила тревогу да стала их уговаривать заявить право на наследство, а они ни в какую! А как Лидия приехала, я дала нотариусу свой теле-

фон, чтобы он сообщил ей, хотела уговорить её поделиться с Катей. И нотариусу сказала, что это было бы справедливо. Он со мной согласился и продиктовал Лидии Васильевне по телефону мой номер.

— Так вот что означала буква «н» рядом с вашим номером! — воскликнула Лена. — Мы всё гадали, что такое, а оказывается так просто: нотариус! Ну, что это он дал ваш номер.

— Возможно, возможно, — продолжила Татьяна Гавриловна. — Но Лидия Васильевна, скорее всего, не успела мне позвонить. Я же продолжала уговаривать Катю и Марину. Теперь уж, когда Лидии нет, чего им упрячиться? Хорошо, что вы их уговорили. А насчёт опасности...

Татьяна Гавриловна помолчала немного, слегка покачивая головой как бы в сомнении, и продолжила:

— Вы думаете, что купить дачу и квартиру хотел кто-то из чиновников администрации, когда они перейдут в её ведомство?

— Вполне возможно.

— Но... неужели кто-то из них решился бы на убийство? У них хорошая зарплата, хорошее положение... Зачем рисковать?

— Однако бывают люди, которым всего мало и всегда хочется урвать лакомый кусочек, — возразила Анна. — А тут, видимо, речь идёт о больших деньгах. Ради них могли рискнуть. Да ведь в таких случаях не сами совершают преступление, а нанимают кого-нибудь.

— Не знаю, не знаю... Просто не хочется верить, что люди, у которых, считай, весь город в руках, могут пойти на такое.

— Вы же телевизор смотрите, — опять возразила Анна, — видите, у кого находят денежные «залежи» в сотни миллионов и драгоценности. Эти чиновники занимали высокие государственные посты. А тут городская администрация... Известно, что дурной пример заразителен. Если тем можно, то почему этим нельзя?

— Да почему это вообще возможно?! — в сердцах воскликнула Татьяна Гавриловна.

— Время сейчас такое, — со вздохом сказала Анна, — никак не можем выбраться из криминального капитализма в нормальные экономические отношения. Но... мы с вами этой проблемы не решим.

— Не нам её и решать! — резко сказала Татьяна Гавриловна. — Только, видать, никто этим заниматься не хочет!

— Ну, всё-таки выявляют... — сказала Анна, понимая, что ответ её неубедителен, и желая перевести разговор на другую тему. — Вы соседей Катиных знаете?

— Павлицевых-то?

— Ну да. У них-то дом великолепный. У Милы всего-навсего зарплата официантки... Мать вроде уже на пенсии... Или она раньше хорошо зарабатывала?

— Я точно не знаю, но Марина рассказывала, что они из Сухуми уже с деньгами приехали и дом этот у знакомых цыган купили. Да и Анастасия-то наполовину цыганка, так они ей и продали дешевле.

— Так выходит, что Мила тоже цыганка? — вступила наконец в разговор Лена.

— Не совсем, но кровь цыганская в ней есть.

— Так вот откуда у неё такая стать, такой гордый вид! — воскликнула Анна. — Ну прямо царица!

— Это в ней есть, — согласилась Татьяна Гавриловна.

— Такая красавица и не замужем, — сказала Анна, подводя её к нужной теме.

— Ох, да тут такая история... — начала было Татьяна Гавриловна и замолчала.

— Ой, расскажите! — в нетерпении воскликнула Лена, чувствуя, что за этими словами кроется что-то необыкновенное.

— Дом у них был в Сухуми. Когда у Анастасии муж умер, там, в том доме, сестра её осталась, а они с Радмилой сюда приехали, в станицу. И был у Радмилы муж, только, как это теперь принято, гражданский, без регистрации. Парень красивый, тоже на цыгана смахивал, только волосы у него были светлее. Он то куда-то исчезал на несколько дней, то снова являлся... Это мне Марина рассказывала.

— Да понятно, что вы сами ничего видеть не могли...

— Ну почему же? Вот раза два я его и видела. Как-то приехала к Марине помочь в огороде и набрать у них домой овощей. Мы в грядках ковыряемся, а крыльцо соседское нам хорошо видно. Смотрим, выскочили из дома Рада и этот, как его... Николай. Выскочили и ругаются! Потом он соскочил с крыльца и бегом на дорогу. Убежал, но я его хорошо рассмотрела. И второй раз тоже почти так же и было. Мне потом Марина сказала, что они часто ругаются. И каждый раз Николай исчезает на несколько дней. А однажды...

— Что однажды?! — подстегнула нетерпеливая Лена умолкнувшую рассказчицу.

— Да сейчас... В горле пересохло, вот чайку глотну...

Гости терпеливо ждали продолжения. Татьяна Гавриловна взяла в рот кусочек торта, запила остывшим чаем, затем ещё один, потом продолжила:

— Ну, вот однажды опять поругались они днём ещё. Анастасии не было, она за день до того к сестре в Сухуми уехала. Марины тоже не было, она на рынке с обувью стояла, торговала. Как ругались, только Катя слышала и видела, она как раз из школы возвращалась. Николай выскочил на крыльцо, Рада за ним. Он кричит: «Изуродую тебя, зараза!». Она в ответ: «Только попробуй!». Он опять, как всегда, выскочил на дорогу и исчез. Катя видела в окно, что через полчаса и Рада ушла из дома и направилась к остановке автобуса. А ночью они с Мариной вроде какой-то шум у соседей слышали, но не придали значения, уснули. Утром видят: дверь у Павлищевых настежь открыта, а на веранде один из горшков с цветами упал. Вроде как кто-то второпях задел. Марина стала звать: «Рада, Рада! Николай!». А никто не откликается. Она почувяла что-то недоброе, поднялась к ним, заглянула в дверь, потихоньку вошла и у порога кухни увидела Николая, а под ним лужу крови и рядом с ним молоток. Она давай «Скорую» вызывать и полицию. Убил его кто-то, видать, широким ножом по горлу резанули. Только нож тот не нашли и убийцу тоже. До сих пор дело не раскрыто.

— А когда это было? — поинтересовалась Анна.

— Да вот также осенью, только чуть попозже, в ноябре.

— А в каком году?

— Так года ещё нет. В прошлом году, значит.

— И предположений нет, кто мог это сделать?

— Опросили двух его дружков, которые иногда с ним приходили, у обоих твердое алиби. И они сказали, что ничего не знают, но Николай был с таким характером, что мог кого угодно из терпения вывести. С кем он мог в ту ночь домой вернуться — неизвестно. Все следы около дома и на дороге дождь смыл.

— А где же Мила в ту ночь была? — спросила Анна.

— Она, как оказалось, накануне комнату у какой-то женщины в городе сняла, потому что, когда поздно работу заканчивает, не на чем домой возвращаться. Вот когда они ругались в тот день, она за вещами приезжала, а ночевала на съемной квартире.

— Бедная Мила, настрадалась с таким мужем, — пожалела любимую официантку Лена.

— Никогда бы не подумала, что Мила может ругаться с кем-то, кричать, — сказала Анна. — У неё всегда такой вид... величественный! Нас она обслуживает молча.

Гости и хозяйка ещё поговорили немного о странностях природы человеческой, о том, как рады за Катю и Марину, у которых в перспективе хорошая квартира и дача, и расстались довольные неожиданной встречей. Анна пыталась как-то связать всю информацию в один узел, но поняла, что это должны делать не она с Леной, а те, кому по-

ложено такими делами заниматься. Она позвонила Ковалёву и сказала, что придёт к нему завтра утром, сразу после завтрака, так как должна рассказать ему о том, что не терпит отлагательства.

ГЛАВА 17

«И снова понедельник, вот уж поистине тяжелый день, — подумала Анна и тут же себя поправила: — Впрочем, неделю назад это был тяжелый вечер. Вернее, ночь. А чего ждать сегодня?». Одеваясь к завтраку, Анна размышляла. Она уже выяснила, что дежурная горничная у неё не убирала. Но кто-то всё-таки был в номере и рылся в вещах! Что искал? Может, кто-то её «вычислил», догадался, что она была на месте преступления и знает какие-то детали, которые помогут следствию, и опасался этого? Но причём тут её вещи? И кого вообще она могла интересовать?

Первой на ум пришла Зина. Она приводила в порядок её одежду и даже сказала, что замывала «бурые пятна». Могла она догадаться, что то были следы крови? Могла. Потом эта серёжка... Анна помнит, как посмотрела на неё Зина, когда она спросила о серёжке. Настороженно? Нет, скорее удивлённо. Серёжка тут ни при чём, не могла Зина придать ей никакого значения. По крайней мере, тогда, в то утро вторника, когда ещё никто, кроме самой Анны, не знал о преступлении. Потом Зина видела, как она вместе с Леной и Толей садилась в машину доктора, подметила, что он оказывает ей какие-то знаки внимания... Ревность? Могла Зина приревновать Анну к доктору,

который её отверг? Могла. Но причём здесь тайные поиски в её номере? Допустим, что то была Зина. Она знала, что Анна в воскресенье уезжает на экскурсию, и заранее обеспечила себе алиби, сославшись на поездку в Нальчик, а сама не поехала, пришла в номер и начала искать... Но что она искала?

Так и не найдя ни на что ответа, Анна отправилась завтракать. Лена и Толя уже сидели за столом, а место профессора всё ещё пустовало. Анна, занятая размышлениями, даже не обратила внимания на Милу, ставившую на стол фарфоровый чайник с горячим напитком, и глянула на неё только тогда, когда услышала восхищенный возглас Лены:

— Ой, Мила! Ты сегодня ещё красивее, чем всегда! Как тебе идут эти серьги!

Анна подняла голову от стола, но Мила уже повернулась и направилась к кухне. Анна вдруг подумала: что её зацепило в возгласе Лены? Серьги... При чем тут серьги? А! Вот что! Серёжка! Зина нашла её за ножкой ванны, когда убирала. Но она же вернула! Вернула, думая, что эта серёжка принадлежит Анне. Зина к её ушам не присматривалась. Или присматривалась? Может, она подумала, что Анна решила присвоить себе серёжку Лидии Васильевны, когда они собирали её вещи? Нет! Зина не знала, что, когда она разговаривала с капитаном, в соседней комнате Анна с Софьей и Леной собирали вещи Лидии Васильевны. И о серёжке Анна спрашивала её ещё до того, во вторник утром. Ну ничего не вяжется! Хорошо хоть, что вчера она наконец отдала эту злополучную се-

рёжку капитану, чтобы он приобщил её к вещам Лидии Васильевны.

Из столовой Анна сразу направилась к выходу. Сегодня она должна была посетить своего врача по его предписанию. Он, наверное, уже сидел в кабинете, ожидая пациентов. Анна не видела Банникова с того момента, как он высадил её из своей машины, не доезжая до остановки, только слышала потом его голос, когда капитан говорил с ним в соседней комнате. Она боялась встречи с ним, потому что совершенно не понимала, как вести себя при этом. Теперь она упрекала себя за то, что не устояла перед его натиском, скатилась до обычной курортной интрижки. А тут ещё подозрения о его возможной причастности к преступлению... И хотя Анна душой их не принимала, но настойчивость Зины и нож, который она видела у него, похожий на «тот самый», сильно смущали её даже теперь, когда капитан сказал, что Тимофеич в ту ночь видел на дороге не его. Вот с этой непонятной смутой в душе она и переступила порог кабинета капитана Ковалёва.

Андрей Николаевич слушал долгий рассказ Анны внимательно, не перебивая. А она старалась не упустить ни одной мелочи из того, что ей стало известно о странных взаимоотношениях в семьях Трегубовых, о нотариусе и его версии, о том, что Катя отдала ему документы для оформления наследства, о ссорах официантки Павлицевой с мужем, о его убийстве, которое до сих пор не раскрыто... А потом всё-таки решилась и рассказала, что Мила в ночь убийства Лидии Васильевны не ездила к матери, что Анастасия Павлицева была

совершенно здорова и не нуждалась в её помощи. А была Мила, видимо, в «Островке», но за это она поручиться не может, так как видела похожую женщину всего одно мгновение.

Едва Анна закончила, вошёл эксперт, тот самый, что снимал у неё отпечатки пальцев. Он приостановился у порога, многозначительно глянув сначала на капитана и затем на Анну. В одной руке эксперт держал маленький целлофановый пакетик, в другой — небольшой листок бумаги. Ковалев его понял и сказал:

— Можно, можно... Заходите, показывайте, что там у вас. Пусть и Анна Антоновна послушает, это её касается.

Эксперт положил на стол пакетик и сказал:

— Серёжка убитой не принадлежит. У неё вообще уши не проколоты.

— Вот как? — удивился Ковалёв.

Но ещё больше удивилась Анна, она даже чуть не соскочила со стула:

— Я же эту серёжку на ней нашла!

— В каком смысле... на ней? — пожелал уточнить капитан.

— В прямом! Я хотела приподнять уб... пострадавшую и схватилась одной рукой за её куртку. Почувствовала что-то острое и сунула в карман. Потом потеряла, забыла... Ну, я уже рассказывала.

— Но если серёжка не ваша и не пострадавшей, то как она оказалась, как вы утверждаете... на ней?

— Не знаю... — растерянно ответила Анна.

— Да я, собственно, не вас спрашиваю, я просто задаюсь вопросом... Может, эту серёжку рань-

ше кто-то потерял и потом она просто прилипла к одежде потерпевшей? Ну, чушь, конечно. Это я так... Не знаю пока, как её связать с преступлением.

— На ней есть частицы кожи, на дужке, — сказал эксперт, — и на камешке частицы застывшей крови...

— И... — капитан выжидающе смотрел на эксперта.

— И оказалось, — продолжил тот, — что кровь совпала с кровью убитой, а частицы кожи нет.

— С кровью всё понятно, тут трудно было не запачкаться, — Андрей Николаевич, рассматривавший серёжку, опустил её в пакет, — а вот с кожей... Ну, а что с водой?

— А вот читайте, — сказал эксперт, подавая бумагу.

Андрей Николаевич прочитал и выразительно посмотрел на Анну:

— Ваша вода, между прочим.

— И что?

— Тот же яд, каким был отравлен профессор.

— Не может быть! — воскликнула Анна.

— Ещё как может. Только хочу понять, каким образом ваш стакан с соком достался профессору.

— Я не люблю сливовый! Он пил сначала свой, а потом мой!

— Кажется, мы уже начинаем расставлять всё по местам, — задумчиво произнёс Андрей Николаевич. — Преступника надо искать в санатории. — Он многозначительно посмотрел на Анну.

Она даже съёжилась под его взглядом: неужели всё-таки доктор Банников? Значит, надо расска-

зять и про нож! От этой мысли ей стало нехорошо, что не ускользнуло от Ковалёва. Он протянул ей стакан с водой:

— Глотните немного, это безопасная.

Его шутливый тон помог ей справиться с волнением. Анна уже решила признаться, что была в гостях у доктора, чтобы рассказать о ноже, но тут дежурный заглянул в кабинет и сказал:

— Андрей Николаевич! Одна сумасшедшая рвётся к вам, не могу удержать. Говорит, что очень важно, что не уйдёт, пока она вам что-то не покажет. А что, не говорит и не даёт посмотреть.

— Впусти, — разрешил капитан, интуитивно почувствовав, что этот визит может иметь отношение к делу об убийстве.

Почти сразу же через порог кабинета шагнуло нечто, похожее одновременно на Чебурашку и крокодила Гену. Над старым мохнатым пальто торчала огромная ещё более мохнатая шапка, а из неё выглядывало зеленоватое, как у крокодила, лицо с длинным сизым носом. По голосу, хотя и хриплому, можно было догадаться, что это женщина. Она достала из пакета красивую дамскую сумочку и многозначительно помахала ею:

— Вот что я нашла! Только отдам, если будет вознаграждение!

— Вознаграждение будет... — ответил капитан, но она тут же перебила его вопросом:

— Сколько?

— Надо сначала посмотреть, — дипломатично ответил капитан, — может, ваша находка вообще ничего не стоит.

— Ещё как стоит! — настаивала странная старушка. — Да скажите спасибо, что я вовремя её извлекла.

— Спасибо, — попытался попасть в её тон капитан. — Давайте вашу находку, садитесь на стул и рассказывайте, откуда извлекли, когда.

— А вы пообещайте сначала вознаграждение! Под честное слово! — настаивала посетительница.

Капитан достал из кармана портмоне, раскрыл, увидел тысячную купюру и три сотни. Вынул сотенные и положил рядом с собой на стол. Но старушка, хитренько улыбаясь, покачала головой:

— Не — е — ет, не эти! Давай тысячную!

— Дам, если оно будет того стоить, — пообещал капитан.

— Да тут такое, что и большего стоит, — вдруг заговорила таинственным голосом старушка, подавая сумочку капитану.

Он осмотрел её: красивая модель, изумительно тонкая кожа, золоченая эмблема... Видно, что вещь очень дорогая. Как она могла оказаться в руках такой неухоженной старушки? Ковалёв раскрыл сумочку — она оказалась пуста.

— Что здесь было? — капитан в упор смотрел на старушку.

— Да что здесь было, что здесь было... — зачастила посетительница. — Считаю, что ничего и не было. Пудра, помада, зеркало, расчёска, платочек... Я ничего такого сроду не видала. Мне такое не надо, я всё реализовала по хорошей цене. Имела право! Моя же находка!

— Что ещё? — остановил её азарт капитан. — Документы, деньги?

— Всего-то две бумажки по сотне... Ну взяла я их! Хлеба надо было купить, колбасы, пива... Надо же было находку обмыть... Еле-еле хватило. Я же не одна живу, с Василём. Какой ни на есть, а он мне вроде мужа. Он такой же горемыка, как и я. Но у меня-то хоть комнатку не отняли. Да что комнатка! Бывшая раздевалка рядом с душем. Это в подсобном помещении санатория...

— Бабуля, давайте по существу, — перебил её Ковалёв.

— А я по существу! — обиделась старушка. — Почему, значит, деньги-то взяла? А потому, что у меня пенсия семь тысяч с копейками да у Василя восемь... почти. Ты попробуй проживи на них! Хорошо ещё, что за квартиру не платим, она же в подсобке, нам начальник санаторский разрешил.

— Ну, понятно, тяжело, — смутившись, сказал Андрей Николаевич.

— Так вот я и говорю по существу: тяжеленько приходится, а иногда и выпить хочется. При такой-то жизни не грех. А где деньги взять? Вот я и хожу по вторникам и средам к мусорке, которая стоит на дороге при лесополосе в курортной зоне.

— Почему в эти дни? — перебил её капитан.

— Так в четверг этот бак увозят, а пустой ставят. А зачем мне пустой?

— Понятно, — сказал Ковалев. — И что удаётся найти?

— Разное. Иногда так очень везёт. То фрукты подпорченные, а их есть можно, то пицца начатая в коробке, видать, не понравилась, а нам всё

нравится, то книжка потрепанная, то кофтулька поношенная, но целая... Этот бак только для отдыхающих. Они идут в город по той дороге, что вдоль лесополосы проходит, и по пути выбрасывают в этот бак всё, что им не нужно. Мы что-то себе берём, а что-то реализуем...

— Бабушка, короче, пожалуйста. Что в этой сумочке ещё, кроме денег, было?

— Да вот ещё две бумажки, — тут же отозвалась посетительница, извлекая их из кармана и подавая капитану.

Он повертел одну — платежная карточка Сбербанка. Взял вторую — это был пропуск в санаторий на имя Лидии Васильевны Трегубовой. Ковалёв сразу посуровел и почти грозно спросил:

— Паспорт где? Не может быть, чтобы паспорта не было.

— За паспорт особое вознаграждение, тысячу, не меньше, — опять стала канючить старушка.

— Условия она тут ставит! — возмутился капитан. — А в кутузку не хотите... вместе со своим Василём? Почему я должен верить, что вы сумку нашли, а не ограбили женщину?

— Ох, да что вы такое говорите?! Ограбили... Да ни боже мой!

Она быстро извлекла из кармана паспорт и, подавая его капитану, сказала:

— Что паспорт... Вы вон туда посмотрите. Вон замочек-то потяните. Я как глянула, так и обомлела.

Ковалёв, сосредоточившийся на беседе с посетительницей, пока не осматривал сумку детально и теперь потянул замок, закрывавший наружный

отсек сумочки. Там лежал нож с тонким и прочным лезвием. На лезвии — застывшая кровь. При виде окровавленного ножа («того самого!») у Анны закружилась голова, она чуть не упала со стула.

— Ну? Что теперь скажете? — победоносно заявила старушка. — Не стоит эта сумка тысячи?

Вопрос её капитан оставил без ответа, а сам спросил:

— Нож вынимали?

— Ни в коем разе! — испуганно сказала старушка. — Хотела вынуть, сумку продать, за неё хорошо бы дали. Да только она-то тоже в кровь испачкалась. И Василь тут: «Нечистое дело, нечистое. Надо в полицию». Я сначала побоялась, а потом и правда думаю: надо её в полицию отнести... за вознаграждение...

— Может, что-то ещё было? — снова перебил старушку Ковалёв.

— Ну, не здесь, — замялась посетительница, — в пакете.

— В каком пакете?

— Да в обыкновенном... Ну, взяла, взяла! Да грех было не взять. Деньги-то как были нужны, а тут халатик красивенький, ночнушка ещё лучше. А тапочки! Сроду ничего такого не носила. Ну, продала... очень выгодно. Так если кто-то выбросил, значит, ему не нужно.

Ковалёв вынул из портмоне тысячную купюру, приложил к лежавшим на столе деньгам и подвинул к старушке:

— Берите, но имейте в виду, мы всё проверим и, если что, найдём и вас, и Василя вашего. А сейчас идите вот с этим человеком...

Капитан указал на эксперта и обратился к нему:
— Сергей Ильич, всё как обычно: отпечатки пальцев. А в первую очередь с ножа... Сравнить с... — он глянул на Анну, сидевшую в полном смятении.

— С докторскими? — уточнил эксперт.

— Да. Потом отведите её к Володе, пусть всё запишет и пойдёт с ней туда, где она обитает. У сожителя тоже надо отпечатки взять.

— Зачем вам наши пальцы? — возмутилась старушка. — Мы ни в чём не виноваты!

Но эксперт уже выводил её из кабинета.

ГЛАВА 18

До обеда оставалось около часа, но Анна пошла не в санаторий, а в «Цветник» и села на скамейку. Она чувствовала себя совершенно разбитой после того, что увидела и услышала в кабинете Ковалёва. Кто-то догадался или каким-то образом узнал, что она первой оказалась на месте преступления и может предоставить следствию важные детали. На неё началась охота, причем плохо скрытая, даже, можно сказать, неумелая. Или ей это только кажется? «Нет, не кажется», — решила Анна и продолжала размышлять. Фарфоровый чайник в столовую приносят в последний момент и тут же разливают чай в чашки, чтобы он был горячим. Йогурты расставляют заранее, но они запечатаны крышкой. А вот стаканы с соками ставят всегда заранее, и кто-то мог бросить яд в её стакан, зная точно, где она сидит. Этот человек не знал только, что она не любит сливовый сок,

и вместо неё пострадал совершенно безвинный профессор. Но кто это сделал? Ей так не хотелось, чтобы этим человеком оказался Банников, но вид окровавленного ножа в сумочке Лидии Васильевны, такого же, каким доктор резал колбасу, очень её смутил. Один нож дома, другой — в сумочке убитой.... Он что же, закупил целую партию, чтобы справляться с неудобными? На сегодня ей назначено очередное посещение врача, но разве она может теперь пойти к нему?!

Есть Анне не хотелось, и она решила не идти на обед. В какой-то миг даже подумала, что вот прямо сейчас вызвала бы такси и уехала домой, плюнув и на лечение, и на отдых, который всё равно не удался, и на напрасно затраченные деньги. Но в санаторий всё же пришлось бы захватить за вещами. Вещи... вещи... Кто в них рылся? Неужели доктор? А что он мог искать? Анна почувствовала, что от волнения у неё пересохло во рту. Надо было выпить хотя бы какого-нибудь сока. При мысли о соке она даже содрогнулась и тут же отвергла её. Анна поднялась со скамейки и направилась к выходу, затем пошла по тротуару и увидела призывные витрины кафе. Здесь было уютно и пахло вкусной выпечкой. Анна взяла слойку с яблоком и чашку чая. Больше ничего не хотелось, и она уже собиралась уйти, когда раздался звонок телефона, а вслед за этим голос Андрея Николаевича:

- Анна Антоновна, я вас не отрываю от обеда?
- Н-н-нет, я пока не дошла до санатория.
- Тем лучше. Думаю, вам будет интересно и полезно узнать о том, что сейчас сообщу.

Ковалёв приостановился, и Анна сказала:

— Я слушаю...

— Не ходите пока на обед, перекусите где-нибудь.

— Да я сижу в кафе...

— И отлично. Отпечатки на ноже очень чёткие, они не совпали с докторскими, но отравителя всё равно надо искать в санатории. Вам следует побережся, а всем остальным мы срочно займёмся. У меня есть кое-какие соображения. Так вы поняли? Будьте осторожны.

— Поняла, — едва выдохнула Анна, переполненная волнением, вызванным сообщением капитана; отдышавшись, она взяла ещё одну слойку, пирожное и чай: гулять так гулять!

То, что отпечатки пальцев на ноже не совпали с отпечатками Александра Банникова, так её обрадовало, что она не могла скрыть улыбки, которая уже несколько минут не сходила с её губ. Смутившись, она даже огляделась: не видит ли кто её безудержной радости? А потом откуда-то из самой глубины души стало выползать чувство, похожее на раскаяние: да как же она могла заподозрить в нём убийцу?! После очередной порции чая со сладостями Анна почти совсем успокоилась. Теперь нет необходимости скрываться от доктора. У неё сегодня плановое посещение врача, и она пойдёт к нему. Хотя её немного смущало воспоминание об их близости, после которой она не видела его несколько дней. Она старалась не встретить его даже случайно, но и он, кажется, не стремился её увидеть, ничем не напомнил о себе. . Что ж, она всего лишь

его пациентка, этой тактики и надо держаться: ну, не было между ними ничего, не было! Он, видно, сам давно забыл об этом, а ей зачем помнить? Ах, если бы можно было отнестись к нечаянной интрижке именно так! И что она, словно юная провинциальная девица, чуть ли не краснеет при воспоминании об их близости? Как ни уговаривала себя Анна, а всё-таки не могла победить своего смущения перед встречей с доктором.

Выйдя из лифта на своем этаже, Анна столкнулась с дежурной медсестрой, которая с укором сказала:

— И где вы только ходите? У вас же сегодня приём у врача. Александр Павлович уже дважды посылал за вами!

— Иду, иду! — с виноватым видом ответила Анна, хотя в душе ликовала («Ах, всё-таки посылал!»).

Она заскочила в номер, чтобы хоть немного привести себя в порядок: причесаться, припудриться, да и просто отдышаться, чтобы в кабинет врача зайти спокойно, ничем не напоминая о том, что между ними было. Постучав, Анна приоткрыла дверь и спросила:

— Можно?

— Давно жду вас, — с плохо скрытым упрёком ответил доктор. — Садитесь, рассказывайте.

— Что рассказывать? — удивилась Анна.

— Как себя чувствуете, хорошо ли переносите процедуры, особенно ванны и грязи. Или вы их не принимаете?

— Не то чтобы... Нет, я принимаю, но...

— Но... — продолжил Банников, — нерегулярно? Не отрицайте, я это знаю. А я надеялся увидеть в вас образцовую пациентку.

Он встал, подошел к окну, у которого сидела Анна, и, неожиданно наклонившись к самому уху, спросил:

— Почему ты меня избегаешь?

— Всё так неожиданно... случилось, — не зная, что ответить, произнесла Анна тоже тихим голосом, будто их мог кто-нибудь здесь услышать (она так и не смогла оправиться от смущения).

— Мне эти три дня, что мы не виделись, показались вечностью, — сказал он, садясь на свое место и глядя ей прямо в глаза.

Анна опустила голову. Сейчас она чувствовала себя такой виноватой перед ним, что чуть было не решилась признаться в том, какие подозрения её мучили. Она не смела взглянуть на него и сидела молча.

— Ты жалеешь о том, что между нами было? — спросил он с грустью.

— Нет, нет! — это вырвалось у неё с такой горячностью, какой она сама от себя не ожидала.

— Тогда что же нам мешает? — он снова встал, быстро подошел к ней, обнял сзади за плечи и поцеловал в волосы, прямо в макушку, как целуют детей.

Анна повернула к нему лицо, и он, поцеловав её в щёку, сказал:

— Я сегодня увезу тебя на всю ночь.

Из кабинета врача Анна вышла в некотором смущении и с ощущением лёгкого радостного волнения. Поняв, что она и сама желает этой встречи, Анна не смогла ничего возразить Банни-

кову, когда он сказал, что увезет её на всю ночь, лишь попросила забрать её не до, а после ужина и не от подъезда санатория, а с остановки, ведущей в город. В часы между обедом и ужином в холлах и на лестницах обычно бывает малоллюдно: одни отдыхают в палатах, другие уезжают в город знакомиться с достопримечательностями. Анна, всё ещё находившаяся под впечатлением разговора с Александром, не знала, чем заняться, и тут увидела около своей двери Лену, которая энергично махала ей рукой:

— Ну где вы ходите? Второй раз уже к вам прихожу! Толя купил такой торт — загляденье! И вкусный, наверное. Мы вас приглашаем на чаепитие с тортом. Вы же у нас никогда не были. Пойдемте!

— А идём! — вдруг весело решила Анна.

Торт действительно оказался красивым и вкусным. Компания весело провела время за чаепитием. Потом Толя отправился к соседу играть в шахматы, а женщины вышли на балкон. Со своего Анна видела покрытую густым лесом гору Машук и канатную дорогу, а балкон номера молодой четы выходил на ту сторону, где находился подъезд и проходила дорога. Едва успели они устроиться на плетеных стульчиках, как увидели двигавшийся по дороге фургон. У подъезда он остановился, и женщины различили на нём надпись: «Полиция». В тот же момент дверца открылась, и из фургона вышли лейтенант Володя, эксперт и два сержанта. За рулем сидел незнакомый Анне водитель, а рядом с ним — капитан Ковалёв. Капитан вышел, отдал какие-то распоряжения сержантам, и те на-

правились к подъезду, остальные вместе с Ковалёвым пошли к двери, которая вела с улицы непосредственно на кухню. Анна и Лена молча переглянулись, но потом догадливая любительница детективов прошептала:

— Это за кем же? Они уже вычислили?

— Трудно сказать, — тоже тихо прошептала Анна, — может, проводят эксперимент...

В это время на кухне капитан попросил показать ему все ножи, какие используются в работе, и ему предъявили несколько тесаков и ножей поменьше. Но он искал тот, который был бы похож на нож из найденной сумочки.

— Неужели все? — удивился капитан.

— Нет, есть ещё вот эти, — вдруг сказала кухарка, — но я их держу отдельно в шкафчике. Нам их сделали по заказу. Пять штук. Таких больше нигде нет, очень тонкие, но прочные и острые.

— А почему в шкафу держите? — спросил Ковалёв, сразу узнавший «тот нож».

— Да лежали раньше на столе, а потом смотрю, одного нет, другого...

— Значит, пропало два ножа? — уточнил капитан.

— Нет, — торопилась объяснить кухарка, — один я отдала доктору Банникову, потому что он мне очень помог, когда меня печень дожимала. Не спросила начальство, сама отдала... Но он заслуживает и лучшего подарка, очень хорошо лечит, да и человек хороший.

— А второй? — продолжал допытываться капитан.

— А куда второй делся, не знаю, — растерянно говорила кухарка. — Было пять, потом четыре,

а тут смотрю уже только три. Вот я их и припрятала, чтобы не растащили.

— Понятно, — сказал Ковалёв и попросил собрать всех работниц, в том числе и официанток, в раздаточной, где у выхода в обеденный зал всё это время молча стояли два сержанта.

Когда женщины собрались, одна из них, стоявшая с краю, незаметно, мелким шагом, попыталась выйти, но наткнулась на сержантов и остановилась. Капитан, сделавший вид, что не заметил этого манёвра, сказал:

— Милые женщины, прошу не волноваться. Обычная процедура для объекта, где случилось ЧП. А вы знаете, что произошло с профессором. Сейчас эксперт снимает отпечатки пальцев у мужчин — поваров, грузчиков, у всех, кто там есть, потом войдёт сюда, чтобы сделать то же самое здесь.

Вскоре явился эксперт и начал «пачкать пальчики дамам». Какая-то из них хотела сразу после этого выйти, но Ковалёв попросил всех остаться до конца процедуры. Затем, оглядев женщин, он сказал:

— Я вижу, не все из вас носят украшения...

— Да какие тут украшения, — пробурчала кухарка, — ещё упадут в кастрюлю с супом...

— И то верно, — поддержал её капитан, — а всё-таки вижу на некоторых бусы, цепочки, серёжки... — И, доставая из кармана пакетик, продолжил: — Оригинальная вещица... Может, кто-то из вас потерял эту серёжку?

Он взял золотой «кораблик» за петельку и приподнял, чтобы всем было видно. Женщины мол-

чали. Но вдруг одна из них повернулась к той, которая ещё в самом начале следственной процедуры хотела выйти:

— Разве не твоя?

— Нет, — коротко, но твердо ответила та.

— Ну как же, Мила... Недавно я их у тебя видела... Ещё спросила «новые», а ты кивнула.

— У моих камень светлый... — продолжала упорствовать женщина.

— Почистим этот, он тоже посветлеет, — сказал Ковалёв. — А пока, гражданочка, для выяснения обстоятельств вам придётся проехать с нами.

— Куда проехать, зачем?! — вдруг раздался начальственный баритон — это вошел шеф пищеблока, всё с тем же важным видом, с каким обходил столы в зале. — Что здесь происходит без моего разрешения?

— У нас есть разрешение директора санатория, — спокойно ответил Ковалёв. — Вы же прекрасно знаете, что ведётся следствие в связи с теми событиями, которые здесь произошли.

— Но причём здесь мои работники? — шеф в упор уставился на Милу.

Та метнула на него взгляд, полный скрытой ярости, и отвернулась.

— Ты не должна... ничего... говорить... без адвоката, — наставительно, с прежней важностью произнёс шеф, делая упор на слове «ничего», но натренированное ухо капитана услышало в его назиданиях какой-то подтекст.

— Выйдем через рабочий вход, — сказал Ковалёв, обращаясь к официантке, — возьмите свои вещи.

Анна и Лена, ожидавшие на балконе, чем закончится визит полиции, увидели, как Милу погрузили в фургон.

— Не может быть... — растерянно произнесла Лена, не допуская и мысли о виновности своей любимой официантки.

ГЛАВА 19

Как увозили официантку в полицейской машине, пожалуй, видели только сотрудники пищеблока да Анна с Леной, потому что многие отдыхающие гуляли по городу или сидели в своих номерах. Работников кухни капитан попросил «ничего не разглашать», и шеф, проводив фургон долгим взглядом, тоже к ним обратился:

— Какое-то недоразумение... И нечего его обсуждать...

Но, как он ни старался прикрыться маской невозмутимости, все видели, что шеф очень обеспокоен: как же, такое пятно на безупречном коллективе! Поднявшись к себе в кабинет, Валерий Викторович закрыл дверь на ключ и, сев в глубокое мягкое кресло, стал обдумывать сложившуюся ситуацию. Он почти лежал в этом уютном «гнезде», не замечая времени. По-видимому, так и не приняв никакого решения, нашёл в мобильном телефоне нужный номер, но ответа не дождался. Зато минуты через две ему позвонила жена. Она, как обычно в такое время, была уже основательно пьяна и возбужденно кричала:

— Какая, блин, полиция?! Это ты их на меня наслал? Что вам всем от меня надо — тебе и по-

лиции?! Что я должна рассказывать? Я ничего не знаю! Что я долж...

— Ничего! — сурово приказал шеф. — Ничего не рассказывай! Без адвоката — ни слова! Я скоро приеду!

«Да, трудно утаить шило в мешке», — подумал Валерий Викторович, садясь в свой роскошный автомобиль. Полицейскую машину он увидел ещё издали, подъезжая к «Островку». «Опоздал! — мелькнула мысль. — Что эта пьяная дура успела рассказать?». Как потом оказалось, Римма даже и не думала ничего скрывать. Беспрерывно размахивая руками, она говорила без умолку:

— Ха! Хозяйка! Какая я хозяйка... Я здесь ноль! Фишка подставная! Он этот «Островок» на меня оформил, потому что на себя ему уже нельзя было, столько у него всего. Как же, депутат! Ему перед людьми неудобно быть слишком богатым, вот он и записал на меня. Ну, хоть и не хозяйка, я дома почти не живу, потому что здесь мне нравится. — Римма попыталась наклониться к уху капитана и громко прошептала: — Знаете, почему? Он меня здесь не до-ста-ёт! А что сюда привозят, сколько привозят, откуда привозят... Оно мне надо? Кто приезжает... Зачем приезжает... Зачем, зачем... Раз-вле-каются! Люди видные... Оно и понятно, это же место «нэ для всех»! Я понимаю... Но шлюху свою! Вот её он зачем сюда таскает? Прямо при мне, а? Как тут не пить? А на прошлой неделе она набралась наглости и одна явилась! Хотела не пустить, но он охране позвонил, сказал, чтобы её пустили!

— Это вы о ком говорите? — решил уточнить Ковалёв.

— Ну, о той красотке, которую вы привезли с собой!

В этот момент в зал ресторанчика, где капитан с лейтенантом проводили расследование, вошел Валерий Викторович. Он глянул на жену и строго сказал:

— Римма, не мели чушь. — И, обратившись к следователю, добавил: — Вы же видите, она совершенно пьяна и придумывает тут всякое.

— Вы садитесь, разберёмся, — заверил Ковалёв и продолжил, обращаясь к лейтенанту: — Володя, всё записал? Пусть Римма Игоревна поставит свою подпись. И позвони сержантам: пусть приведут задержанную, а Римму Игоревну уведут в её комнату.

«Как неудачно подъехал», — подумал Валерий Викторович, поняв, что сейчас придётся без подготовки отвечать на вопросы следователя, поэтому, приняв привычное выражение важности, сказал:

— Я не буду говорить без адвоката.

— Конечно, — согласился Ковалёв, — вашего адвоката мы уже пригласили, он сейчас подъедет.

— Я вообще не понимаю, какие претензии ко мне? Вы нашли здесь не оприходованные килограммы масла, сыра, мяса, других продуктов? Так спрашивайте у хозяйки, откуда они!

— Этим, конечно, тоже займёмся, — сказал Ковалёв, — но сейчас нас продукты не интересуют.

— А что же вас интересует?! — пытаясь сохранить важный вид, с вызовом спросил Валерий Викторович.

В зал вошла Мила в сопровождении сержанта. Она села боком к столу и опустила голову, стараясь не смотреть на шефа.

— Повторите, пожалуйста, где вы провели на прошлой неделе ночь понедельника и три последующих дня, — предложил ей Ковалёв.

— Здесь! — со злобой кинула Мила, не поднимая головы.

Капитан посмотрел на Валерия Викторовича и не без иронии заметил:

— Так кто кого обманывал? Вы нас, когда говорили, что официантка Павлицева срочно уехала к больной матери, или она вас, сославшись на эту причину, чтобы срочно уйти из санатория в понедельник вечером?

Вопрос поставил шефа в тупик, он только и мог сказать:

— Не буду отвечать без адвоката!

— Ваше право, — заметил Ковалёв, — а вот ваша... «подружка» уже рассказала всё, что интересует следствие. Я прошу её повторить это при вас.

В этот момент вошел Артур Саакян.

— Ваш адвокат? — обратился капитан к Валерию Викторовичу.

— Да, но я всё равно ничего говорить не буду!

— И не надо. Сидите и слушайте, что будет рассказывать ваша официантка. Ну, Павлицева, не робейте, повторите всё, что уже рассказали.

Мила головы не подняла, но говорила четко, хотя и с небольшими остановками, когда её прерывал своими возгласами шеф.

— Когда я устроилась официанткой в санаторий, он... — начала Мила...

— Ваш шеф Валерий Викторович Седов, — уточнил Ковалёв.

— Да, мой шеф... Он скоро стал ко мне приставать...

— Сама навязывалась! — пытался прервать её шеф.

— Приставал и скоро склонил меня к сожительству... Обещал развестись с женой-пьяницей. Он её ни во что не ставит. Она знала, что он меня сюда привозит, и знала — зачем. Но мне было всё же не по себе. Я ему сказала, что не могу так, прямо при жене... Тогда он пообещал снять квартиру, а снял только комнату у старушки, поэтому всё равно встречались здесь.

— Таких, как ты, за копейку купить можно, — пренебрежительно процедил шеф.

Мила яростно пыхнула в его сторону и, снова опустив голову, продолжила:

— У меня был муж... Так, без записи, гражданский. Мы с ним не ладили, ругались, потому что он часто куда-то исчезал на несколько дней, ко мне относился по-хамски.

Ковалев заметил, как при этих словах Валерий Викторович напрягся, глядя на официантку.

— Я давно хотела его прогнать, но он не уходил, — продолжала Мила. — Вот я и решила поселиться в той комнатке, что шеф снял у старушки. За это, конечно, чувствовала себя обязанной ему... А потом случилось так, что я попала в полную зависимость от него.

— Молчи, дура! — закричал шеф и вскочил, желая выйти, но дорогу ему преградили два дюжих сержанта.

Мила подняла голову, зло глянула на него и согласилась:

— Конечно, дура.

— Рассказывайте дальше, — сказал Ковалёв.

— Я взяла не все вещи, поэтому однажды уже поздно вечером он (она глянула на шефа) повез меня на своей машине в нашу станицу. Машину оставил за соседним домом и сам в ней остался. Я пошла к себе в дом без опаски, потому что за день до этого Николай, это муж мой, опять исчез. Но оказалось, что он дома и не хотел меня выпускать. Я не стала искать вещи и пошла к выходу. Он закричал, что изуродует меня, и с молотком кинулся ко мне. Я схватила лежавший на столе кухонный нож и выставила его вперед...

Мила замолчала, глядя в пол. Ковалёв сказал:

— И что было дальше? Рассказывайте.

— Дальше... Я не хотела его убивать... Он просто наткнулся на нож, потому что кинулся на меня изо всей силы...

— Вот дура! Дура! — раздался злобный голос шефа.

— Я одной рукой толкнула мужа. Он упал, а нож вышел из горла, весь в крови. Я выскочила с ним на улицу и побежала к машине... Я была почти без памяти, говорила, что надо вызвать «скорую» и полицию. Ведь я не нарочно! Я не хотела убивать! Но шеф сказал, что, раз никто не видел, надо скорее уехать. Он вытащил полиэтиленовый пакет, положил туда нож, и мы уехали...

— Она всё врёт! — раздался злобный выкрик шефа. — Убила, потому что хотела избавиться от мужа!

— Продолжайте, — не обращая внимания на выкрик, сказал Ковалёв Миле.

— Мы приехали в город, к его гаражу. Он спрятал там нож и отвёз меня к старушке. Ночью пошёл дождь и смыл все следы... Дело осталось нераскрытым... Но я с тех пор должна была выполнять любую волю шефа... Даже когда надо было кого-то убрать...

— Да, есть такие «идеологи», которые наталкивают других на преступления, а сами стараются остаться чистенькими, — Ковалёв скользнул по лицу шефа. — Это страшные люди... Ну, рассказывайте дальше.

Официантка продолжила, уставившись в пол и стиснув кулаки:

— Шеф заставлял меня следить за работниками кухни и доносить на них, но я ничего особенного не замечала. Он злился, но на людях был всегда важным, и все считали его непогрешимым, а он увозил в «Островок» продукты сразу по несколько килограммов... Когда в санаторий приехала... эта... Трегубова, он узнал, что ей в наследство достались трехкомнатная квартира и дачный участок с домом... Квартиру он обещал мне, его интересовал участок, за который он собирался выручить огромные деньги, потому что входил в какое-то важное строительство.

— Да, это мы знаем, — подтвердил Ковалёв.

— Но эта... Трегубова уперлась, потому что ей он давал за участок мало денег. Тогда он заставил меня следить за ней, прислушиваться к каждому её слову. Вот так и выяснилось, что она должна была после ужина отправиться к подруге за ка-

кими-то документами, а во вторник утром пойти с ними к нотариусу. Тогда он сказал...

— Молчи, ненормальная! — закричал шеф. — Всё теперь на меня валишь!

Мила подняла голову и, впервые посмотрев на него довольно спокойно, сказала:

— Устала я тебя бояться...Лучше правда, какая бы ни была... — Потом продолжила: — Он постоянно держал меня в страхе, напоминая, что в его гараже лежит окровавленный нож с моими отпечатками, поэтому я должна его слушаться... И я слушалась. Когда я сказала, что утром Трегубова пойдет к нотариусу, он стал придумывать, что сделать, чтобы она не дошла. Всем объявил, что я срочно еду к больной матери, а меня заставил подстеречь эту... Лидию. И дал мне нож. Я сказала, что не сумею... А он ответил: «Сумела же мужа зарезать, а тут пигалица. свободно с ней справишься, только целься в шею». Я сказала: «А вдруг откроется?». Он ответил: «Никто не узнал, что ты мужа прикончила, и про это никто не узнает»... И я пошла. Подстерегла. Она в магазин шла, я схватила её и затащила под деревья. Хотела ударить в шею, но мешал шарф. Тут она меня узнала, стала вырываться, хотела закричать, но я обхватила её сзади, одной рукой зажала рот, а другой... В общем, я уже себя не помнила, просто била и била ножом в живот, пока она не упала... Вот тогда, наверное, серёжка у меня и выпала...

— А дальше? — подтолкнул умолкнувшую женщину Ковалёв. — Что происходило потом?

— Я не знала, куда подевалась серёжка, и вдруг при мне горничная отдаёт её отдыхающей. Я ска-

зала об этом шефу, а он предложил... устранить её, потому что она может что-то знать. Я спросила, как, а он ответил: «Ты что, никогда тараканов не травила? Никто не узнает, она могла где угодно отраву выпить»... У меня не получилось, сок выпил другой человек. Я побоялась ещё раз рисковать и решила выкрасть серёжку. Тайком взяла на вахте ключ от номера, но серёжку не нашла...

— И последнее, — сказал Ковалёв. — Почему вы выбросили улики в мусорный контейнер?

— А куда мне было с ними деваться? Не могла же я их с собой в такси взять, а потом в «Островок».

— Растерялась, а наставника рядом не было, — констатировал капитан.

— Растерялась, — призналась официантка.

— Здесь не удивились, что вы так поздно приехали и остались ещё на несколько дней?

— Здесь давно уже ничему не удивляются. Всем всё равно.

— К сожалению, во многих случаях бывает «всем всё равно», а равнодушие — прекрасная почва для преступлений и вообще для всяких негативных явлений, — заметил Ковалёв.

Шеф, молчавший в последние минуты исповеди официантки, сказал довольно спокойно:

— Оговорила она меня. Узнала, что хочу её бросить, вот и нагородила тут всего... Вам нечего мне предъявить. Вы ничего не докажете.

— Да уж придется потрудиться, чтобы найти доказательства вины моего подзащитного, — с иронией сказал молчавший до сих пор адвокат.

— Потрудимся, — заверил его капитан. — Вы свободны. Остальные — в машину.

— Я никуда с вами не поеду! — возмутился шеф. — Не имеете права!

— Разберёмся, — ответил ему своим любимым словечком капитан.

Вскоре полицейский фургон уже мчался по тёмным улицам.

— Вот и опять не заметили, как день прошёл, — со вздохом сказал Ковалёв, и водитель понимающе улыбнулся: служба такая!

ГЛАВА 20

Утром Анна и Александр всё ещё находились под впечатлением близости и, проснувшись, какое-то время лежали молча. Потом Александр глянул на часы и удивился:

— Ого! Уже восемь... Включить телевизор?

— Как хочешь, — ответила Анна, и он потянулся к пульту.

По экрану поплыли перепаханые поля, а за ними — длинные корпуса каких-то строений явно хозяйственного назначения. Александр повернулся к Анне, спросил:

— У тебя такие же?

— Нет, намного меньше. Я же под птичники приспособила те полуразрушенные хатки, которые докупила, и сарайчики, расширила их. Но мне пока и этого хватает.

— Ты обещала рассказать о своём деле, так расскажи.

— Что ты имеешь в виду? — уточнила она.

— Преображение земли! Ты так сама сказала.

— Звучит, конечно, громко, — согласилась Анна, уловив намёк на это в его интонации, — но я стараюсь вдохнуть новую жизнь в то небольшое село, из которого молодёжь уезжает «за счастьем» в города, где их никто не ждёт.

— И удаётся?

— Представь себе — да! Ну, не совсем, конечно, так, как хотелось бы, но всё-таки двух девушек я взяла к себе, они ухаживают за птицей и зарабатывают столько, сколько в городе им никто не даст. Осталась и одна молодая пара, у которой скоро ребёнок будет. Чтобы их удержать, я наняла одного хорошего мастера и двух бездельников, которые буквально преобразили их дом и участок. Жена работает на птичнике, а парень смотрит за форелью. Зачем им куда-то уезжать? Ведь от добра, как говорится, добра не ищут. Да если бы в сёлах были нормальные бытовые условия и работа, то мало бы кто оттуда уезжал. Вольный воздух... Природа... Даже голая степь бывает красива, а если её ещё немного приукрасить, совсем будет хорошо... А ещё у меня есть мечта... Но мне одной не под силу, а Семёныч пока раздумывает.

— И что за мечта?

— В селе фактически одна улица, но такая... Сам понимаешь, какая. Хочу её красивой сделать: дорогу и тротуары заасфальтировать, газоны засадить цветами и деревьями. Ну, и дома как-то подправить, чтобы вид не портили и людям удобнее было жить.

— Мечтательница ты моя, — ласково сказал Александр, обнимая её.

— А я верю, что это возможно! — упрямо заявила Анна.

— Я тоже верю, — поддержал её Александр. — Если за дело берёшься ты, то обязательно сбудется. Я вот это твоё упорство ещё при первой встрече подметил, когда ты от процедур отказывалась.

— Я действительно больше всего тогда хотела просто отдохнуть... Но неожиданно вошла в такую историю... Ну, ты кое-что знаешь.

— Да, именно кое-что, поскольку меня допрашивали, да и по санаторию ходили слухи. И... к тебе так часто ходил этот капитан... Я сначала приревновал, а потом понял, что ты как-то связана с этим делом.

— Приревновал? — удивилась Анна.

— Может, я неточно выразился... Но я беспокоился и очень тосковал по тебе в те дни, когда тебя не видел.

— В это трудно поверить, ведь мы знакомы всего неделю.

— А ты поверь... Наверное, ты знаешь о трагедии, которую мне пришлось пережить. Её почему-то стараются рассказать всем моим пациентам, кому не больше пятидесяти лет.

— Да, я слышала... — подтвердила Анна.

— Это случилось больше двух лет назад. Автомобильная авария... Я потерял жену и дочь... Как пережил это, и сам не знаю. Помогло, наверное, то, что я почти сразу же отправился в долгое плавание на подводной лодке, а у врача там всегда много дел, они не оставляют времени на раздумья.

— Да, просто представить страшно, что тебе пришлось пережить... Но два года не такой срок, чтобы забыть...

— А я и не забыл... Ты не видишь нигде фотографий... Я их держу в альбоме и всегда могу посмотреть, мне так спокойнее. Главное, что они обе в моей памяти.

Анна вдруг села и попыталась встать с кровати, но Александр её удержал:

— Я понял, что ты сейчас подумала... Что ты лишняя? Что тебе нет места... в моём сердце?

— Но ведь это так! — воскликнула Анна. — Извини, что я влезла в твою жизнь... Никогда не думала, что способна на... на такие отношения...

— Какие? — прервал её Александр.

— Ну... на интрижку... Или как это назвать... курортный роман, что ли... Но я тебя понимаю: ты мужчина, тебе требуется...

— Интрижка? — прервал её Александр. — За два с лишним года у меня не было никого. И вдруг появилась ты... Села напротив... Я только глянул на тебя и сразу понял: ОНА! И чем дольше я с тобой разговаривал, тем больше убеждался в том, что мне больше никто не нужен. Ты избегала меня... Но даже тогда я верил, что мы будем вместе. Или ты не хочешь?

— Хочу, но... всё так неожиданно... Ты можешь передумать, все-таки я старше тебя...

— На четыре года! И что? Какие ещё есть причины?

— Не знаю, но вдруг ты разоча...

— Разочаруюсь? — прервал её Александр. — Я, как военный человек, привык быстро ориентиро-

ваться во всём и так же быстро принимать решения.

— Военный? — удивилась Анна.

— А ты разве не знаешь, что этот санаторий приписан к военному ведомству? Я перевёлся сюда с северного флота и продолжаю служить военным врачом. Уже подполковник.

— Военный санаторий? — удивилась Анна. — Я как-то не вникла. Прочла в интернете красивое название и купила путевку.

— Да, путевки не только распределяют по ведомству, но иногда и продают желающим, особенно дорогие люксы. Что поделаешь, современная экономика диктует свои правила.

— О, это я хорошо понимаю! Ведь я же экономист по образованию.

— А мне бы хотелось, чтобы ты поняла ещё вот что: я хочу пройти вместе с тобой всю оставшуюся жизнь, потому что люблю тебя. Хочешь верь, хочешь не верь, но полюбил тебя с первого взгляда. Мне так хочется, чтобы ты вот прямо сейчас согласилась выйти за меня замуж.

— Я... я согласна, — не без смущения произнесла Анна, — но...

— Опять какое-то «но», — с шутливым упрёком прервал её Александр.

— Но как же моя фирма... красивая улица...

— Фирмой можешь и отсюда управлять, будешь наезжать, когда надо... Ведь у тебя есть управляющий, будет выполнять твои указания. А улица... Мы её вместе сделаем такой, как ты хочешь! А теперь... У тебя паспорт с собой?

— Он всегда в сумочке...

— Сейчас же едем в загс! Я действительно не слышу возражений или мне это только кажется?

— Возражений нет!

— Наконец-то ты не будешь выходить из моей машины на автобусной остановке!

Тут зазвонил мобильник Александра и послышался громкий голос:

— Александр Палыч! Куртка что надо! Огромное спасибо!

— Я рад, что куртка понравилась. Она хоть и тонкая, но из плотного материала, хорошо от ветра защищает. Теперь на рыбалке не замёрзнете.

— Да куда там! Никакой ветер не возьмёт!

— Это мой автомастер, я ему иногда машину свою для мелкого ремонта привожу, — пояснил Александр. — А в прошлый раз мы с ним разминулись, так я в гараже оставил куртку военную. Мне она не нужна, а ему хороша будет для рыбалки.

«Как всё просто, оказывается», — подумала Анна и не без иронии представила разочарование Лены, когда она узнает, что было в «таинственном» пакете, который доктор оставил в гараже.

— Ну всё, быстро позавтракаем и в загс! — поторопил Александр.

И они, действительно, поехали. Александр сразу направился к кабинету заведующей, объясняя на ходу:

— В прошлом году Дарья Петровна проходила оздоровительный этап лечения в нашем санатории после тяжелой операции желудка. Она была

моей пациенткой и до сих пор приходит ко мне на осмотры и за советами. Я делаю это просто из уважения к хорошей женщине. Думаю, что и она не откажет мне в моей просьбе.

Дарья Петровна встретила своего врача восторженным приветствием, но, когда услышала, о чём он просит, умолкла с выражением крайнего недоумения на лице, потом спросила:

— А что за спешка? Ведь можно спокойно расписаться через месяц или хотя бы через несколько дней...

— О, вы не знаете эту женщину, она на все предложения говорит «нет». Но час назад сказала «да», и я привёл её к вам, пока она не передумала.

Александр говорил это так, что трудно было понять, всерьёз или шутит. Но Дарья Петровна не смогла устоять перед обаянием Александра. К тому же, до сих пор пользуясь его добрыми советами, не смогла отказать ему в его просьбе. Она достала нужные документы, но, прежде чем их заполнить, всё-таки спросила, как долго они думали, прежде чем прийти к решению зарегистрироваться.

— Очень долго, целую неделю, — опять не то шутя, не то всерьёз ответил Александр.

Из загса поехали в санаторий — ведь начинался рабочий день. Машину Александр подогнал прямо к подъезду. Вышел сам, потом предложил руку Анне. Она всё ещё не могла оправиться от смущения, когда вдруг услышала с балкона удивлённый голос Лены:

— Анна Антоновна... вы не завтракали...

Анна помахала ей рукой и направилась к поезду. Александр уже сел в машину, чтобы отогнать её на стоянку.

Оказавшись в своём номере, Анна бросилась на диван и почему-то подумала: «А что скажет Андрей Николаевич, когда узнает о моём скоропалительном замужестве?». И словно какая-то нить протянулась от неё к капитану — зазвонил мобильник и раздался его голос:

— Анна Антоновна, у вас всё в порядке?

— Более чем, — ответила она.

— Я рад сообщить вам, — продолжал Ковалёв, — что теперь вы можете спокойно отдыхать и лечиться, вам ничто не угрожает. Показания Радмилы Павлицевой подтвердились целым рядом доказательств. Суд, возможно, признает, что мужа она убила по неосторожности, а вот за Трегубову ей грозит немалый срок. Но и её шеф идёт по делу как соучастник. Нож, который помогал ему держать в страхе Павлицеву и управлять ею, мы нашли в гараже. Его вина как минимум — сокрытие преступления. Он не может этого отрицать, так как на рукоятке ножа есть и его отпечатки. Есть они частично и на том ноже, которым убита Трегубова, ведь это он дал его Павлицевой. В общем, ему не отвертеться, чему я, признаться, рад. Такие, как он, должны отвечать перед законом. В общем, не буду больше вас тревожить. Спасибо вам, вы очень помогли следствию.

Едва Анна отключила телефон, как вслед за стуком в дверь в номер вошла Лена, с лица которой всё ещё не сошло выражение крайнего удивления.

Стараясь придать голосу как можно больше таинственности, Лена спросила, явно намекая на то, что несколько минут назад видела у подъезда:

— Анна Антоновна, что это значит?

— Это значит, что я начинаю новую жизнь! — не скрывая радости, ответила Анна.

* * *

Обещанный дождик
Прошёл с опозданием на сутки.
Цветут абрикосы,
Земля на пригорке парит.
Над тихим затоном
Летят перелётные утки,
И всё на Земле
О любви в этот миг говорит.
Из леса доносится
Сойки трескучее соло.
Умытые влагой,
В распадке цветут клевера.
Любовью сегодня
Пылают тюльпаны к виолам,
И шмель над фиалкой
Заботливо кружит с утра.
Не знаю сама —
Что так душу мою взволновало.
Но грянул апрель,
В водосточные трубы трубя.
О, если б ты видел,
Как я по тебе тосковала!
О, если б ты знал,
Как хотела я видеть тебя!
Возможно, последний
Визит твой не будет напрасным.
Пройдёшь ты тропинкой
К залитому светом крыльцу
И тут же увидишь,
Как женщина плачет от счастья,
И как эти слёзы
Той женщине строгой к лицу!

**Валентина
ДМИТРИЧЕНКО**

Поэзия

ВСЁ ДВИЖЕТСЯ

От пенья птицы на душе тепло —
Оно чуть свет елеем в душу льётся.
Сосульки, как муранское стекло,
Искрясь, переливаются на солнце.
Подтоплены речные берега.
Петух легко срывается с насеста.
Всё движется, и только облака,
Как айсберги, — не трогаются с места.
Рассвет над миром розово-лилов —
Ещё совсем чуть-чуть и грянет лето.
И сотни неиспользованных слов
Толпясь, томятся в очереди к свету.

ВЫБОР

На Земле, что похожа
Теперь на Содом,
Но хранима Творцом покуда —
Одному уготовано быть Христом,
А другому, увы, — Иудой.
Человек, выбирай, с кем тебе по пути,
Кто спасёт твою грешную душу...
Одному уготовано МИР спасти,
А другому — СЕБЯ разрушить.
К сожалению, я не из этих мест.
Самарянка я, — полукровка.
Но дороже мне будет Голгофский крест,
Чем смоковница и верёвка!

К ИСТОКАМ

Ветка в окошко стучала,
Сад мой окутывал дым.
Боже мой!.. Как же скучала
Я по объятьям твоим!
Ночь растворялась. Светало.
Пчёлы купались в пыльце.
Боже мой!.. Как я мечтала
Встретить тебя на крыльце —
Сильного и молодого —
К солнцу лицом повернуть,
И, не промолвив ни слова,
Руки на шее сомкнуть.
И с упоением слушать —
Чтобы насытиться впрок —
Как одинокие души
Тайный ведут диалог,
Как затихает тревога
В душах, в сознание, в крови...
И возвратиться к истокам
Нашей последней любви!

НАДЕЖДА

Две тысячи двадцать второй...
В потоках зловещего света,
Пленённая чёрной дырой,
К гибели катит планета.
Летит в преисподнюю, в ад —
К холодному вечному мраку,
В геенну летит и назад
Уже нам не сделать ни шагу.

Исчезнут на тысячи лет —
Без шанса на самую малость —
И солнце, и звёзды, и свет —
С которого всё начиналось.
И явь растворится, и новь,
И лес, и река, и дорога...
Надежда одна: на Любовь
Да Веру в единого Бога!

* * *

Долог путь от звезды до Голгофы.
Чем же так эта жизнь хороша?
Переплавлена в рифмы и строфы
Повидавшая виды душа.
Плачет ветер в глухом переулке.
Хлещет в мутные стёкла вода...
Голос твой отдалённый и гулкий
Не смолкает во мне никогда.
От Голгофы к Обителю Бога —
Только небо да звёздная высь,
Бесконечная эта тревога
И такая короткая жизнь.
Только голос раскатистым эхом,
Не позволив мне сбиться с тропы,
Поведёт к обозначенным вехам
По тернистым дорогам судьбы.

УЛЫБКА НЕЗАБУДКИ

Дождь лил уже больше часа. Застигнутые ненастьем, Виталик и его сосед, Ильяс Дарчидзе, пережидали в шалаше. Сооруженный косарями из крепких веток орешника и камыша, он надежно защищал их.

Откинув в сторону брезент, прикрывавший вход, тринадцатилетний подросток смотрел вдаль. Отсюда, с террасы раскинувшегося по всему склону горы цитрусового сада, открывался чудесный вид на дальние холмы с зелеными чайными плантациями. Виталик перевел взгляд на большой плоский камень, лежащий неподалеку от шалаша. Крупные капли дождя, со всхлипом ударяясь о его твердь, рассыпались на мелкие сверкающие брызги и исчезали в изумрудной траве. Несколько дождинок упали на лоб задремавшего соседа. Вскрапнув от неожиданности, мужчина размазал их по лицу и, перевернувшись со спины на живот, снова затих.

**Валерий
БРОДОВСКИЙ**

Проза

Виталик любил природу, но сегодня красота окружающего мира его не трогала. Дождь вызвал в памяти сюжет недавно прочитанной книжки о приключениях Робинзона Крузо. Как же завидовал он моряку из Йорка, много лет прожившему в одиночестве на необитаемом острове! Виталик стал мечтать, как однажды уплывет на далекий остров в океане, где построит такой же шалаш, только немного больше, и останется там жить. «Родители, конечно, решат, что я погиб, — думал он. — Ну и пусть! Может, тогда поймут, как несправедливы были ко мне». Впрочем, подросток был уверен: они его быстро забудут.

Обида на близких людей вспыхнула с новой силой. В последнее время отношения с родителями испортились. Виталик считал, что виной тому стало рождение сестренки, после чего его в семье перестали любить. Иначе как объяснить эти учатившиеся придирки: то не так, это не этак! Запреты! Бесконечные наставления! Призывы к разуму! Разговоры о переходном возрасте... Вот за что, например, отец вчера отругал его? Повод-то был пустяковый — очередная потасовка с пацанами из соседнего села. Так те сами виноваты! Проиграв в футбол, начали кулаками размахивать. Вот и получили достойный ответ. Или несколькими днями раньше мать накричала за разорванную новую рубашку. Даже выслушать не захотела! А он, между прочим, помогал соседке бычка загонять в хлев. И когда тот наставил на него острые рога — с перепугу сиганул через забор, ну и... Нет, терпеть такое отношение к себе он больше не намерен. «Уйду! — твердо решил Виталик. — Завтра же уеду».

Сбежать из дома он порывался уже не в первый раз. Но проходило немного времени, и очередная обида забывалась ровно до того момента, пока родители не решались задать ему новую взбучку. И снова ему хотелось уйти. Вариантов в голове рисовалось много. Забраться на проходящий товарняк и уехать в большой город, устроиться на работу. Или податься на Север. По слухам, в тех краях зарплаты большие. Правда, холодно очень. Можно замерзнуть до смерти. Теплый остров в океане куда лучше. Всего-то надо будет приехать в порт, пробраться на теплоход, идущий в далекие страны, а там, завидев остров, незаметно спрыгнуть в воду. Плавать он умеет, а на случай, если акулы или кто другой нападет — возьмет с собою ножик. Гарик из 8» Б» рассказывал, что акулу нужно в глаз бить, тогда она отстанет. Жалко, конечно, живое существо, но что поделаешь. Зато не погибнешь. Главное: никто больше нотации читать не будет.

Однажды Виталик все же ушел, не сказав об этом даже Генке, своему закадычному другу. Пешком добрался до железнодорожной станции в нескольких километрах от дома, но вспомнил, что второпях не захватил метрику. А без документов куда?! Да и денег на первое время не мешало бы хоть немного иметь. Пришлось возвращаться. Досадно стало, когда понял, что его исчезновения никто из родных даже не заметил. Увидев сына, мать, полагая, что тот загулял с друзьями, как ни в чем не бывало, позвала к столу. К этому времени Виталик успел сильно проголодаться. Плотнo поев, он... побежал играть в футбол...

Взгляд подростка выхватил возле растущего неподалеку тунго большую, плетенную из орешника корзину, доверху наполненную плодами этого дерева. Из них дядя Ильяс, занимающийся плотницким ремеслом, изготавливал масло для обработки древесины. «Хорошо, что успели собрать до дождя», — отвлекаясь от горестных мыслей, подумал Виталик, представляя, каких трудов ему стоило бы сейчас карабкаться по мокрому стволу...

В дверь их квартиры сосед постучал утром, когда весь дом только просыпался. Извинившись за столь ранний визит в выходной день, мужчина попросил отца отпустить с ним Виталика, чтобы помочь собрать орешки тунго.

Сорокалетнего Ильяса Дарчидзе и его тихую, застенчивую супругу Периде в их многоквартирном доме уважали все. Одинокая пара уютилась в крохотной угловой комнатухе этажом выше. Сколько Виталик помнил себя, дядя Ильяс всегда был чем-то занят в небольшом сарае. То доски стругал, мастера из них нехитрую мебель для соседей, то вытачивал балясины... Не отказывал никому, если просили помочь построить сарай или курятник.

В последнее время Периде сильно постарела. Спина ее сгорбилась, а на лице, тронутым ранними морщинами, отпечаталось выражение глубокой скорби. Всезнающие соседки поговаривали, что это она от тоски сдала, от того, что детей своих не имела. Наверное, они были правы. Виталик не раз замечал, как женщина часами просиживала у открытого окна, наблюдая со второго этажа за играющими во дворе ребяташками...

Дождь стих так же внезапно, как и начался. Подувший со стороны моря ветер пробежал по саду, стряхивая с листьев влагу. Буйная субтропическая растительность задышала. Осторожно, стараясь не разбудить дремавшего соседа, Виталик покинул шалаш.

— Хорошо-то как, правда, сынок?

Голос аджарца заставил его вздрогнуть.

— Ага, — кивнул Виталик, подумав, что школьнику любой выходной день хорош. — Только сыро!

Зевнув, мужчина протер глаза и полез наружу. Поднявшись во весь рост, он молодецкато размял плечи, разгоняя кровь по членам.

— Ну что, проголодался? — спросил, улыбнувшись, и, не дожидаясь ответа, просунул руку под камышовый свод их временного убежища, где висела котомка с нехитрой снедью. — Посмотрим, что нам тетя Периде положила! Перекусим немного и пойдем домой.

Накрыв куском чистой ткани еще влажный камень, Ильяс достал кусок овечьего сыра, две небольшие кукурузные лепешки мчади и термос с чаем.

В воздухе повис сладкий аромат медоносов, над которыми вновь закружили бабочки и зажужжали пчелы. Отовсюду доносился веселый гомон птиц.

— Люблю это время года! — промолвил Ильяс, оглядывая окрестности. По-крестьянски бережно отщипнув небольшие кусочки от сыра и мчади, он бросил их в рот и стал неторопливо жевать. — Мне оно напоминает раннее детство. Весной, когда появлялась трава, мы знали, что уже никто не умрет от голода, и жить становилось веселее.

— Вы что, траву ели? — удивился Виталий.

— Да, приходилось. Давно это было. В те тяжелые времена люди выживали, как могли. Кто знает, сколько тогда умерло от недоедания. Голод, сынок, — страшное проклятие человечества! Хвала Всевышнему, что ваше поколение избежало и войны, и голода.

Мужчина замолчал, о чем-то задумавшись.

Слова соседа затронули в душе Виталика какие-то доселе неизвестные струны. О страшной и долгой борьбе их народа против фашистской Германии он знал немало. Об этом писали в книгах, рассказывали в школе. На этой войне один его дед пропал без вести. Другой умер от ран вскоре после ее окончания. Дядя Ильяс не воевал, был слишком мал. И все же на его долю также выпало немало испытаний. Виталику захотелось узнать больше о соседе. Отложив лепешку, он попросил:

— Расскажите о своем детстве. Какое оно было?..

Проживавшие этажом выше, супруги Дарчидзе не раз слышали, как родители отчитывали Виталика за проступки, свойственные мальчишкам этого возраста. Ильяс догадывался, что творится в душе юного человека, только-только начинающего взрослеть. В какой-то момент захотелось помочь ему разобраться в непростых отношениях с близкими. Сегодня, взяв с собой, он надеялся вызвать подростка на откровенный разговор.

— Ты спрашиваешь, каким было мое детство? — Ильяс горестно улыбнулся. — Уж точно не таким, как твое. Ты — счастливый человек, сынок! Живешь в семье, где есть и отец, и мать. Они у тебя — люди добропорядочные. Много работают, чтобы

вы с сестрой ни в чем не нуждались. Быть родителями тяжело...

— Я знаю. — Виталий пожалел, что спросил. Вроде хотел о жизни соседа услышать, а получается...

— Нет, ты пока не можешь этого знать. Вот когда станешь взрослым и у тебя появятся свои дети, ты поймешь, каково это — быть родителем. Это очень трудно, но очень почетно. К сожалению, не все мужчины становятся хорошими отцами. ...

Виталик догадывался, о ком говорил дядя Ильяс. В их доме проживала семья, в которой росли четверо маленьких погодков. Родители выпивали, и дети часто оставались голодными. Соседи, жалея, подкармливали малышня.

— Это трудно, но очень почетно, — повторил дядя Ильяс.

«Зачем тогда заводить детей, если так трудно? И вообще, что вы можете знать об этом, если у вас их никогда не было?» — огрызнулся про себя Виталик. Ему не нравился этот разговор.

И все же слова соседа заставили задуматься. Вспомнив натруженные руки отца, его потускневший взгляд на уставшем лице, издерганную заботами мать, Виталик вдруг устыдился своих обид. Он посмотрел на мужчину. Сидевший на краешке камня, тот, ссутулив плечи, смотрел куда-то вдаль. Подростку стало жаль этого человека, не познавшего родительских чувств.

— Ну, я понимаю, конечно, что папа устает, — начал он. — Наверное, поэтому и бывает часто злым, раздражительным...

— Злым? — Ильяс недобро взглянул на него. — Ты плохо думаешь об отце. Будь аккуратен со сво-

ими мыслями. Они, как и обида, могут приводить к плохим поступкам. В мире много бед творится из-за личной обиды отдельных людей, наделенных властью. Ты говоришь: отец устает! — Голос соседа смягчился. — Усталость физическая — это мелочь, ерунда! Взрослый человек преодолевает ее быстро, стоит лишь немного отдохнуть. Но разве способны вы в этом возрасте понять, что такое усталость от ответственности? Чем измерить бесконечные переживания родителей, когда дети рождаются, растут, взрослеют?..

Отвернувшись, Виталик скривил губы: «Мало мне дома нотаций, теперь и этот решил уму-разуму поучить? Уж не сговорились ли они с отцом? С них станется, с этих взрослых».

— Я бы все отдал, чтобы такое испытать, — продолжал с какой-то болью в голосе Ильяс. — Тебе, сынок, надо понять: дети — самые любимые, самые желанные... гости в доме радушных хозяев, их родителей. А от хозяев не стоит ожидать больше того, что они могут дать гостю. Обязанность родителей — содержать, дать образование, но потом, когда дети повзрослеют — отпустить их, не держать, как птицу в клетке. И то, как ты сейчас поведешь себя, покажет, захотят ли они в дальнейшем помогать, разбираться в твоих трудностях, будут ли прощать за прегрешения...

Он снова замолчал. Отвернувшись в сторону, Виталик пытался осознать услышанное.

— Ты просил, чтобы я рассказал о своем детстве? — вспомнил дядя Ильяс после паузы. — Его не было. Мне было гораздо меньше лет, чем тебе сейчас, когда я потерял родных. Это было в те годы,

когда нас, аджарцев, переселили из родных мест в Киргизию. Слышал о такой республике?..

Виталька утвердительно кивнул. Географию своей большой страны он знал неплохо.

— На вокзале какого-то степного городка, где нас стали пересаживать из вагонов в грузовики, я и потерял свою семью: родителей, братьев, сестер. Много горя было вокруг. Люди бегали, кричали, плакали. Испугавшись, я забился в какой-то сараюшко. Вылез, когда поезд ушел и все машины разъехались. Я остался один: уставший, голодный, испуганный. Никому не было дела до потерявшегося малыша. Ближе к ночи меня подобрала киргизская семья, проезжавшая мимо на арбе. Эти люди ко мне хорошо относились. Но я все равно страдал. Никто не может заменить человеку его родителей.

— Так вы сирота? — Виталик сочувственно покачал головой.

Отхлебнув из кружки остывающий чай, сосед кивнул:

— Так вышло. Дядя Арапбай, у которого я жил, был чабаном. Их семья кочевала по горам, часто меня становища. Однажды, напившись водки — иногда он спускался в долину за продуктами и спичками, — дядя Арапбай проговорился, что чабануя, ему проще прятаться от властей. Уже потом я узнал о его судьбе. До войны этот почтенный человек жил в большом городе и занимал хорошую должность. Однажды ночью его арестовали, обвинив в связи с японской разведкой. Помню, как, рассказывая об этом, он хохотал, а потом начинал плакать. Японцев дядя Арапбай и в глаза-то никогда не видел.

Ему удалось бежать. Помогли родственники, сделав липовые документы. Запомни, сынок: для человека семья — самое главное в этом мире!

Заметив, что его рассказ опечалил мальчишку, мужчина воскликнул:

— Ну, ты чего загрустил? Перестань! Все это уже в далеком прошлом. А знаешь ли ты, что когда на душе становится тошно и кажется, будто никто во всем мире тебя не любит и не понимает, то стоит сделать над собою одно небольшое усилие, и мир снова покажется светлым и радостным? Знаешь?

Виталик невольно улыбнулся:

— Что за усилие?

— О, это особый, древний прием! О нем знают многие, но редко кто пользуется. Его мне в свое время открыл дядя Арапбай, когда устал видеть мои частые слезы. Стоит только человеку через силу улыбнуться, как любая ситуация тут же меняется. Настроение улучшается. — Ильяс взглянул на подростка. — Вижу, что не веришь. А ты проведи такой эксперимент. Когда отец или мать снова начнут доносить своими нравоучениями, — ты ведь от них устал, правда? — подойди к ним, обними, подари свою самую красивую улыбку и увидишь, как они преобразятся. Поступи так, как я тебе советую, потом расскажешь, прав я или нет.

«Какой-то детский сад», — подумал Виталька, но вслух произнес:

— Ладно, попробую. Сомневаюсь, конечно.

Ильяс одной рукой приобнял его за плечи.

— Все так и будет! Знаешь, в природе все живое умеет улыбаться: растения, животные. По-особому, конечно. Только надо уметь это разглядеть. Дядя

Арапбай научил меня распознавать улыбку цветов. Что, снова не веришь? — Усмешка на лице Виталика невольно выдала его. Ильяс вскочил на ноги. — Ладно, иди за мной. Я покажу тебе, как улыбаются незабудки.

Вокруг, на густом зеленом ковре из трав, рваными лоскутами выделялись островки полевых цветов. Нынешняя весна была щедра на их многообразие.

Повинуясь воле соседа, Виталик неохотно поднялся с камня и поплелся к полянке, на которой росли крохотные, с легкой просинью цветки. «Разве могут цветы улыбаться? — думал он, предвидя, в какую неловкость попадет сейчас дядя Ильяс.

Часть полянки была освещена солнцем, отчего незабудки казались блеклыми, почти бесцветными.

— Не смотри туда, где много солнца! — сказал сосед. — Не всё то, что постоянно находится на свету, радует нас. Часто бывает наоборот. Это как среди людей. Зачастую те, кто остается в тени, куда симпатичнее и притягательнее. Вырастишь — поймешь.

Виталий перевел взгляд на незабудки, находившиеся в тени и... оторопел: каждый из цветков, словно веселый ребенок, улыбался ему.

Тот дождливый день сблизил их. С этого времени Виталик часто забегал к соседям перекинуться несколькими фразами, чему супруги были очень рады. Отношения у Виталика с родителями быстро наладились. Он все же провел эксперимент с улыбкой и это, к его немалому удивлению, сработало. С тех пор в их семье старались не ссориться. А если и возникали какие-то разногласия, то с помощью улыбки и объятий все быстро решалось.

Однажды, в ясный, одетый в медно-красную рубаху осенний день, вернувшись из школы, Виталик узнал от матери невероятную новость: у дяди Ильяса нашлась семья. Взволнованный, он немедленно взбежал на второй этаж.

Светясь от радости, сосед рассказал ему о письме, полученном из далекой республики. Оказалось, что его долгие годы разыскивали родственники. После окончания ссылки в Киргизии, они затерялись на просторах Узбекистана.

В Среднюю Азию дядю Ильяса и тетюшку Периде провожали всем домом. Их не было целый месяц, а когда вернулись, жители не сразу признали в этом щеголевато одетом мужчине с гладко выбритым лицом и тубетейкой на голове и женщине в красочном восточном наряде своих знакомых.

Весной соседи навсегда покинули Аджарию, переселившись в край, где своей любовью и заботой их окружила большая дружная семья.

Однажды Виталик получил от дяди Ильяса небольшую бандероль. В записке к ней тот сообщал, что у них с супругой все хорошо. Целыми днями, пока он на работе, Периде возится с многочисленными племянниками, в которых души не чает. Бывший сосед приглашал Виталика и его родных к себе в гости, в далекий Узбекистан. В конце письма Ильяс напомнил подростку о «секрете» незабудки — вечной улыбке неброского на вид цветка!

Больше они никогда не виделись. На память о своем добром соседе Виталик хранил красивый узбекский нож пчак. Всякий раз, доставая клинок из ножен, он вспоминал тот далекий день из детства, в котором познал силу обычной улыбки.

РАССКАЗ МОЕЙ СВЕКРОВИ

Из цикла
«Помнящая родство»

— Родилась я в селе Александровском за четыре года до начала войны, а росла в деревне Чечулино до самой осени победного, сорок пятого.

Отец мой, Иван Иванович Веселов, вернулся спустя месяц после Победы, но до дома не дошёл. Шла жатва. Фронтовичку-ленинградку, которую он привёз с войны, звали Полиной. Высокая, стройная, белокурая. С походной подружкой прибыл отец в деревню Патрикеевку, на свою родину. Между деревнями Чечулино и Патрикеевкой было вёрст пятнадцать. Бабушка наша, Фирсова Ксения Ивановна, в ветхий дом пустила долгожданного сына с подружкой скрепя сердце. Люди, несмотря на то, что на кителе отца сияли орден и медаль, отнеслись к новоявленной семейке с презрением. Недостойный поступок отца

Юлия
КАУНОВА

Проза

в отношении верной труженицы мамы облетел весь Судогодский район.

«В дни позора», как мама называла первые дни случившегося с ней, к нам пришли из Патрикеевки две её приятельницы. Молодые колхозницы рассказали, что фронтовичка Полина так и парится в болотных штанах и «евойной» майке и что лентяйка она, каких свет не видывал: шить не умеет, коврики не плетет, щи не варит. В общем, к хозяйству ни с какого боку не приспособилась и не собирается, и скоро они расстанутся, так как Иван другого замеса — трудится не покладая рук.

Позже выяснилось: уговаривая Полину ехать с ним, отец солгал, что его семья погибла под бомбёжкой. Спустя неделю после приезда, отец и его новая жена заявили в Чечулино и заночевали у соседки Блиновой, что жила от нас через два дома. Маме тут же сказали, что Иван Веселов здесь, и она пошла к нему. Мы с братом Димкой остались дома.

Вскоре родители пришли вместе. Отец покосился на нас и равнодушно отвернулся. Мы с Димкой разревелись от обиды. Не стесняясь нас, родители начали браниться. Бедная мама рыдала, упрекая отца. Отец кричал, что отчим прислал ему в армию письмо, в котором признался, что Лидка с ним спала. Мама требовала, чтобы мы как свидетели подтвердили, сколько раз она выставляла из дома отчима отца. Так прямо и говорил: «Давай, Лидуха, шкурка на шкурку и никто знать не будет». Отец не верил, хотя мы осведомлены были о том, что бабушка Ксения написала ему на фронт опроверже-

ние: «Сын, этот старый хам оговорил Лидуху, я его выгнала».

Доругались родители до того, что отец, потеряв жалость, заявил, что заберёт с собой в Патрикеевку не только Димку, но и корову, так как буренка — доля сына. А нам, то есть маме и мне, оставляет дом на две комнатухи. Мама возразила, что домик она сама купила у колхоза и всю войну выплачивала за него, а корова к отцу, мол, никакого отношения не имеет. «Твой же сын будет пить молоко!» — крикнул отец и погнал впереди себя ревущего Димку, а утром увёл и корову.

Диме было десять лет. Мама его больше, чем меня, любила: рёв стоял в нашем доме такой, что хоть вешайся. Через месяц мама, я и моя подружка Римма отправились в Патрикеевку пешком. Солнце нещадно пекло, путь оказался для детских ног утомительным. Привалы делали несколько раз. Садились в траву и грызли вяленую сахарную свеклу, запивая водой из бидончика. Кругом весёлые поющие люди убирали хлеба. Лето после победы над фашистами было, пожалуй, самым счастливым — смех и шутки рассыпались повсеместно. Мне казалось, что только одна мамочка моя несчастная и только папочка наш злой как волк.

По дороге мама рассказывала, как она любила отца, с каким страхом за его жизнь ждала с войны. Как боялась получить похоронку и как ревновала его заранее ко всем красивым девушкам, которые в большом количестве расцвели окрест. Отец был мужчиной видным — высокий, синеглазый, стройный и русоволосый. Я хоть и маленькая была, но понимала, что идём мы в Патрикеевку

якобы с одной целью — выпросить назад брата Димку. К отсутствию отца за пять лет мы привыкли, а вот без ласкового заботливого человечка маленький дом осиротел настолько, что мы с мамой до глубокой ночи не входили в него. Лет в пятнадцать я узнала, о чем ещё мама думала, отправляясь со мной и подружкой в Патрикеевку. Она хотела убедиться в том, способен ли её венчанный супруг терпеть рядом с собой до конца жизни ленивую хозяйку или, увидев её, румяную Лидуху-завитуху, сможет по достоинству оценить совместное прошлое. Свекровь прислала ей письмо, сообщив о том, что сын сожалеет о содеянном им и что его вызывал парторг и «чихвости́л» за то, что бросил семью. Также мама узнала, что Полина ухаживала за раненым отцом в госпитале и что никакая она не фронтовичка. Мама, разобрав бабушкины каракули, заметно ожила, повеселела. Одно дело — воевали вместе, никто не посмеет обидеть фронтовичку; другое — не выхаживала девушка её мужа, выхватывая из лап смерти, а только-то и всего делала ежедневные перевязки на раненой ноге. Скоро отец вернулся на фронт, а возвращаясь с победой, где-то под Ленинградом прихватил с собой Полину, обижаясь на «неверную» жену. До конца оправдательному письму своей матери он не поверил — дыма без огня не бывает. Считал, что его Лидуха-завитуха, заскучав по мужской ласке, могла и не пренебречь пожилым отчимом. Маленькая я была, но в память многое врезалось.

Помню, мама в дороге поведала о первой своей любви и почему сына назвала Дмитрием. Так зва-

ли мальчика из богатой семьи, которого полюбила подростком. Однажды, встретившись в районе, им вдвоём пришлось возвращаться в деревню Чечулино пешком. Ей было шестнадцать, а Дмитрию на четыре года больше. К сумеркам подвода их подобрала. Сидели рядышком, свесив ноги с дрог, смеялись, не замечая ни тряски, ни пыли. Дима был парнем курносый коренастый, с тёмным чубом. Сказал ей напоследок: «Встретимся ещё». Но больше его мама не видела. Было это в 1936 году. Семью Дмитрия арестовали чекисты и, говорят, расстреляли всех по дороге без суда и следствия. Мама предупредила нас, что об этом никому нельзя рассказывать.

За отца мама вышла замуж в семнадцать лет, а он был на год моложе. Им никто не запрещал жениться. Как она говорила мне: «Исплакалась я вся, тоскуя по первой любви, вот и вышла за другого, чтобы от тоски не загнуться». Свыклась с муженьком лишь после того, как сына родила. Скорее, просто гордилась, что такого красавца отхватила.

Пытаясь отстоять Димку, когда он забирал сына, мама впервые кричала на отца. До этого она никогда не повышала на него голос, почитая мужа. Ей не жаль было корову, так как без мужика прокормить скотину было трудно, молока она давала мало, да и то приходилось часто обменивать либо на муку, либо на какую-нибудь вещь для нас. Мама боялась, что властный и грубый отец за мягкий нрав будет бить Диму, и она не ошиблась.

В Патрикеевку мы зашли со стороны речки. Мама осталась ждать на берегу, а мы с Риммой

смело потопали к дому бабушки Ксении. В нем оказалась одна Полина. Увидев меня, она нахмурилась и сказала, что Дима наказан, сидит в кладовке, а бабушка в поле на уборке хлеба, отца вызвали в Судогду, в районный центр.

Мы с подружкой выскочили из дома, нашли колодец, напились ледяной воды и договорились затеять драку с Лихоманкой (так мама прозвала разлучницу), чтобы выручить Димку из кладовки. Римма была старше меня на три года, она придумала план. Я должна была кричать, отвлекая городскую тётку от кладовки, а Римма тем временем, пробравшись за её спиной через окно в сенцах, откроет засов и выпустит Димку. Кричать было о чём. Влетела я в дом и давай хулиганить — скалку из её рук выбила, тряпку в неё бросила. Она побежала за мной, матерясь, но я ловкая была, успела, проскакивая мимо кладовки во двор, отодвинуть засов. Димка выскочил и побежал за мной на улицу. Мы с Риммой за ним, Полина за нами. Поймала меня Лихоманка за подол ситцевого платья, а я в свою очередь успела её за майку отцову цапнуть, что на ней была. Хотела порвать, да тут Риммка с Димкой подскочили и давай кулаками насовывать в живот Полины. Выпустила она меня и завыла, опустившись на землю. А мы только на берегу речки, где нас мама ждала, разглядели, каким синим от побоев был Димка. Весь с головы до ног. Мама его раздела до трусов и велела в воду зайти, думая, что это грязь в кожу въелась. Брат вошёл в воду синим и синим вышел — не отмылся. Димка кинулся к маме на шею, захлёбываясь слезами и причитая: «Мамочка, заberi меня,

иначе я повешусь!» Я тоже разревелась. И тут, откуда ни возьмись, появился отец. Мы испугались и притихли. Только Димкина одноклассница, справедливая пионерка Римма, смотрела на него с вызовом. Отец наш был для неё никто, она его не боялась. Потом уже мы догадались, что дорога в Патрикеевку со стороны Судогды одна. Отец на чём-то ехал по ней, а бабушка видела нас, работая в поле, как мы бежали к реке втроём, кричала нам что-то вслед, но мы решили не отзываться. Она-то и сказала отцу, куда мы побежали. Отец, увидев нас, широко шагая и отбросив от себя в сторону гимнастёрку и вещмешок, шёл к нам, улыбаясь, будто только что пришёл с войны. Подошёл к матери, обнял её: «Лидуха-завитуха моя, я всё это время был не прав». Мама потом всю жизнь повторяла, рассказывая слово в слово кому-либо: «Лидуха-завитуха моя, я всё это время был не прав», а я всякий раз, слыша это, начинала реветь, годами жалея синего от побоев братика.

Оторопела горемычная мамочка, слезами залилась, показывая на сына: «Что ты с ребёнком сделал!» Отец сурово оправдывался, что Димка ленивый и плакса. Он, скучая, плакал целыми днями, а отец понять не мог, что перед ним всего лишь десятилетний мальчишка, а не мужик какой. Димка вымахал и казался старше своих лет. Я отца в тот день ненавидела, мне было неприятно видеть, как он, словно дурочке, показывает маме какие-то документы, и говорит о том, что сегодня он завербовал всю семью в Калининградскую область, где бывший немецкий город Кенигсберг. Мама, скромно опустив глаза, сидела в траве, по-

кусывая травинку. Так и остались мои родители у меня в памяти: большой, присевший на корточки перед мамой отец в военных штанах и серой майке без рукавов (такая же была и на Полине) и хрупкая, беззащитная мама в цветастой юбке и белой блузке, покусывающая травинку. На щеках её блестели слезы, но даже в свои восемь лет я понимала, что мама согласна на всё, лишь бы отец вернулся к ней. Димка, отвернувшись к реке, плакал. Я, глядя на него, тоже заревела. Отец обнял нас, сказал, что больше никто нас и пальцем не тронет, и мы все вместе повернули обратно к бабушкиному дому. Родители в обнимку шли впереди, мы втроем брели сзади.

Скрестив руки, исцарапанная нами Полина сидела перед домом на завалинке и зло смотрела на то, как мы все подходим. «Ничего, ничего, — шептал отец, — завтра к тетке ейной отправлю. Со всем баба в хозяйстве не годится». Дожидаясь нас, бабушка Ксения сварила суп-затирушку. О том, что семья восстановится, отец ей сказал ещё вчера. Полина была не в курсе.

Затирушка — это всыпанная в крутой подсоленный кипяток мука. Мы уплетали суп за обе щёки, когда в дом влетела Полина. Она кричала что-то о том, что отец легко всех предаёт и ей некуда уезжать. Но отец сказал: «Дуй в Ленинград, там у тебя тётя объявилась!» Нас оставили ночевать. Хорошо помню, что спать отец лёг с мамой в той самой кладовке, где днём был закрыт Димка, а Полина всю ночь просидела у дома на завалинке. На второй день мы все, кроме отца, вернулись домой: отец повёз Полину к поезду на Ленинград.

Скоро мы продали в Чечулино домик и поехали в Калининград. Товарный вагон был перегорожен на три части нашим же скарбом. Вместе с нами находились ещё две семьи с детьми. Это была очень долгая и мучительная дорога. Такой тоски и скуки, как в эту поездку, я никогда в жизни не испытывала. Заниматься было совершенно нечем. Всегда трясло, было холодно и темно. Казалось, что никогда-никогда не наступит другая жизнь. Простая жизнь — на земле, без скрежета и качки вагона, без этой вони, грязного белья...

В Калининградской области мы жили до января 1952 года. Вернувшись, скитались по квартирам. Отец, выпивая, становился шумным, противным, никто его долго не выдерживал, вот и гнали с квартир. Купив лес, дом отец строил сам. На это ушло два спокойных для нас года. Пока строил дом, не пил и не кричал по ночам во сне о том, что его убили.

Знатный по тем временам получился терем: две комнатки-спаленки, зал, просторная гостиная, кухня, веранда, сенцы с крыльцом. Погреб большой и просторный. Хлев для хрюшек да курятник, коровник да клеть для коз. А ещё огороды, сразу три — перед домом, сбоку и за домом. Сад сразу посадили. Колодец выкопали. Все любовались нашим домом. Руки-то у отца золотые были.

Помню, мама часто поминала там отцу Полину, а он как-то признался ей, что подлец он, обеих обманывал. Обеих любил и обманывал. Мама плакала, спрашивая, что же в таком случае с той не остался. «В хозяйстве не годилась — раз. Димку безжалостно избил — два, вот я и осерчал».

Так мы узнали, что в побоях сына отец не виноват. Отец с Димы слово взял, что Полину не выдаст. Не выдал. Скажи он маме тогда, у речки, что это его подруга кнутом отхлестала, да мама бы ей глаза за это выцарапала.

АРГЕНТИНСКОЕ ТАНГО

Рассказ

До отхода электрички оставалось минут десять. Платформа опустела: пассажиры уже втянулись в вагоны, захватили удобные места — у окошек, носом по ходу. Устраивались покомфортней, извлекали из рюкзачков и сумочек мобильники, учебники, кое-кто книжки. Так что я определённо опаздывал...

Бросился к окошечку жел. дор. кассы:

— Билет до Пятигорска и обратно. Скорее!

Замешкался, выгребая из карманов купюры и мелочь... /«Мелочь»! Недавно, при советской власти, за эти сто рублей я целый месяц вкалывал «инженером по оборудованию»!/
— Не спешите, время ещё есть...

Странно знакомый, мягкий, успокаивающий голос, чуть-чуть насмешливый, узнавае-

Станислав
ПОДОЛЬСКИЙ

Проза

мый. Есть такая интонация: ты ничего не видишь вокруг, погружён в себя, торопишься, а тебя почти вычислили, окликают с улыбкой: вспомнил — хорошо, нет — ну и ладно...

Поднял глаза, всмотрелся в круглое бледное лицо, обрамлённое русыми прядками, выбившимися из-под форменной пилотки, в зелёные глаза с чёртиками насмешливыми в зрачках, острые плечи, обтянутые жел. дор. мундиром...

— Вера? Как это тебя сюда угораздило?!

Вспомнил, вспомнил наконец то смутное время между эпохами советской и уже не совсем советской, когда жёсткий контроль сверху поослаб, и все, кто мог, бросились как-нибудь зарабатывать.

В вечерней электричке на 16:15 даже сложилось некое как бы сообщество «выступателей»: лекторы, музыканты, актёры мчались в санатории выступить после ужина — развлечь, просветить, подписать путёвку-счёт «индивидуального предпринимателя» — подработать «на молочишко» — кто во что горазд.

Кого тут только не было! Встречались довольно примечательные личности. Вот пианист-импровизатор, тощий, слегка истеричный брюнетик, с жгучими беспокойными глазами: «Шостакович? Кто вам сказал, что он гений? Вас обманули! Ничего подобного! Обычная советская ординарность! Плюс пропаганда!» Однажды он умер прямо за роялем на выступлении — инфаркт. Жаль...

А вот престарелый йог с супругой. Они спокойно раздевались на холодной, плохо отапли-

ваемой сцене при полном зале до трусов, до ку­пальника и неспешно демонстрировали публике всевозможные «асаны»: стояли на голове, закла­дывали ноги за шею, намекали на позы «Камасу­тры» — худые, гибкие, гуттаперчевые. Затем сооб­щали зрителям: «Нам по 80 лет. Не верите? Вот паспорта. И вы при желании можете достигнуть вечной молодости!»

После выступления бойко торговали самопаль­ными «методичками» — руководством для тре­нинга, разумеется, незаконно; конечно, бесплод­ными: там не было сказано, что тренироваться надо всю жизнь, смолоду, рядом с гуру — учите­лем.

Потом всё сообщество «выступателей» встре­чалось на старинном, ещё дореволюционном вок­зальчике, где в ожидании обратной электрички артисты /особенно йоги/ с наслаждением уплета­ли горячие пирожки с капустой, картошкой или ливером, которые жарились тут же в кипящем масле /возможно, машинном?/ — на открытой плите привокзального буфетика: перед выступле­нием наесться не следовало — теряешь форму / на охоту идти — собак кормить?!/

Я и сам читал в ту пору лекции о русской поэ­зии: Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Афа­насий Фет, Велемир Хлебников — все «неходо­вые» авторы. О Есенине, Цветаевой и Ахматовой рассказывали другие, более солидные лекторы. Естественно, выступления мои не пользовались особой популярностью: публики было — впритру­сочку. Однако народ удивляло в ту пору, что стало можно открыто говорить о поэтах, которых не-

давно ещё преследовали, гнобили, вычёркивали из большой литературы. Люди прислушивались, что-то понимали...

Приглашали меня редкие интеллигентные зав. клубами /такие тогда ещё водились кое-где, хотя вскоре были сметены напористой деловой молодёжью/. Тем не менее на хлеб-соль удавалось зарабатывать. Не скрою, лучше всего подкармливал меня, конечно же, Борис Леонидович: слишком свежа была память о его Нобелевском лауреатстве, всенародном разгроме, смертельной болезни. Да и читал я его стихи, говорят неплохо: они мне действительно нравились.

Однажды на моём выступлении неожиданно присутствовал сын Б. П. Евгений Борисович: скромно примостился на «камчатке», после лекции подошёл, представился /я от неожиданности чуть не провалился сквозь вытертые доски эстрады!/, пригласил навещать его, если окажусь в первопрестольной... Но вот уже и его нет... Впрочем, не об этом здесь речь.

Поскольку я старался приехать к месту лекции заранее, чтобы помолчать, настроиться, вспомнить намеченные к чтению стихотворения, возникали иной раз «перехлёсты» с предыдущими артистами, занимавшими сцену до меня. Особенно мне нравилось приходить в клуб одного санатория, где репетировала свой номер пара профессиональных танцоров.

Это была тщательная работа со многими повторами — поз, движений, ритмов. Но в то же время каждый жест, пируэт, порыв дышал у них высоким искусством. Живое чувство проступало в их

танце, говорило о чём-то, происходящем сверх танца, — угадывались взаимоотношения партнёров в реальной жизни.

Она — несколько крупная, яркая, трепетно-ритмичная, гибкая, порывистая. Он — стройный, но по-мужски грубоватый, полный внутренне-го огня. Танец как бы рассказывал историю их любви. Вот случайное знакомство: заметили друг друга, соприкоснулись, вспыхнули. Вот каждый слегка отстранённо показал себя. Она горделиво-независимо прошлась в отдалении, вдруг обернулась, взглянула вопросительно-высокомерно. Он шагнул к ней решительно, даже властно, навис, позвал, признался. Возник танец-знакомство, соперничество, испытание. Но вот уже — танец-согласие, узнавание, открытие, самозабвение!

Она — пленительная, страстная, летучая. Он — ослепительный, горячий, бережно-властный — «мачо». Опасный мужчина-нож, ревнивый, неотразимый! Она — чудесная, готовая на все, отдающаяся — пусть ножу!

Разумеется, я моментально втюрился в эту Веру: она — живая, естественная, прирождённая танцовщица, но не стандартная.

Обычно танцовщицы-профессионалки тощие, жилистые, злые, выпендрёжные: чёрный супермакияж, резкие — наотмашь — движения, какие-то танцевальные машины!

Вера была чуть ли не простонародная полноватая женщина, натуральная русая блондинка, зелёные, подводные глаза, чуть смущённая улыбка... Но в танце она преображалась: ритмичная, гибкая, смелая, но не «отъявленная»! Она не сопернича-

ла, не сражалась с партнёром, но как бы восхищалась им, обнимала его любовными осторожными движениями. Даже лёгкая неуклюжесть шла ей...

Да, я влюбился. Прикидывал уже, как бы срочно пристрелить её партнёра Юрия, как это полагается в блатных песнях. Но вскоре отказался от этой затеи: они были столь неразрывны в танце, так проникали друг в друга, что устранить одного значило уничтожить и другую. А я этого не хотел ни в коем случае, восхищённый единой красотой их танца, который так и назывался — Аргентинское танго.

— Кроме того, как это «пристрелить»? А где гуманизм, этика, уголовный кодекс, христианские ценности, наконец?

— Какие там «ценности», какой там «гуманизм»! Миром правит страсть! Танго! Латинская Америка! Где там умеренность, кротость? — Конквистадоры. Огнём и мечом навязанная вера, /ничего себе «вера» — из-под меча!/. Тридцатиметровый Христос на семисотметровом постаменте горы Корковадо, Там, в Рио-де-Жанейро!.. Но вот красота и страсть — непобедимы...

Эта пара собирала полные залы. Программа состояла из знаменитейших латиноамериканских танцев: самба, румба, посадобль, джайв. Но королевским танцем для меня было аргентинское танго. Это не был танец напоказ. Это была подлинная история их любви, полная тайн и неожиданностей. Они просто сливались с прекрасной мелодией жизни — глубокой, простонародной, вовсе не салонной. Звучал искренний дуэт двух душ...

Каждый раз я готов был вообще отменить своё выступление — лишь бы они трогали и потрясали полное света и чувства пространство.

А теперь вот она — в тесной клетушке жел. дор. кассы — неповоротливая, полуавтоматическая: хлоп — вот ваш билет «туда»; хлоп — вот «обратно», возьмите сдачи; следующий, — с утра до вечера...

— А где же Юрий? Давно вас не видел нигде...

— Нас перестали приглашать в новое время. Я вот сюда устроилась.

Он работал на пилораме в стройотряде, вахтовым методом: деток ведь надо растить. Потерял руку — втянуло на дисковую пилу, слава Богу, жив остался. Служит вахтёром в том — помните — санатории. Мы теперь редко видимся. Не танцуется...

Снаружи раздался арбузный гудок электрички. Я взмахнул ладонью:

— Всего! Увидимся!

Бросился к вагону. Успел заскочить на площадку последнего вагона. Двери захлопнулись. Электричка тронулась, плавно и быстро набирая ход...

В следующий раз, увы, в кассе сидела другая кассирша, пожилая, строгая, усталая тётя.

Не знаю, не понимаю, как могло прекратиться, исчезнуть волшебное «Аргентинское танго», которое в другом исполнении я не воспринимаю? Но в памяти моей оно живёт, длится, восхищает, спасает от рутины и безвременья. Вернётся, может быть? Обязательно вернётся. Потому что это и есть жизнь настоящая.

ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ

...Время молчать, и время говорить...

Еккл. 3:7

Мои стихи — мои грехи.
Пиши-грехи легко, тишком...
Но почему-то в горле ком —
молчу, не пишутся стихи.
Какой-то весельчак давно
за плугом песни сочинял.
А мне в трамвае и в кино
дано талантливо молчать.
И я молчу, пока могу,
молчу, как почка, до поры,
пока молчанием не лгу,
не начинаю говорить.

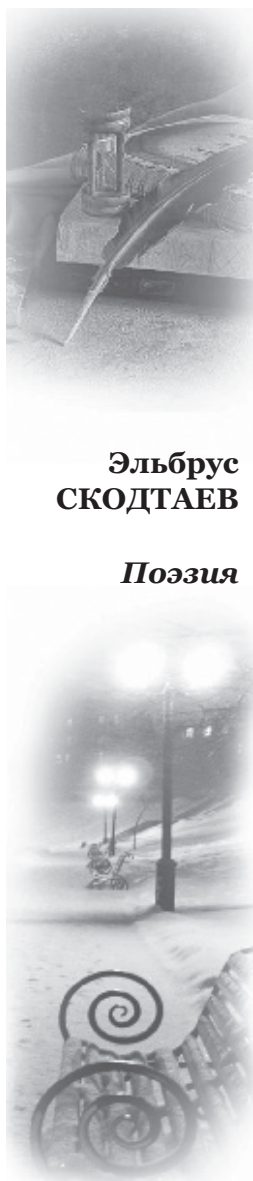
Приходит время говорить
как преступление молчать,
когда слова, как топоры,
в висках и в сердце застучат,
когда — зелёные дожди,
а полдни жёлты и туманны,
когда дымится и дрожит
земля, как женщина из бани,
и входит мир, грозой омыт,
в людей, безмолвных, как квартиры,
давно забытые — от Мира,
и люди жаждут Мир открыть...
Тогда и мне дается Миг —
весь в вспышках, шелесте и листьях —
среди немоты и обелисков
я начинаю говорить!

БРАТСТВО КАВКАЗСКИХ ЛИТЕРАТУР

Имя Эльбруса Борисовича Скодтаева, секретаря правления Союза писателей России, стоит в ряду выдающихся писателей Северного Кавказа. Ему подвластны все виды литературной деятельности: поэзия, проза, драматургия, публицистика, переводы. Судьба и яркое многогранное творчество навек связали его с Осетией, с родным дигорским народом. Много лет Э. Скодтаев возглавляет литературный журнал «Ираф», который неоднократно знакомил читателей с произведениями ставропольских писателей. Он лауреат национальной премии «Яблоко Нартов» в номинации «Поэзия», Всероссийского конкурса им. А. Твардовского. Правительством республики Северная Осетия — Алания награжден медалью «Во славу Осетии».

**Эльбрус
СКОДТАЕВ**

Поэзия

ПЕСНЯ ДУШИ

Ветер с неба стянул облака,
и с теплом посреди тишины,
черноту разбавляя слегка,
песня тихая льётся с луны.

Помесь мрака и света мутна,
но луна — между светом и тьмой.
Озаряет свечою она
снова дух неприкаянный мой.

Чтоб на многие вновь голоса
поутру он, как прежде, запел.
И до дна прожигает слеза,
чтобы собственным не онемел.

* * *

Словно мама, терпеливо
ветер дерево качает.
Новоявленная слива
в колыбели засыпает.

И покуда безответно
берега волна ласкает,
слива эта незаметно,
как ребёнок, подрастает.

Сад мой небо осыпает
звёздами, что угольками,
а она уже мечтает
о любви под облаками.

Тело юное под вечер
невесомое взлетает,
и платочек подвенечный
белый ангел раскрывает.

А душа, срывая путы,
как отпущенная птица,
всё трепещет почему-то —
счастья своего боится.

КОЛОСЬЯ

Из распахнутой неволи
вышли нежно влюблены
на распаханное поле
прибывающей весны.

Друг за дружкой наклоняться
на прохладе могут, но
хоть бы раз поцеловаться
дотянуться не дано.

Станут осенью хлебами —
все узнают от хлебов,
какова на вкус губами
их недолгая любовь.

В ОЖИДАНИИ МАТЕРИ

Под полою белой бурки
в пламени свечи
почему не от печурки
дети горячи?

Нам огонь гортани гложет,
боязно глотать.
Маму ни один не может
мамою назвать.

Так и смотрим друг на друга,
дышим тяжело.
Лишь бы, думаем, дорогу
не перемело.

* * *

Оковав моё сердце печалью,
стынет дерево, вмёрзшее в лёд —
головою едва покачает
и опять обречённо замрёт.

Будто сам я внутри его тела
в ледяную пророс глубину,
и со мной оно окоченело
вместе в заиндевелом плену...

Пробуди своё сердце живое,
если жаждет дороги оно!
Или в невозмутимом покое
суете нашей удивлено?

БОЛОТО

Скакал от счастья — и с размаха
в болото выпал из седла...
Теперь сыра навек рубаха,
и сердце вымокло дотла.

Мох прогибается всё ниже,
идёт волнами, а потом,
зачерпывая липкой жижи,
ложусь на кочку животом...

А по соседству промышляет
в траве гремучая змея —
нещадно гнёзда разоряет,
птенцов глотает не жуя.

Вдали колышется осока,
ярится от камней река,
а застоялая протока
обсасывает берега.

Одежду траурную снова
готовят небеса спеша.
Ветра знобят, не греет слово —
о том и мается душа.

Но захлебнуться неохота —
не вышел отведённый срок...
— Не убивай меня, болото.
Подставь хотя бы островок...

* * *

Опаской дичится
живое — не сразу
рискует открыться
пытливому глазу.

А я, как повеса,
мечтою пьянею,

живое от беса
беречь не умею.

Но как сиротою
душа одичает —
наутро слезою
цветок отвечает.

* * *

В ясный день почему,
пробирая до дрожи,
холод в тёплом доме
пробегают по коже?

Что я сделал судьбе,
что и взгляда не стою?
Отчего я тебе,
словно место пустое?

Темнота среди дня,
и во сне беспросветно...
Не сердись на меня,
что люблю безответно.

*Перевод стихотворений с дигорского
Андрея Расторгуева*

РУБЕЖИ «ТИХОГО» ПОДВИГА

История Великой Отечественной войны, наряду с яркими и знаменательными событиями, наполнена и «тихими» подвигами. Теми подвигами, кои совершались обречёнными на безвестность отважными жителями окраин необъятной советской страны, боровшимися с врагом в своих конкретных населённых пунктах. Так они и вносили в общую победу более чем достойный вклад.

И вот для благодарных потомков настало время осмысления перипетий той страшной обыденности. С тем, чтобы пройти по рубежам «тихого» подвига и рассказать внукам и правнукам о том, как защищали родную землю их деды и прадеды, показав непоколебимую волю и веру в правое дело. Ничем положительным не обогащают семейную историю рассказы

**Тамерлан
ТЕХОВ**

*Литературо-
ведение*

о предателях своего народа, но и о них, по прошествии стольких лет, можно и нужно рассказывать, ибо антипримеры для воспитания истинных патриотов также необходимы.

Признанный мастер современной русской прозы из Ставропольского края, поэт, прозаик, публицист, музыкант, лауреат целого ряда литературных премий Владимир Бутенко в своём романе «Терская клятва» как раз и обратился к данной теме. События в казачьем хуторе с весёлым названием Пьяный курган не носят характер документального повествования, но близки к нему. Автор явно собирал воспоминания свидетелей тех трагических дней, и в огранке художественного вымысла создал свою выразительную картину из эпизодов «незамеченной» битвы за Кавказ. Таковой её назвал в своих «Кавказских записках» писатель-фронтвик Виталий Закруткин потому, что её затмила грандиозная битва под Сталинградом. Но именно в окрестностях Ставрополя враг впервые осознал, что пощады ему не будет, а временными успехами он только может тешить своё самолюбие.

С первых же строк автор приковывает внимание читателя умением степенного описания жизни-бытия хуторян и картин природы их родных просторов. Отвыкли мы от такого чтения, потому как неведомо куда стремимся в век информационных технологий, и чаще всего «заглатываем» лишь основную суть литературного произведения из краткого изложения. Но здесь придётся остановиться, присесть на лавочку, оглянуться вокруг и «впитать» описания: «Приютившееся со стороны степи под склоном, это казачье селе-

ние теплило взор размашистым и ладным видом. Любо было оглядывать в отдаленье гряду Кавказских гор, ближе — полноводный Терек, подковой огибающий окраину и уходящий за лесной соловьиный остров. А внизу, под склоном, — густотой щедрых садов, смыкающихся с центральной площадью, где сиротела со времён Ермолова деревянная часовенка. По весне, когда готовились хуторяне к Пасхе, нарядно прихорашивались присадистые и все белёные, как на подбор, хаты трёх просторных улиц». <...> Второй век уже стоял Пьяный курган на Тереке, но за извечными заботами и службой нечасто приходилось казакам бытовать в покое и радости».

От описаний — к народной мудрости. «Терская казачка беды на коромысле несёт», — с таких слов начинается знакомство читателя с героями, вокруг которых построено основное повествование. Ефросинья Груднева получает известие с фронта о гибели своего мужа Бориса. Описание его подвигов здесь контрастирует с судьбой решительного Василя Антошкина. Он только с учебки, «не успел даже выстрелить», как погиб во время вражеской бомбардировки. Таких «обычных» героев на той войне тоже было очень много. Да, парень ничем не успел проявить себя, но ведь на поле боя был готов на подвиги, как Борис Груднев, который в итоге выжил и продолжил с товарищами путь к Победе. Данный штрих важен для понимания общей панорамы, создаваемой автором, так как сразу отсылает к многоплановости сюжета произведения, включающего описание и таких вот «незаметных» судеб.

Мастерски показана и несгибаемая воля солдатских вдов с «бедами на коромысле». В нескольких предложениях заключена целая философия, позволяющая прочувствовать, что во многом благодаря их тяжелейшему труду в тылу и не смог сломить враг общий дух народа: «Пожилые хуторянки взяли вдов под опеку. Примерами из жизни, полной утрат и страданий, убеждали, что поддаваться унынию и падать духом — большой грех, а наоборот, надобно, как травушка после зазимка, цепляться за своё бабье счастье ещё крепче...» Случилось хуторянкам стать и факельщицами поневоле. В голодное военное время им пришлось сжечь стожки пшеницы в поле, чтобы они не достались находившемуся у порога врагу. Было от чего опустить руки, но они находили в себе силы зубоскалить, «этим бесшабашным озорством успокаивали себя», чтобы затянуть песню, потому как «от предков-казаков унаследовали умение быстро отрешаться от бед, чтобы выстаивать перед теми, что надвигаются». В осетинской литературе, к слову, подобное положение показано в романе Таисии Дзабаевой «Сироты и вдовы». Изнурённые непосильным трудом вдовы собирались вечерами вместе и, отрыдав над своей горькой долей, отдавались во власть гармошки, придававшей силы для борьбы за то же самое «бабье счастье».

Рассказ о непосредственных военных действиях на Кавказе в романе абсолютно реален: о создании нового органа управления — Северной группы Закавказского фронта во главе с генерал-лейтенантом Масленниковым на терском рубеже — как долгосрочной оборонительной операции, гово-

рится, в основном, языком архивных документов. При всём том роман остаётся чисто художественным произведением, так как вкрапления органично вливаются то в уста героев, то в авторские отступления, то в общие сюжетные линии. Так сложились «популярные» уроки истории от автора, показывающего читателю, что успех в операции «Эдельвейс» на Кавказе Гитлер рассматривал лишь как небольшой этап своего трансасиатского плана. Через нефтепромыслы Грозного и Баку путь его армии лежал в Иран и Ирак, а оттуда — в Индию. Географически отдалённые друг от друга местности немецко-фашистскому командованию представлялись едино порабощаемыми территориями...

В провал зловещих планов захватчика вносил вклад и оказавшийся на линии обороны глухой терский хутор. Целая галерея портретов его жителей сполна убеждает в том, что автор изучал материал, подбирал прототипов, беседовал со свидетелями тех страшных испытаний. Тот же образ Ефросиньи Грудневой, приютившей детей «врагов народа», наверняка не вымышлен, так как примеров подобного подвига на той войне было немало. Семьям грозила голодная смерть, а они не отворачивались от детей-сирот родственников, беженцев, павших воинов, и это также стало символом воли, милосердия и веры в лучшее будущее. Многие из них тогда говорили примерно то же самое, что Ефросинья: «Помните слова князя Невского? Кто с мечом к нам придёт, тот от него и погибнет. Он тевтонцев разбил, так и наша армия их потомков проклятых уничтожит на этой земле и до Бер-

лина погонит! Мы победим, победим обязательно. Родная земелька-любушка, как бабука говорила, тоже с врагом воюет, как казак на коне...»

Композиционно повествование теперь выстроено в виде чередующихся глав о военных действиях и событиях в тылу. Линия «патриот-предатель» представлена командиром роты Александром Ивенским и политруком Егором Колотушиным. Контуженного командира вынесли из окружения его бойцы, а политрука расстреляли свои же при попытке перехода на сторону врага. Из 148 человек роты в живых осталось 11, но в официальных донесениях сообщается о 24 погибших. И опять мы возвращаемся к «тихому» подвигу, на этот раз совершённого не значившимися в списках защитников Родины.

Символом такого же подвига являются душевные порывы великих матерей — вдов той войны. Дети отпрашиваются у Ефросиньи «яблочек и груш побросать» перегоняемым через село пленным. «Картошки возьмите», — сказала она. Точно так же жёны и вдовы фронтовиков отрывали от своих полуголодных детей хлеб, подавая его немецким военнопленным после Победы. Этим своим добром и состраданием они возвысились над врагом, понявшим, что победить народ с большим страдающим сердцем и уникальной исторической памятью невозможно...

Художественное осмысление с элементами документалистики позволяет автору показать также подвиги коллективные (успех Красной армии в битвах у Эльхотовских ворот и на подступах к Гизели в Северной Осетии) и индивидуальные (свёкор Еф-

росиньи Лука Фомич доставляет красноармейцам сведения, услышанные от квартировавшего у него пьяного фрица). Победа возможна, если каждый в условиях смертельной опасности не побоится внести в её приближение свой вклад — данная мысль проходит лейтмотивом через всё произведение, но особо ярко проявляется в показе образов воинов, партизан и простых хуторян. С разными характерами, убеждениями, взглядами на жизнь, но непоколебимой верой в правое дело, связанной с защитой будущего, жить в котором им самим, возможно, не придётся. Трогательно-пронзителен в данном контексте разговор старого казака Луки Фомича с любимой рекой, связанной в его сознании с образом малой родины. Его монолог является манифестом истинного патриота: «Скоро, должно, и меня, как боевого полчанина, заруют в сыру землю, и не придётся больше с тобой свидеться, Терек-братец! <...> Верно зовут тебя — буйный! Всем норовом — в казаков. <...> А сколько сражений было, сколько кровушки пролилось на твоих крутых берегах! Недаром матушка-покойница повторяла, что полон ты не водою, а вдовьими слезами. И казачек, и горянок, и русских баб. <...> Все народы на Тереке узлом связаны и потому должны себе на пользу жить в согласии. А теперь и подавно! Немчура напал. Жизнь страны как на тонкой веточке повисла. Обломится, заполонят нас чужеземцы — конец и казачеству, и вольному наездничеству джигитов...»

Отражение судьбы казачества в романе «Терская клятва» вообще может стать темой отдельного исследования. И центральное место, в таком

случае, наряду с Лукой Фомичом, будет отдано изучению неординарной личности деда Ефросиньи — Митрофана Антоновича Уварова. Бывший терский урядник, служивший в Конвое Его Императорского Величества Николая II, «свирепел при упоминании о них [комиссарах], сломавших и его судьбу, и всего казачества». Один его сын погиб, сражаясь за Белую армию, другой устанавливал власть красных, и потому отношения с ним у отца натянутые. Образ, явно взятый из жизни, ибо новая советская власть людей и семей с подобными сломанными судьбами породила немало. Существовали и прототипы — ярые враги «всего красного», но — не противники того же, если речь шла о защите родной земли от стороннего завоевателя.

В хутор Пьяный курган, где проживают внучка и другие, помогающие Красной армии родственники, Митрофан Антонович нагрязнул в составе конной сотни из полка немцев, полный решимости поквитаться с коммунистами, «растоптавшими терское казачество». Сыновья его проливали кровь за разные идеалы, теперь он сам — по другую сторону баррикад от свата Луки Фомича, проповедующего простую, но столь же и мудрую истину: «Власти меняются, а земля родная одна».

Прозрение наступает, когда Митрофан Антонович, как старейшина, обязан стать судьёй и приговорить к прилюдной казни своего внука-партизана Алексея. И тут мужественный казак сносит шашкой голову «превосходительства» — командира карателей, затем и его фельдфебеля. Ефросинья одновременно потеряла деда, изрешечённого пулями, и брата, повешенного за помощь Красной ар-

мии. Здесь читатель, вместе с потенциальным исследователем, может задуматься над тем, с чем же связано прозрение старого казака. Исключительно ли со страшным повелением судьбы — практически собственными руками убить любимого внука? Не всё так просто, что выявляется в рассуждениях и поведении героя. Митрофан Антонович ведь не предатель, поступивший на службу к карателям ради спасения собственной жизни, обогащения или какой-либо иной выгоды для себя. Под влиянием хуторян он вот-вот осознает, что не тем путём добивается справедливости в своём понимании, и тогда сразу станет полезен партизанам, скажем, в качестве своего человека в стане врага. Однако личная трагедия персонажа романа в том, что и после победы над захватчиком он бы остался чужим для власти, свергнувшей с царём и уклад жизни казачества с богатейшими ратными традициями.

Как бы то ни было, молох истории не перемолол память народную — величие терской клятвы и её влияние на славный род казачий никуда не делись. И мировоззрение Луки Фомича — лучшее тому подтверждение. Проводимая той или иной властью политика, всевозможные обстоятельства не отменяют клятву верности родной земле, о чём в беседе во время редких затиший на поле боя говорят командир эскадрона Донского казачьего кавалерийского корпуса Александр Ивенский, его замполит Геннадий Петраков, «исключительной храбрости» старшина Борис Груднев, дядька Михей Куликов... Преданность этой клятве, наряду с ненавистью к врагу и жизнелюбием, рождает всё

новых героев. В том числе таких, как подопечный Ефросиньи Иван Вахонин. Подросток втёрся в доверие к захватчикам в роли попрошайки-развлекателя и передавал ценные сведения партизанам, а затем, тайком уйдя в их отряд, героически погиб в одной из операций. «Детские подвиги» в той войне играли немалую роль, и это подчёркнуто автором именно с помощью идеи единства с народом, несмотря на личные трагедии (Иван лишён родителей, объявленных «врагами народа»).

Автор романа выражает и мысль о том, что непобедимого русского воина и нестигаемого труженика тыла закаляет, сил в борьбе за свободу добавляет литература. Получивший пристанище в хуторе беженец, профессор Олег Анисимович Калитаев цитирует строки Есенина, и Ефросинья ощущает, «как простые и обычные слова, соединённые неведомой музыкой, вдруг обрели завораживающую силу и, войдя в душу, озарили её трепетным светом, словно бы свечи...» А истоки поэзии признанных классиков разве не в мудрости народной, имеющей живительную и спланивающую силу?!

Только косвенно связан с литературой другой любопытный факт. Деду Луки Фомича, отчаянно-му красавцу Панкрату Гавриловичу, отличившемуся в Кавказской войне, деньги на обзаведение собственным домом, как запомнилось хуторянам, пожаловал молодой барин с чудной фамилией и смешным именем — Лев Толстой. Будущий классик мировой литературы тем самым воздал должное готовности горца бороться за своё счастье, несмотря на практически непреодолимые

препятствия в виде более высокого социального статуса возлюбленной и исповедания ею другой религии.

Для чего понадобилось автору такое вот, безусловно, необычное, но не имеющее непосредственного отношения к описываемым событиям, упоминание об офицере, набравшемся на Кавказе впечатлений для последующих подвигов на ниве творчества? Непоколебимую волю и твёрдый характер представителей династии воинов-казаков и без этой, не получившей продолжения сюжетной линии (неизвестно, как потом складывались отношения горца и его благодетеля, о чём они говорили при последующих встречах, если такие случались и т. п.), автор показал убедительно и полно. Дело здесь скорее в указании на исторические корни патриотических порывов жителей Северного Кавказа, навеки связавших свою судьбу с Россией. Это самое единство, вместе с верой в своё правое дело, позволило дать врагу достойный отпор. Он отступает, стерев «с лица терской земли более полусотни посёлков, аулов, хуторов».

Мало узнаваем в остовах печей и «милый казачий приют» Пьяный курган. Разрушено всё, но остались вера (Ефросинья откапывает в доме не пострадавшую древнюю икону Богородицы) и любовь (отважный воин Борис выжил после четырёх ранений, так как его казачья душа «слишком любила родную терскую землю, чтобы вот так вмиг расстаться с нею»). А ещё — надежда на скорое возрождение счастливой жизни на родной земле (война ушла с Кавказа, но — пока ещё не со всей страны).

Заканчивается роман проникновенными словами Бориса Груднева, снова отправляющегося на фронт: «Земля ждёт, когда засеют её зерном. Истоптали её фашисты, да не покорили. Наша она навеки...» В слове «наша» и заключена «простая солдатская правда», высказанная маршалом Победы Георгием Жуковым на вопрос историка, писателя и журналиста Валерия Ганичева о том, почему мы победили: «...Германия по всем статьям тогда была лучше готова к войне, чем мы. Возьмите генералов. Мы в академиях военных учились у Клаузевица, Шлиффена, Мольтке. Прусский офицер — это же военная косточка, каста целая. Немецкий солдат покори́л Европу, победоносно прошёл по дорогам Франции, Бельгии, Польши, взял Норвегию, Грецию, Крит. Англия дрожала... Мы победили потому, что у нас был храбрый, патриотический молодой солдат, политически обученный, душевно подготовленный сражаться за Родину». Победили, потому как тот самый солдат знал, что непременно бросит зёрнышко в освобождённую от фашистской нечисти родную землю. В свете происходящих исторических изменений, когда современники являются свидетелями борьбы с неонацизмом, подобные мысли особенно актуальны. Актуален и должен быть широко востребован обществом роман Владимира Бутенко «Терская клятва», воспитывающий читателя в духе лучших духовных традиций предков-победителей...

* * *

Среди неискренних рулад,
Звучащих более чем странно,
Поёт душа на русский лад,
Поёт и плачет покаянно.

Не прерывайте песни той
И мир незримый сохраните,
С его добром, с его мечтой, —
Он хрупок, словно солнца нити.

В нем светел Книги книг оклад.
В гармонии молитв и звонов
Поёт душа на русский лад
Среди разлада, войн и стонов.

СЛЁЗЫ ИКОН

Плачут иконы,
Святыми слезами
Плачут.
Класть нам поклоны
Пред образами,
Значит.

Время пришло,
Непосильное тяжко
Бремя.
Царствует зло,
И бесовское скачет
Племя.

Алла
МЕЛЬНИК-
ХАЛИМОНОВА

Поэзия

Но не случайно
Святые иконы
Плачут.
Русь — это тайна,
И пусть её
Не иначат.

Русь — это свято,
В ней духа и правды
Сила
Встань, как когда-то!
Ты многое
Выносила.

РОМАШКИ

Простые белые ромашки
Глядят весёлыми глазами...
Родные белые ромашки,
Я всякий раз люблюсь вами.

Растёте не в оранжереях —
Вас солнце ласковое греет.
Над вами, плача и жалея,
И дождик льёт, и ветер веет...

Мне кажется, что нет вас краше.
Блестят глазёнки золотые.
Простые белые ромашки —
Любимицы моей России.

* * *

Я жила в Петербурге один год,
Целый год, будто жизнь, длинный.
Помню Невский и северный небосвод,
Исаакия купол старинный.

Я была в Петербурге один день,
Целый день, как вечность, огромный.
Там остался мой след, и моя тень
Бродит там, словно призрак бездомный.

Я опять в Петербурге. Дин-дон!
Город слит с колокольным звоном.
Сколько музыки слышу со всех сторон!
Город праздничным стал амвоном.

Здравствуй, мой Петербург! Суету скинь,
Стань великой столицей мира.
Фонари загораются. Динь-динь...
Дремлет Северная Пальмира.

ВСЁ ЭТО БЫЛО

Всё это было, и факты скупые важны:
Поработив без труда все народы Европы,
Орды фашистов топтали дороги и тропы
По направлению к сердцу великой страны.

Всё это было в истории русской не раз,
Только всегда наши предки на битву вставали
За бесконечно родные российские дали,
В бой за Москву, за Поволжье, за Крым и Кавказ.

И побеждали на сотнях военных дорог.
Памятью светятся их имена дорогие.
Правда всегда была с нами, и был с нами Бог,
Он и сейчас не оставит великой России!

МЫ ЖИВЫ

*Россия ещё не погибла,
Пока мы живы, друзья!
В. Солоухин*

Мы живы, вы слышите, живы!
России верны до конца.
Творения наши не лживы,
Любовью горят сердца.

Мы живы и будем бороться
За нашу Россию и власть.
Из чистого веры колодца
Пусть каждый напьётся властью.

В той вере мы черпаем силы,
Крепка поколений связь.
И сердцу нашему милы
Те книги, где яти и вязь.

Не грохот тяжёлого рока,
А пение русских церквей,
Не тёмная мерзость порока,
А святость монастырей,

Подвижников русских примеры
И трудность невидимых битв.
Мы живы величием веры
И светом их чистых молитв.

ДИВНОГОРСК

О Дивногорск! Название твоё
Так верно! Ты прекрасен, словно птица.
И неба синь, и речка здесь поёт
И влажной лентой по земле струится.

Цветут кувшинки, чистая вода,
Приятна в летний зной её прохлада.
Так хочется, чтоб беды никогда
Не принесли в покой струю разлада.

Здесь так необычайна тишина,
И памятны места твои святые.
Через тебя Россия вся видна,
Великая и дивная Россия.

* * *

Бесценны в памяти моей
Улыбка, взгляд, прикосновенье
И утешенье милых дней,
Ушедших, как одно мгновенье.

Я радовалась им всегда
И счастлива была беспечно
Забыв, что время как вода,
И в нашей жизни всё не вечно.

Но сердце памятью живёт
И рядом с верой — слово «верность».
Как быстро пролетает год...
Бег времени — закономерность.

Но очень важно осознать,
Что встречи лучшие от Бога
Даются нам, чтобы весна
Жила в душе, а не тревога,

Чтобы доверчиво вперёд
Смотрели, славя Провиденье...
Уйдём когда-то в свой черёд,
Ведь жизнь — всего одно мгновенье.

Но если в нём — сиянье глаз,
Возможность радоваться чуду,
То счастлив миг!.. За это вас
Всегда благодарить я буду...

За радость ласковых огней,
За солнца свет и озаренье!
Бесценны в памяти моей
Улыбка, взгляд, прикосновенье...

ИВАН ТИМЬЯНОВ

Повесть¹

Просите и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам.

Евангелие от Луки, глава 11

1

Давным-давно в Москве в сталинской двушке неподалеку от Нескучного сада жил себе инженер Иван Тимьянов. Ростом и способностями не выделялся, и внешность имел самую обычную. Был он, кроме прочего, холост и, что называется, романтик, поэтому в детстве ему грезилось, что рано или поздно с ним произойдет нечто непостижимое и удивительное, такое, чего, благодаря его исключительности, в которую он безотчетно верил с юных лет, ни с кем другим произойти не может. Но тридцать лет пролетели как один день, а ничего особенного не происходило, да и не могло произойти... Если бы не одна книга... Как-то зайдя в букинистическую лавку на Остоженке,

**Олег
СОЛДАТОВ**

Проза

¹ Журнальный вариант

он тотчас заметил ее среди истертых томов. Таинственный узор на обложке манил необычайно. Иван купил ее будто во сне. Помимо прочего, говорилось в книге, что всякий человек может за просто путешествовать в иные миры, встречаться с тамошними обитателями и выделывать с их помощью разные штуки... И для этого вовсе не обязательно твердить мудреные заклинания, тащиться в полночь на кладбище или быть *vis-à-vis*² с самим дьяволом, а надо всего-навсего пожелать такой встречи, и рано или поздно, уж будьте покойны, так или иначе она произойдет — вы получите то, что хотели, и последствия, как уверялось, будут самыми фантастическими...

Иван дважды прочел книгу и утвердился в мысли, что деньги были выброшены на ветер. «Конечно, всякое бывает, но ведь это неслыханно!» — переживал он, в то время как в его голове кто-то тихонько ныл и уговаривал попробовать: «Ты же ничего не теряешь, — нашептывал ему некто, — а там, вдруг да и приобретешь? Никто ведь не узнает...»

И Иван взял да и легкомысленно пожелал того, о чем говорилось в книжке, ни на что особенно не надеясь, а скорее из тяги к таинственности... Как и следовало ожидать, ничего особенного с ним не происходило, и никаких совершенно необычных встреч никто ему не назначал. Так прошла неделя, Иван совсем уж махнул рукой и посмеивался своей наивности и ловкости выдумщиков-писателей. Правда, в ответ на его призывы кто-то невидимый в его голове скулил и просил снять нательный крестик, который носил Иван со дня крещения в сель-

² *vis-à-vis* — фр. «друг против друга».

ской церкви Стромьни под Ногинском, где жила его тетка. И тут бы уже следовало Ивану насторожиться, но любопытство, таинственность и твердое намерение любым способом изменить свою жизнь подтолкнули его... К тому же кто-то внутри резонно растолковывал ему, что Бога следует носить в сердце, а не на шее, потому и крестик вещь совершенно бесполезная и никчемная, и прилична лишь для украшения или разве язычникам. И вот когда Иван снял-таки крестик, в тот же день, а точнее глубокой ночью, он внезапно пробудился и открыл глаза... От увиденного у него тотчас перехватило дыхание. Возле его постели возвышалась сотканная из тумана женщина. Ясные очертания сохраняло только ее лицо, прекрасное и неподвижное, все остальное тонуло в развевающихся, как казалось, одеждах... Глаза ее сияли. Не произнося ни слова, фигура приблизилась вплотную и коснулась его груди. То ли от этого прикосновения, то ли от ужаса Иван лишился речи и не мог ни вдохнуть, ни пошевелиться.словно могучий пресс сдавил его. Задыхаясь, он услышал, как кто-то отчаянно и громко прокричал в его голове: «Нет!.. Нет!..» В тот же миг призрак перед ним стал рваться в клочья, а сам Иван почувствовал себя так, словно его рывком вытянули из бездны.

Вскочив с постели, он включил настольную лампу, метнулся к зеркалу и отразился смертельно бледным взъерошенным человеком с перекошенным лицом и вытаращенными глазами.

— Достучался... — пересохшими губами прошептал он, лихорадочно крестя углы и стены своей полуметровой комнаты...

Первым делом Иван кинулся искать свой натальный крестик, нашел его в ящичке письменного стола и немедленно вернул на шею. Отыскав среди буфетного хлама старинный образок, он прищипил его к стене над кроватью, остаток ночи не сомкнул глаз, а дождавшись рассвета, позвонил знакомому колдуну, обладавшему широкими познаниями в самых умопомрачительных областях.

Нынче, словно грибы в лесу, появляются неведомо откуда профессора и магистры черной магии, верховные жрицы Вуду, чернокнижники, маги и колдуны... Открыв любую газету, раздел рекламных объявлений, в самом конце, где можно встретить такие загадочные сокращения как «Все» или «Приг. дев», или же «Досуг. Быстро», а также «К вам», или же совсем таинственно «Юноши», почти всегда встретишь рубрику оккультных услуг. Выбор обширен, от скромных объявлений вроде «Черная магия», «Ведьма. Серьезно», «Вер. мужа! Опл. по факту» или «Порча. Быстро», до настоящих шедевров, выполненных на широкую ногу с цветными картинками, печатями и монограммами. «Апостол и епископ Черной магии!» и далее «Ваш любимый ПРИПОЛЗЕТ (большими буквами!) на коленях и будет умолять О ПРОЩЕНИИ! РЕЗУЛЬТАТ СРАЗУ». Что может быть лучше? Удобно расположившись в приемной мага, полистывая модный журналчик, ожидать появления непременно ползущего изменника со слезами раскаяния на глазах. Вернуть

любовь теперь кажется не сложнее, чем вылечить зуб или вынуть занозу. С не меньшим успехом вам помогут в бизнесе и карьере, откроют третий глаз, отрубят энергетический хвост, снимут венчик безбрачия, а за особую плату помогут толкнуть душу дьяволу...

— Приезжай, — коротко велел колдун.

Вскоре Иван стоял перед обшарпанной дверью колдуна. Он нажал кнопку трескучего звонка, за дверью послышались шаркающие шаги и таинственные позвякивания.

— Это ты? — настороженно спросили оттуда.

— Это я, — подтвердил Иван.

— Точно, ты?..

Наконец замок щелкнул, дверь распахнулась, и на пороге показался длинный заросший субъект в засаленном махровом халате с целой гирляндой цепей и амулетов на жилистой шее.

Много слухов и сплетен ходило об этом человеке. Например, известен факт поглощения им в один присест шести литров забродившего Жигулевского и пачки окаменелых пельменей. Несмотря на такие подвиги, обладатель колдовского диплома был пугающе худ, лицо его казалось изможденным, а под серыми беспокойными глазами пролегли желтоватые тени.

Выслушав Ивана, он заявил:

— Тут все ясно... Сейчас многие так забавляются. Вот случай: одна подруга любила гулять в астрале; день, два, а то и неделю шляется, и вдруг приехали к ней родичи, смотрят, а она не дышит. Вызвали скорую. «Умерла», — говорят. И тут записка, мол, не трогайте меня и не волнуйтесь, ушла, дескать,

в астрал... А ты говоришь! Да, нынче такое творится! О-го-го! Ты пойми, сейчас надо быть готовым ко всему! Земля входит в такие сферы... Скоро случится такое...

Вдруг колдун замер и покосился в глубину коридора.

— Ты ничего не слышал?

— Нет, — испугался Иван. — А что?

— Я уже пару раз ее видел... — шепнул колдун.

— Кого?

— Саранчу!..

— Кого? — забеспокоился Иван. — Откуда у тебя саранча? В окно залетела?

— Да нет же! Это не то... Она ночью светится! — вращая глазами, объяснил колдун. — Огромная... как телевизор... И крыльями, знаешь, стрекочет...

Иван похолодел и попятился к двери, но колдун крепко сжал его руку.

— Вот что!.. Жди меня здесь, — велел он и скрылся в комнате.

Иван остался один в полутемной прихожей. По углам с потолка свисали гирлянды причудливых колокольчиков, пахло горелой травой от развешенных повсюду курильниц, жуткие африканские рожи косились со стен.

Внезапно послышался грохот, что-то опрокинулось, звякнуло стекло, дверь распахнулась и показался колдун со свежей царапиной на щеке и целой кипой замусоленных книг.

— Так-то, брат, — проговорил он, хмуря брови. — У меня не пострекочешь... На вот, читай пока это, а там посмотрим... Главное, не унывать.

3

Следующие несколько дней Иван спал при электрическом свете, а перед сном истово молился и крестил углы и стены по всей квартире. Жуткую книгу, после долгих раздумий, сунул-таки на полку, боясь даже прикоснуться к ней. Кроме прочего, он приобрел в церковной лавке иконку Спасителя, а заодно и оберег в магическом бутике. Из книжек, всученных ему колдуном, Иван выведал, что всякий человек непременно обладает не одним, а сразу несколькими телами и, вдобавок ко всему, у каждого гражданина, вне зависимости от его желания, имеется еще некий неведомый двойник, за чьи шkodливые проказы вообще неизвестно кто должен отвечать...

И вот однажды в его квартире раздался телефонный звонок.

— Собирайся, — приказал колдун. — Бери палатку, надувной матрац, консервы и одеяло.

— Зачем? — испугался Иван.

— Мы едем на слет духовных направлений. Там все поймешь.

Электричка выбросила их в Яхrome, а старый дребезжащий автобус довез до Ильинского. Дальше шли пешком через село и поле, затем сквозь рощу, пока не вышли к широкой поляне, где рассыпалась мозаика разноцветных палаток.

Кого тут только не было: колдуны, похожие на хиппи 60-х, романтические белые братья — длинноволосые, в длинных до пят белых рубахах, улыбающиеся всем и каждому безо всякой причины, — бритоголовые кришнаиты в оранжевых ба-

лахонах, голубоглазые русские марьюшки с бинди на лбу и в сари, адепты альтернативной христианской церкви с массивными деревянными крестами на шеях и даже таинственные и мрачные, похожие на готов, сатанисты... Все это пестрое общество кипело и существовало вполне безобидно...

Чуть поодаль одна энергичная пышногрудая дама с хитрыми глазками хлопнула в ладоши, созывая всех в общий круг. Когда круг собрался, она предложила провести совместную медитацию для спасения Земли. Тотчас из толпы к ней подскочил бойкий черноволосый молодец в клетчатой рубашке, назвался Аполлинарием Подземным и заявил, что гораздо важнее провести коллективный молебен во славу Солнца, а сама Земля без жизни на ней абсолютно никого не интересует.

Дама покраснела и, натянуто улыбаясь, процедила сквозь зубы:

— Ты еще слишком молод, сынок, чтобы давать советы. В особенности тем, кто старше и умнее тебя...

Аполлинарий хотел было возразить, но, махнув рукой, пробубнил что-то и отступил.

4

С наступлением сумерек разжигали костры. Собирались компании. Что-то дымилось в котелках, потрескивали поленья.

— У нас в деревне живет одна старуха, так ее все боятся как огня, — рассказывала девица со вздернутым носиком, таким, что Иван сразу окрестил ее уродинкой. — Режут скотину — лучший кусок ей.

Соберут урожай — мешок ей. Кому что прислали — ей подарок несут. Заходит она в любую хату и говорит, чего ей надо. Хлеб, яйца, молоко — все дают. А не дашь, так прямо на глазах мясо тухнет, молоко киснет, а то и скотина дохнет... Дойную корову мало кто держит, а у кого есть, у того вся деревня молоко покупает... Как-то раз старуха пришла к молочнице. А та уж все продала. Старуха разозлилась. А на следующий день корова молочницу боднула и руку ей порвала.

— Ну, это почти в каждой деревне такие старухи есть, — сказала пышногрудая активистка спасения Земли. — Простой фокус.

— Еще случай был, — не унималась уродинка. — Мимо старухи шла девочка и язык ей показала. Глупая, совсем еще ребенок. Пришла домой, а язык аж во рту не помещается. Распух весь. Хорошо, что бабка у нее умная была. Расспросила, вы знала все, собрала мед, яйца и к старухе. И только она за порог вышла, как опухоль спадать начала...

— Милочка, это все детские игры, — махнув рукой, покровительственно зевнула пышногрудая дама. — Кто следующий?

Рябая нескладная девица, по фамилии Несмачная, тревожно поглядев вокруг, заговорила тихо:

— Я родилась в Гомельской области. Мама умерла рано, а мачеха была ведьмой. Она этого и не скрывала, сама всем говорила, что она — ведьма. Чтобы боялись. Она три раза была замужем, и от каждого мужа у нее было по сыну. Старший сын пил, средний был ненормальный от рождения, а у младшего падучая была. Мачеха застав-

ляла меня им прислуживать. Я боялась и слушалась. Она же все мне твердила, что она ведьма.

— Да... — вздохнула пышногрудая. — Что-то вы все больно страшно рассказываете. Вот я вам веселое расскажу... Нынче-то меня матушкой Евдокией кличут, хе-хе... а когда я помоложе была, кавалеров имела предостаточно, — она улыбнулась. — Фигурка у меня была — прелесть! Ножки, губки — все, как полагается. Мужики вокруг падали, шеи скручивали!.. И вот однажды мы с мужем поехали отдыхать на море. Пришли на пляж. Муж побежал купаться, а я легла загорать. А позади нас, чуть левее, сидел симпатичный такой молодой человек и все смотрел на меня. Глаза у него были серые, я это, как только мы пришли, сразу заметила. Лежу я, вдруг, бам! Сердце стукнуло. Бам! Еще раз! Я села скорей, думаю: «Неужели от солнца?» А сердце стучит, из груди рвется! Я перепугалась, горло сдавило, крикнуть не могу. Вдруг спину мне словно обожгло, и жар такой по позвоночнику пошел, что аж до судорог... Щеки пылают, чувство такое, будто я... с мужчиной!.. Но ничего похожего! Я одна! Что за новости? Слава Богу, муж вернулся, видит, со мной что-то не то, взял меня на руки и в воду... Тут только я и очнулась. А того сероглазого уж и след простыл.

В костер подбросили дров, и он запылал с новой силой.

— Можно я расскажу? — вытянув руку, спросила необыкновенно милая молодая женщина. — Случай из биографии... Я актриса. И часто возвращаюсь домой поздно ночью. От метро мне надо идти пешком вдоль пруда по безлюдному пустырю. Ночь,

темнота, тусклые фонари, черные кусты вдоль дороги... Я иногда так боюсь, что уже не чувствую страха. Иду просто... И вот однажды, у самого дома меня вдруг кто-то хватает за руку. Я оборачиваюсь и вижу незнакомого парня, который мне и говорит: «Не бойтесь, я вас не изнасилую. Я — убийца. Я вас убью...». А мне почему-то все равно. Смотрю ему в глаза и жду. А он начал мне рассказывать про свою жизнь, объяснять, почему он меня убьет, как, зачем и достает из кармана огромный нож. Подносит его к моим глазам и спрашивает: нравится?.. На меня словно столбняк напал. Я уже не слышу, чего он там лопочет, только думаю: «Господи, на все твоя воля». И тут фары зажглись у машины возле дома. И нас осветило. Парень выпустил мою руку и убежал, а я развернулась и пошла домой... Бог спас!

— Вы так красивы, — не удержался Иван. Было бы жаль, если бы эта история закончилась по-другому.

— А я знаю случай с приворотом, — скромно заявила маленькая женщина с детским личиком. Голова ее была замотана черным платком, как у монашки. — У нас соседка по коммуналке иногда колдует, а я у нее в помощницах состою. Приготовить что-нибудь, сходить куда. Клиенты приходят, я их встречаю и к ней веду. Она бабуля старая, ей ходить тяжело. Комната у нее темными портьерами завешена, мебель старинная, всегда полумрак и ладаном пахнет. Свечей много жжет, а проветривать не дает. Дует, говорит. В основном к ней за приворотом идут. Это мода прямо такая пошла сейчас. Надо, не надо, а на всякий случай делают. Все больше женщины приходят. Мужчины редко.

Я уж обряд наизусть выучила, только делать его может либо девственница, либо человек, у которого ничего такого даже в мыслях нет.

— Это точно, — влезла Евдокия. — Сказать-то легко, а ведь ради этого приходится собой жертвовать. Никакой личной жизни.

Монашка вскинула вверх свой носик, стрельнула глазками, улыбнулась и продолжила:

— Однажды две женщины с нашего двора мужчину не поделили. И обе в разное время приходили к нам приворот делать. А одного человека несколько раз привороживать нельзя. Правило такое есть. Все ворожеи его знают. А бабуля старая, глаза плохие, памяти нет, приворожила его к обеим. Потом, когда узнала, целую неделю ничего не ела и никого не принимала. А мне сказала, чтоб я наперед имена записывала.

— Картотеку надо было вести, — посоветовала Евдокия. — Я на ксероксе пробовала копии с фоток снимать, но качество плохое.

— Одна из них была жена, другая любовница, — продолжала монашка. — И та, которая любовница, хотела, чтоб он оставил семью и с ней жил; она первая и пришла, а супруга уж потом явилась, когда он ее с детишками бросил.

— Поделом ему, — влезла опять Евдокия. — Нечего шляться.

Монашка потупила глазки.

— Всех жалко. Мужчина видный был, работающий, простой. Зарабатывал хорошо. А как приворожили мы его, так он то с одной, то с другой. И тут ему плохо, душа болит, и с той жизни нет. Пить начал, иссох весь. Да так и спился.

— А вы как приворот делаете? — спросила Евдокия.

— Да-да, расскажите. Очень интересно, — подержал Аполлинарий.

Монашка потупилась.

— Бабуля не велит говорить, — извинилась она. — Секрет.

— Да какой там секрет! — засмеялась уродинка. — У нас его даже дети знают. Надо взять две фотографии, свою и того человека, которого приворожить хочешь, соединить их вместе и положить в тарелку, из которой тот человек ел. Потом взять две церковные свечки, зажечь их и лить воском на фотографии. И пока свечи горят, надо кусать губу и говорить: «Сама себя кусаю, раба такого-то прикусываю, чтобы раб такой-то, скучая от тоски и отдыха, не зная ни днем светлым, ни ночью темной, все обо мне бы мыслил. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь!»

— Неужели действует? — удивился Иван.

— Ну, это уж кому как! — развела руками уродинка. — Кто во что верит.

— Меня вот что всегда забавляло, — вступил в разговор седой грузный мужчина лет пятидесяти. — Как они, я имею в виду знахарок всяких, как они свое колдовство всегда с Богом увязывают. И все-то у них есть, и Библия под рукой, и распятие, и молитва во имя Господа, а творят ведь полную бесовщину и черную магию!

— А вы нас не совестите! — взвилась Евдокия. — Ишь, праведник нашелся! «Не судите, да не судимы будете...»

— Да нет, я что... — стушевался седой. — Я тоже хотел историю рассказать. Когда умерла моя

жена, я похоронил ее, как полагается. Одел в лучшее платье, все аккуратно, цветы в гроб положил, на ноги — белые туфли на высоком каблуке. Ее любимые... А полагалось хоронить в тапочках. Кажалось бы, ну какая разница? Все равно в землю. Ан нет!.. На третий день, точнее ночь, стук в окно. Выглядываю — никого. Ложусь — опять стук. Что такое? Выхожу на двор. Светло, луна в небе яркая...

— А, вы, простите, где живете? — поинтересовался Аполлинаруй.

— Живу я в Салтыковке, недалеко от Москвы... Так вот. Выхожу, значит, это, я во двор. Топор прихватил на всякий случай. Ночь теплая, а чувствую, как ступил на крыльцо, так будто сыростью могильной дыхнуло... Что говорить? Струхнул я маленько. Прислушался — тихо. Вот тут-то мне и непонятно стало. Отчего такая тишина? Ведь у меня цепной пес в будке — Амур! Большущий кавказец! Думаю: или замочили его уже к такой-то матери, или спит он, лентяй, и не слышит, как хозяина сейчас убивать будут. Я к будке: Амур, зову, Амурчик. Вижу, забился мой пес в самый дальний угол, сжался весь и скулит жалобно. Тут уж и я похолодел. Вернулся в дом, сам не свой. Водки выпил, лег и заснул. И снится мне моя жена — покойница: лицо печальное. Смотрит на меня и говорит: «Зачем ты меня в гроб в туфлях положил? Здесь никто туфли не носит. Пришли мне тапочки». На следующую ночь, опять стук. Я лежу... Стучат... Глянул в окно, а там лицо жены белеет... У меня волосы дыбом! Ну, какой там сон? Просидел я до утра за столом. К утру сморило меня. И во сне опять явилась мне покойница. «Передай, — говорит, — мне тапочки

с мамой. А то очень мне неудобно здесь в туфлях ходить». Проснулся я и к матери скорей, а мать уж остыла — во сне скончалась. «Ну, — думаю, — сподобил Господь». Когда ее хоронил, в гроб тапочки для жены положил. Так и закопали. С тех пор больше не приходила и не стучала, а однажды привиделась во сне и говорит: «Спасибо. Теперь мне хорошо»...

— Это, тогда что ль ты так поседел? — поинтересовалась Евдокия.

Рассказчик кивнул.

— Ну, что? Расходную и по каютам? — весело спросил Аполлинарий. — Теперь моя очередь.

— А еще я! — встрепенулся плюгавенький краснолицый мужичонка, сидевший до этого тихо и незаметно. — Коротенькую можно?

— Ну, давай... чего уж, — кивнула Евдокия.

Краснолицый разволновался и почесал плешь на затылке.

— Летом я приехал к другу в деревню на Орловщину. Выпили за встречу крепко. Да, как водится, не хватило, а уж ночь, магазин закрыт, и мы пошли к соседу, Петру Петровичу. Супруга его Валя — добрая женщина. Зашли мы к ним. Слово за слово, Петро Петрович до нашего прихода был уже тепленький, посидел еще немного с нами, извинился, как мог, и спать пошел... Валя пивную кружку первача вынесла, закуску там, сало, помидорчики. Все по-простому, рюмку выпила и больше не стала. Остальное, не знаю как, мы с приятелем уговорили... Но, видно, нам опять показалось мало и пошли мы к другому соседу за три дома. Там вроде как брага была... А надо сказать, самогонка

орловская легкая, на воздухе пьется — не заметишь. А как встанешь из-за стола — ноги резиновые, голова, словно на мачте, качается и земля из-под ног уплывает. Скатились мы кое-как по крыльцу, а там тьма кромешная. Небо черное, земля черная, впереди все черно. Под ногами какие-то кочки, косяги, в лицо сучья полезли. Это, значит, мы с дороги сбились. И хоть дом-то где-то рядом, а куда идти — неведомо...

А вдоль всей деревни неглубокий овраг тянулся. Вдруг смотрю: нет моего друга. Рукой шарю, повсюду крапива выше меня, листья, как у пальмы. Слышу, откуда-то снизу голос. Вперед ступаю и — падаю в пропасть! Приземлился прямо на приятеля. Охнул он и говорит: «Я же тебе кричал: не ходи сюда! Ты что, не слышал?» Я отвечаю: «Слышал, но так слабо, словно ты из-под земли кричал. Знаешь, что, — говорю, — мы сбились с пути, это факт! Надо выбираться и искать дорогу». А там с обеих сторон вдоль оврага дорога. Куда не пойдешь, все на нее наткнешься. Вскарабкались мы по склону. Дождик накапывать стал. Вымазались в грязи. Идем, крапиву голыми руками разводим. «Откуда, — удивляемся, — здесь такая высокая крапива? Как джунгли! Никогда такой не видели». Вдруг, раз — опять скатились. Что ты будешь делать? Только вылезли, бац! Опять пропасть. Измучились, лица и руки крапивой обожжены. Сидим в овраге у какого-то дерева в полной безнадежности. И тут луна... Вышла из-за туч, вся как есть напоказ белая, и осветила все... Разглядели мы и овраг, и дерево, и местность вокруг совсем незнакомую. Глянули, трактор ржавый стоит полуразобранный,

веялки какие-то, сеялки в бурьяне свалены. «Что же это? — говорит мой друг, — Мы через всю деревню на дальнюю окраину вышли? Вот дела...» Домой добрались, когда уже светать стало. Все с себя стащили и спать. А наутро на нас смотреть страшно. Рожи опухшие, руки в крапивных ожогах, но ни царапинки, ни ссадинки ни у кого нет. Чудеса и только... Мы потом, когда в себя пришли, весь овраг облазили, искали крапиву двухметровую. Нет там такой! Да и овраг неглубокий — по плечо, и склоны пологие... Петро Петрович сказал потом, что это нас ведьма водила...

— Пить не надо столько! Вот что, — подытожила Евдокия, — Насосались, аки пиявки, и ползали до утра на карачках. Конечно! Тут и крапива деревом покажется.

5

Все стали разбредаться по палаткам. Грузно поднялась и уплыла в темноту матушка Евдокия. Седой подсел к красавице актрисе и что-то тихо прошептал ей на ухо. Она окинула его ледяным взглядом и рассмеялась. Седой в ответ расплылся в дурацкой ухмылке и часто захлопал ресницами.

— Послушайте, коллега, — проговорил Аполлинарий, подсаживаясь к Ивану. — Мне кажется, вы склонны к разумному объяснению всей этой несуразицы... Возьмите хотя бы Библию. Хождение по воде, исцеление больных, превращение воды в вино... Все это полуфакты, полуслухи, суеверия и вымыслы. Не так ли? — читая в глазах Ивана молчаливое одобрение, продолжал он. — Нару-

шаются законы физики, химии, да что говорить, законы самой природы не выдерживают и трещат по швам! Вдруг исчезает гравитация или, напротив, усиливается в миллионы раз! А Бермудский треугольник? А Тунгусский метеорит? А летающие тарелки? Кто они? Что они? Никто не знает! — он возбужденно взмахнул руками. — А я думаю, все чудеса заключены в нас самих... Мы не знаем себя... Не представляем своих возможностей... Кстати, мы могли бы продолжить разговор в вашей палатке, если, конечно, у вас найдется свободное место...

Колдун появился лишь однажды в компании двух девиц, что-то нашарил в рюкзаке и вновь пропал, так что Иван предположил, что он вернется нескоро.

— Вы сразу показались мне интеллигентным человеком. — Аполлинарий улыбнулся. — Приходите утром на холотропку. Я веду группу...

Костер умирал. Седой уполз в свою палатку вслед за краснолицым, красавица актриса осталась одна возле тлеющих углей.

— А вы что же? — спросил Аполлинарий. — Собираетесь просидеть здесь до самого утра? Или вы не привыкли ложиться рано?

— Мне негде. — Актриса рассмеялась. — Я — бомж. У меня жилищная проблема!

— Похоже, дело серьезное, — вздохнул Аполлинарий. — Ну, что ж, Иван... рад был знакомству. Видно, мне придется искать ночлега в другом месте, а вам необходимо приютить эту прекрасную леди в своем брезентовом замке. Спокойной ночи.

Он развернулся и, посвистывая, нырнул в темноту.

— Вы не будете против моей компании? — робко спросил Иван.

— Нет, — ответила актриса. — Я устала и хочу спать.

Предложенные надувной матрац и одеяло были снисходительно приняты, и актриса уснула, пожелав Ивану спокойной ночи.

Иван долго лежал с открытыми глазами. Сердце его бешено стучало. «Боже мой! — думал он, боясь пошевелиться. — У меня не хватило бы смелости даже коснуться ее!»

Ночь стояла теплая. Он подстелил под себя рюкзак и осторожно, чтобы не потревожить спящую диву, накинул на себя краешек одеяла. Во сне она согнула свои длинные ноги, и ее колени вонзились ему в спину. Иван деликатно отодвинулся к противоположной стенке и, вытянувшись в струнку, уснул.

6

Проснулся Иван от того, что кто-то тряс его за ногу.

— Вставайте, друг мой! — услышал он бодрый голос Аполлинару. — А то проспите завтрак! Про вас забудут, и вы останетесь без обеда, а там подумают, что вы на диете, и лишат ужина! — Он тормозил Ивана и тянул из палатки. — Вставайте, вставайте, хватит спать! Скоро начнется концерт!

Актрисы в палатке не было. Позавтракав наскоро, Иван и Аполлинару поспешили туда, где собирался народ.

На импровизированной сцене пел хор. «Милости... — фальшиво выводили худосочные старички и складывали брови домиком, — даруй нам...» Напевшись вдоволь, они покинули сцену под жидкие аплодисменты. Затем какой-то человек в рясе, глядя почему-то на Ивана, спросил:

— Кто князь мира сего? — Сам почему-то испугался своего же вопроса и прошептал сдавленным шепотом, выпучив глаза: — Сатана...

— Он от либеральной православной церкви, — пояснил Аполлинарий. — Видите, у него на груди крест деревянный.

— Сказано, — продолжал между тем оратор, — «Горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел Дьявол в сильной ярости...»

— Круто взял! — шептал Аполлинарий. — Но бьет мимо цели. Не та аудитория!

«Вот было бы забавно, — усмехнулся Иван, — если бы сейчас грянул гром, разверзлись небеса, сверкнула молния и угодила бы прямо в этого проповедника». Но ничего подобного не произошло, неформал-обличитель кончил свою речь, и на сцену поднялась матушка Евдокия.

По ее словам, она была потомственной колдуньей в шестом поколении, практиковала целительство и держала магический салон под названием «Раз и навсегда». Покойный муж ее, Степан Старообрядцев, был человек суровый и неразговорчивый, сильно пил, оттого и выпал однажды из пригородной электрички. Сынок Митька, почувяв безнаказанность и свободу, пустился во все тяжкие и вынес однажды из квартиры японский телевизор. После чего исчез. Евдокия долго горевала.

Когда ее чадо явилось вновь, она простила ему все. На следующий день обнаружилась пропажа швейной машинки. Беспутное дитя в это время опустошало холодильник...

— Сыночек, зачем же ты машину унес? — спросила Евдокия и услышала ответ полный безнадежной грусти от всеобщего непонимания:

— Надо было, мам...

Пол выскользнул из-под ног Евдокии, стены закружились, люстра размазалась огнями... Очнувшись на полу, она обнаружила распотрошенную сумочку. Кошелек бесследно исчез, а с ним пропал и тот, кого девятнадцать лет назад она родила и вырастила.

Несмотря на великое множество конкурентов, дела Евдокии шли успешно. Арендуя пустующие московские кинотеатры, она устраивала ликбезы по магии и, несмотря на высочайшие расценки, собирала полные залы желающих обладать сверхъестественной силой. На оккультном языке это называлось инициация.

Чтобы не тратить время, Евдокия посвящала одномоментно до ста человек, с выдачей дипломов и присвоением звания магов. Ранг зависел от количества посещений и вносимой суммы. Можно было за умеренные деньги получить статус мага первой ступени, затем второй и так далее. Евдокия приобрела патент на присвоение дипломов аж до девятой ступени. А владела патентами всемирная лига магов, которая, по слухам, имела таких высоких покровителей, что более о ней ничего и не скажешь...

В Яхрому Евдокия приехала с простой целью поиска новых клиентов. Где же еще искать свежее

испеченных кандидатов в маги, как не на слете духовных направлений...

Закатав рукава, разминая крепкие руки, она вглядывалась в публику и, заметив Аполлинария, притворно улыбнулась.

— Молодой человек, вы не могли бы подняться на сцену?

Аполлинарий ждать не заставил.

— Итак, друзья, — сказала Евдокия громко, — я хочу продемонстрировать, что человек вполне управляем извне. Мало того, управляться могут все его психические реакции.

Лицо Аполлинария перекосила недоверчивая ухмылка. Евдокия глянула на него как кролик на удава.

— На примере этого молодого человека, любезно согласившегося мне помочь, я покажу несколько различных вызванных мною проявлений.

Говоря это, она, как бы невзначай, взмахнула рукой и легонько коснулась головы Аполлинария.

— Все люди, как вы, наверное, знаете, — продолжала она, — в той или иной степени подвержены гипнозу. Как действует механизм внушения, доподлинно неизвестно, но существование этого механизма не вызывает сомнений...

При этих словах Аполлинарий вдруг побагровел, зашатался и разразился истерическим хохотом.

— Вот первое из основных состояний, — как ни в чем не бывало продолжала Евдокия, — безудержный смех.

Аполлинарий, изнемогая, опустился на одно колено, но смеха сдержать не мог и, опрыскав ближний ряд, сдавленно захрюкал.

— Идем дальше, — сообщила Евдокия и вновь прикоснулась к голове Аполлинария. — Следующее состояние — крайнее отчаяние.

При этих словах едва успокоившийся Аполлинаруй тоскливо скосил глаза и, заламывая руки, пустил слезу... Среди зрителей послышался смех. Кто-то сказал: «Ну артист дает, а?»

Евдокия притронулась к голове Аполлинария в третий раз.

— И наконец, я добавляю гнетущий страх!

Аполлинаруй затравлено глянул по сторонам, явно намереваясь сбежать...

— Ну, хватит, — сжалилась наконец Евдокия. — Теперь вы, — обратилась она к Ивану.

Аполлинаруй, утирая слезы, сошел со сцены.

— Рекомендую, — на ходу бросил он Ивану. — Непередаваемые ощущения.

Иван сел на предложенный стул. Евдокия проникновенно заглянула ему в глаза и спросила с участием:

— Вам очень одиноко?

— Да, — честно признался Иван.

— А вы хотели бы это как-нибудь изменить? Давайте попробуем? — ласково предложила Евдокия. — Я буду задавать вопросы, а вы мысленно переадресуйте их тому, кому я скажу. Ответ может прийти в виде физического ощущения, эмоции или даже видения. Обо всем тотчас сообщайте мне.

Иван кивнул.

— Закройте глаза, — приказала Евдокия. — А теперь обратитесь к силе, которая отвечает за ваше одиночество, и поздоровайтесь с ней.

Иван улыбнулся, но, закрыв глаза, погрузился в какую-то темную глубину... Что происходило дальше, Иван не помнил, но, когда он пришел в себя, Аполлинарий хлестал его ладонями по щекам и брызгал водой. Со всех сторон над ним склонялись люди.

— Очнулся, — объявил Аполлинарий. — Разойдитесь вы! Дайте воздуха человеку!

Евдокии поблизости не было.

— К роднику бы его надо, — посоветовал кто-то.

— Что со мной?.. — спросил Иван, поднимаясь.

— Что с вами? Ха-ха!... Да вы черный медиум! — взволновано прокричал Аполлинарий. — Ну, слава богу, все в порядке. Идите, отдыхайте...

Иван забрался в палатку, но от жары долго высиживать там не мог и спустился к роднику.

Там, в чем мать родила, плескались две молоденькие девицы, а какой-то бодренький старичок с подкрашенными перекистью волосами, сидя на пригорке, кричал им весело:

— Да не смотрю я! Чего вы! Вот, тоже... Что я — не видел, что ли?!

Девицы смеялись и грозили ему пальчиком.

7

К вечеру погода испортилась. Небо заволокло серой мутью, накрапывал дождичек, все прятались по палаткам, кутаясь в одеяла. Делать было решительно нечего. Разговоры иссякли. На алкоголь был наложен строжайший запрет, и приехавшие колдуны мерзли и дремали от скуки. Только не-

сколько энтузиастов пытались разогнать тучи посредством магических пассов...

Иван и актриса, которую, как выяснил Аполлинарий, звали Эльгой, сидели на надувном матрасе, Аполлинарий расположился напротив, подложив под себя рюкзак.

— Ну и напугали вы нас, — вспомнил Аполлинарий. — А что вы Евдокии наговорили, так это ужас!

— Я? — испугался Иван.

— Вы сначала обозвали ее старой коровой, причем совершенно чужим голосом послав ее ко всем чертям. Она спрашивает: «Вы — холодайн?» А вы ей: «Не твое собачье дело!» Я прошу прощения... Она: «Позовите полный потенциал» Ну, тут вы ей такое ввернули... Она вам: «Уйдите в место покоя». А вы говорите: «Если ты, свиное рыло, сама не уберешься по-хорошему, тебя — старую ведьму, ни один гид не сыщет!» Тут ее со сцены как ветром сдуло... Знаете что, дайте-ка мне почитать вашу книгу.

— Пожалуйста, — согласился Иван. — Кстати, вы на ней сидите.

Аполлинарий достал книгу из рюкзака и, сославшись на то, что его «там ждут», выскочил под дождь.

— А вы говорили, что возвращаетесь домой через пустырь, — вспомнил Иван.

— Я переехала. У меня нет таких денег. Раньше за квартиру платил муж, а сейчас...

— Муж?!

— Ну, да. Я была замужем... Мне тогда было семнадцать. Это целая история. В день свадьбы я даже хотела убежать. Да! — воскликнула она,

заметив недоумение в глазах Ивана. — Я испугалась! Что я делаю? Я не хотела. Меня заставили... А я уже была на восьмом месяце. Потом муж поехал в Питер, а я в Москву. Сыну сейчас двенадцать лет. Раньше он жил со мной, а теперь с отцом. Я развелась и теперь наслаждаюсь свободой! — Эльга взмахнула руками. — Я заплатила за нее! Сейчас мне нужна хотя бы комната, где-нибудь недалеко от центра, — добавила она печально. — Я, конечно, могу попросить Бога напрямую. Он мне поможет. Я знаю. Но это такой пустяк... — она посмотрела на Ивана и улыбнулась. — Расскажите о себе.

Иван растерялся. Рассказывать ему было нечего. В сравнении с переполненной событиями жизнью Эльги, его собственная показалась ему серой и непривлекательной. Он даже подумал, а не сдать ли одну комнату этой потрясенной женщине.

Словно читая его мысли, она спросила:

— Вы живете один? У вас большая квартира?

— Двухкомнатная, — честно признался Иван.

— Не бойтесь меня. Я же вас не съем, — засмеялась Эльга. — Что из вас все приходится тянуть веревками? Улыбнитесь!

Иван послушно улыбнулся.

— Вот так, — одобрила она. — Почему вы не радуетесь жизни? Она прекрасна! Знаете, я летала во сне... За руку меня держал ангел и говорил мне что-то... я не помню, что... А еще он показал мне книгу, где было написано, какие роли я сыграю...

Иван искал в ее глазах лукавство, но не находил, напротив, сам испытывал необычайную легкость.

Не прошло и часа, как он рассказал ей все и предложил поселиться в его квартире.

— Я заплачу, — серьезно пообещала она.

— Мне ничего не нужно, — стал отказываться Иван.

— Нет, я так не могу, — возразила Эльга. — Я всегда за все плачу.

Иван был счастлив. Иногда, правда, ему казалось, что Эльга была похожа на тот ночной призрак... От этого его сладко пронзало искристой жутью. Мысль о том, что вокруг него ведется какая-то тайная потусторонняя игра, была как солнце, к которому губительно приближаться, но в чьих лучах необыкновенно приятно нежиться на расстоянии.

8

К утру дождь прекратился. Иван проснулся от холода и выбрался из палатки. Весь лагерь заволкло туманом, солнце только-только показалось над лесом, сверкала росистая трава, прозрачный пар стелился над лугом. Все еще спало.

На пригорке собралась группа из десяти человек. Иван издали узнал знакомую клетчатую рубаху.

— А, Иван! — взмахнул руками Аполлинарий. — Присоединяйтесь! — Он расстелил коврик и уселся лицом к восходящему солнцу. — Делаем резкий вдох и плавный выдох...

И задышал, как запыхавшаяся собака, которой вздумалось зачем-то дышать через нос.

«Пыхтелка какая-то», — подумал Иван.

Через несколько минут такого пыхтения руки и пальцы дышавших стало сводить судорогой. Одна дама начала биться спиной о землю. Руки,

ноги, туловище, голова — двигались в разных ритмах, правая рука грозила кому-то в небе, а левая нога давила что-то на земле.

— Скорее сюда! — громко позвал кто-то. — Ей плохо...

Когда Аполлинарий подбежал, глаза девушки были широко распахнуты, а на бледных губах выступила пена. Аполлинарий прижал ее ладонью к земле, надавив на солнечное сплетение. Она вцепилась в его руку, как утопающий хватается за канат, судорожно и глубоко вдохнула и пришла в себя.

С остальными было не лучше. Одна девица мяукала, как кошка, другая твердила, что ей где-то там хорошо и она никогда больше сюда не вернется. Всех их Аполлинарий вернул к обычному виду, заставил сесть и несколько минут дышать ровно.

— Чувствуете легкость? — спрашивал Аполлинарий.

Оказалось, что все чувствовали.

Он подошел к Ивану. — А вы не хотите попробовать? Здорово освобождает от зажимов, только без всякой химии.

Иван лег на спину и начал дышать. Ничего не происходило, пока сотни иголочек не стали легонько покалывать мозг, тьма сгустилась, и память его растаяла...

9

Иван медленно плыл над песчаным устланым мелкими разноцветными камушками дном, без усилий прорезая толщу воды гибким телом.

Он глубоко и свободно дышал, а главное, мог с одинаковой ясностью видеть левым и правым глазом абсолютно разные картины, что было совершенно необычно и удивительно. Справа он видел бетонную стену, заросшую зеленой тиной, а слева — уходящие корнями в темноту, странные, похожие на осоку растения и несколько маленьких серебряных рыбок, плавающих неподалеку.

Вдруг огромная, словно кит, рыба стремительно вынырнула из темноты и, разверзнув ужасную пасть, мгновенно поглотила всех блестящих рыбок, затем кинулась на Ивана, но промахнулась и умчалась прочь, замутив бурлящую воду.

Холодея от ужаса, Иван, что есть сил, бросился в самую гущу водорослей, где его ждало еще одно чудовищное потрясение. Желая ощупать себя руками, он с отчаянием обнаружил, что как раз они-то у него и отсутствовали. Дернув, как ему показалось, ногами и изогнувшись всем телом, он скосил глаза и увидел позади себя блестящий рыбий хвост. «Я — рыба!» — догадался он, едва ли не теряя сознание.

«Так! — немного успокоившись, размышлял Иван. — Или это гипноз, что вполне возможно, или я сошел с ума. Интересно, сходят ли рыбы с ума? — Мысли Ивана потекли в философском русле. — Все имеют равные возможности! Свобода выбора — сожрать или быть сожранным!.. Но позвольте! Какой же тогда напрашивается вывод?»

Какой-то белый шарик, заманчиво прыгающий вверх-вниз, привлек его внимание. Иван подплыл ближе и увидел обыкновенную манку, насажанную на рыболовный крючок.

«Нет уж, дудки! — спохватился он, отплывая прочь. — Лучше уж быть маленькой рыбкой и плавать в этой пропахшей мазутом воде, чем жариться на сковороде. Подумать только, ведь я сам не далее, как этим летом собственноручно ловил окуней!»

Внезапно гигантская черная тень метнулась слева, накрыла его целиком, втянула куда-то, где мелькнули огромные кривые зубы, и не успел Иван икнуть, как наступила тьма, и он опять провалился в бездонный черный колодец...

Через секунду Иван, к своему удивлению, парил уже птицей над заросшим камышами водоемом, а из его горла, оглашая окрестности, вырывался ликующий крик.

У самой поверхности он часто замахал крыльями, выставил вперед мощную грудь, выгнул длинную белую шею и коснулся воды.

Мог ли сказать Иван, о чем были его мысли в этот момент? Нет, не мог! Потому что никаких мыслей у него не было!

Упоительный восторг охватил все его существо, ощущение блаженства разлилось по всему телу, словно волны электричества пробежали от кончика хвоста до самой макушки.

— Как чудесно! — хотел крикнуть он, но вместо этого издал крик, похожий на прежний.

Вдоволь налюбовавшись своим отражением, Иван поднял голову и огляделся вокруг.

Над лесным озером стелился густой туман. Солнце еще спало, и только редкие всплески воды нарушали тишину.

Красивая белая птица, раздвигая прибрежный камыш, подплыла к нему. Иван смотрел в ее глаза, испытывая ощущения, какие испытывал человеком в эротических снах и фантазиях.

Несколько сильных взмахов крыльями и Иван оторвался от озерной глади, поднимаясь все выше и выше, пока не увидел ослепительный диск восходящего солнца.

Облачко сизого дыма взвилось над молодняком. Страшный удар потряс Ивана, земля с непреодолимой силой потянула к себе, и он камнем рухнул вниз.

10

Когда Иван открыл глаза, над ним возвышался Аполлинарий. Иван сначала не узнал его.

— С возвращением! — прокричал Аполлинарий и, тряхнув за плечи, заставил Ивана сесть. — Дышите ровно... Ну как? Порядок?

Иван кивнул.

— Судя по всему, вы были динозавром... Погружение в глубинную память... Такое редко увидишь.

— Кем я только не был, — отшутился Иван, вставая.

Уже начинало припекать. На соседнем холме толпились люди в длинных белых рубахах. Они тянули руки к солнцу, пели и водили хороводы.

— А это что за честные берендеи? — поинтересовался Иван.

— Белые братья рассвет встречают...

— Так уж время к полудню...

— Им делать все равно нечего. Они до заката там торчат. Сначала встречают, потом провожают...

Иван спустился к роднику.

У родника, как и давеча, плескались нагие девицы в компании подкрашенного перекистью бодренького старичка.

«Сатир!» — подумал Иван, стараясь не смотреть.

Старичок, черпая ладонями, брызгался студеной водой. Девицы смеялись.

11

Вечером в центре поляны сложили бревна и разожгли огромный костер. Горы мусора зарыли в яму, собрали палатки и разъехались по домам. Колдун больше не появлялся, мало того, однажды из палатки самым таинственным образом исчез и его рюкзак.

Электричка свистнула, тяжело дрогнула и с воем покатила в Москву. Небольшой мотылек, взмахивая крылышками, бился о вагонное стекло. «Вот интересно, — подумал Иван, — весь мир для него лишен четких граней. Есть только свет и тьма, и больше ничего... Он, может быть, и не подозревает обо мне... Кто же я для него тогда? Бог?» Мотылек несколько раз ударился о стекло, метнулся в сторону и скрылся в тамбуре.

12

На следующий день Иван ждал Эльгу.

Вооружившись веником, он выгреб лохматые горы пыли из-под кроватей и шкафов, отскреб до снежной белизны ванну и протер мебель. Выкопав из холодильника единственный кусок мороже-

ного мяса неизвестной принадлежности, он сварил борщ. Купил овощей, красного вина, шоколада, сыру и апельсинов.

Зазвонил телефон. Иван схватил трубку.

— Алло! — послышалось на том конце. — Это Аполлинарий! Помните?

— Как же! Отлично помню... Что нового?

— Я прочел вашу книгу! Она подтверждает мои догадки!

«Ну, понес!» — вздохнул Иван.

— Выходит, мир вокруг нас — иллюзия! Так вот, я всерьез занялся этим. Магия объясняет все! Что вы об этом думаете?

— Что я думаю? Черт его знает...

— Представьте только: все объясняется! Хождение по воде, левитация, исцеление, все становится понятным!.. Вы когда-нибудь видели себя со стороны?.. Нет? А я видел!

— Поздравляю! — рассмеялся Иван. — Рад за вас.

— Вы напрасно смеетесь. Если не верите, я могу доказать... Приезжайте на Ленинский... Где Гагарин, знаете? Завтра, скажем... в девять вечера...

— А что будет?

— Увидите...

«Какого ляда? — положив трубку, возмутился Иван. — Будь проклята эта моя застенчивость! Надо было послать его куда подальше. Что я нянька, что ли, всем этим сумасшедшим с их претензиями на мессианство?»

Прождав два часа, Иван не выдержал и поел борща. Наконец в пятом часу раздался звонок, Иван кинулся открывать.

За дверью стоял его знакомый колдун.

— А я, понимаешь, решил зайти, посмотреть, что тут у тебя, гляжу, а к тебе гостья... — сообщил он.

Из-за спины колдуна выпорхнула Эльга.

— Не волнуйтесь. Я ненадолго, — усмехнулся колдун. — Вот колокольчик тебе принес, он звенит, ежли что... У-у, как вкусно пахнет... — потянул он носом.

Колдун мигом очутился на кухне и сунул нос в кастрюлю.

— От такого борща отказываться грех!

— Обжоры! — с укоризной бросила Эльга и уселась на стул, мечтательно закатив глаза. — Я могу вообще ничего не есть! Однажды терпела целых два месяца. У меня были такие белые колготочки, я их надевала на репетицию, а мне говорили: «Боже мой! Как тебе это удается? Такие стройные ножки!» Рецепт один, — гостья вздохнула, переведя взгляд на фрукты и вино, — не жрать!

Иван налил колдуну тарелку борща.

— А мне? — Эльга обиженно надула губки.

— О, мадам, простите меня, — засуетился Иван. — Я подумал, вы отказались...

— Это ничего не значит, — не смущаясь, объяснила она. — Мало ли что говорит женщина. Главное — понять, чего она хочет!

— Ну, а если женщина сама не знает, чего хочет? — вставил колдун.

— Тем более! — отрезала Эльга.

«В ней нет недостатков! — восхищался Иван. — Она умна и прекрасна!»

Допив вино и съев весь борщ, колдун собрался уходить. Иван проводил его и захлопнул дверь.

— Где вы, Ваня? — услышал он голос Эльги. — Идите сюда.

Иван поспешил в комнату.

— Почему ты живешь один? — перейдя на «ты», спросила Эльга, раскинувшись в кресле. — Неужели так сложно найти хорошую девушку? Их так много. Умных, добрых, обыкновенных женщин...

— Вот именно! — воскликнул пораженный Иван. — Обыкновенных! Чего от них ждать? У них обыкновенные мысли, обыкновенные чувства, обыкновенная серая жизнь. Все, чего они хотят, известно заранее. Что они могут дать, кроме того, чем наделила их природа?

— А тебе хочется необыкновенного? — спросила Эльга.

— По-моему, — вымолвил Иван. — Самая страшная вещь на свете это обыденность.

— А я устала от необыкновенного. — Она прикрыла глаза. — Перед тобой утомленная женщина. Вокруг сплошное сумасшествие. Хочется простого нормального мужчину! Нормальной жизни, семьи... Я так люблю готовить...

Иван немного растерялся. Он не мог представить себе ангела, стоящего у плиты, а Эльга была для него ангелом.

— Вы невероятная! — восторженно произнес он. — Рядом с вами хочется петь, смеяться, жить! Любить такую женщину, как вы — величайшее счастье на свете! — смутился Иван. — То есть я хотел сказать, любить, в смысле носить ваш образ в своем сердце, думать о вас, быть счастливым оттого, что есть вы!

Эльга слушала его с застывшей улыбкой.

— Ты хороший человек, — проговорила она тихо. — Тебя можно было бы полюбить. Странно, что ты один.

— Я благодарен за это судьбе. Ведь случись по-другому, мы бы никогда не встретились.

— Глупый, — улыбнулась она. — Ты же меня совсем не знаешь...

— Мне кажется, я знал тебя всю жизнь!

Она глубоко вздохнула.

— Так... ладно. Зачем все это?.. Я иду в ванную.

Иван торопливо достал из шкафа чистое махровое полотенце и подошел к двери, из-за которой шумно рокотал душ. От волнения вернулся на кухню, выпил бокал вина и, набравшись смелости, постучал.

— Полотенце принес? Зайди, не бойся, — отозвалась Эльга.

Иван вошел и его сразу окутал горячий туман. Сияло нагое тело...

— Иди ко мне... — прошептала она, улыбаясь...

13

На следующий день, в начале десятого, Иван вышел из вестибюля станции метро «Ленинский проспект», свернул налево, прошел до угла квартала и оказался у высоченного столпа с металлическим исполином наверху.

— Привет! — услышал он и, оглянувшись, увидел спешащего к нему Аполлинария. — Молодчина, что пришли! Я уж боялся, вы не придете, — он схватил руку Ивана и принялся трясти. Иван натянуто улыбался в ответ, испытывая неловкость от затянувшегося рукопожатия.

Было душно, запыленные автомобили с ревом проносились по проспекту, чадая, замирали на светофорах, трогались и теснились вдоль зданий.

— Вот что, друг мой, — говорил по дороге Аполлинарий, — вы не думайте, что я сумасшедший. Имя — это всего лишь игра. Я проник в сферы куда более интересные. Чтобы стать чем-то большим, надо уметь рисковать... Ведь так? Я начал с самоконтроля. Решил просыпаться в назначенное время. Понял, что нужно заставить организм бороться за жизнь. Необходимо повлиять на подсознание. И тогда результат будет! И я пошел на это...

Они пересекли проспект 60-летия Октября и двинулись вверх по Ленинскому.

— Простое устройство, — продолжал Аполлинарий, — будильник, срабатывая, замыкает контакты, протянутые от розетки к моей руке. Все! Смерть или победа над естеством! Битва, достойная героев!

«Псих!» — подумал Иван.

— Зачем же так рисковать? — спросил он. — Хотите стать сверхчеловеком?

— При чем тут это? — отмахнулся Аполлинарий. — Дело в другом. Я хочу изменить программу... Пробудить сознание клетки и овладеть им! — возбужденно кричал он. — Люди с крыльями станут реальностью! Все, что угодно!.. Странно, что вас это не вдохновляет. А что касается Библии, так это — летопись несчастий!.. Почему именно страдания? Ведь жизнь — источник радости! Ею надо наслаждаться — каждой каплей, легко и с благоговением... Взгляните на этих людей, — он махнул на прохожих, — они не чувствуют жизни, они замкнуты, смотрят под ноги и видят лишь серый ас-

фальт. Я так не хочу! Я бросаю вызов этому миру и намерен победить!

Вынув из кармана черную шелковую повязку, он протянул ее Ивану.

— Проверьте... нет... Вы к глазам поднесите. Не просвечивает. Так? Теперь смотрите...

Аполлинарий прикрыл глаза повязкой, крепко стянул узел на затылке и пошел, как ни в чем не бывало. Завернул в продуктовый магазин, пропустил женщину с тележкой и, ткнув пальцем в витрину, спросил:

— Девушка, а что же это у вас печенка такая дешевая? Везде по сорок, а у вас по тридцать два?

— Это телячья, — равнодушно ответила молоденькая пышечка в белом халатике.

Аполлинарий развернулся и проследовал к выходу.

«Однако, — удивлялся Иван, семена следом. — Ну, положим, что он неслучайно меня сюда позвал. Все подстроено, и здесь он заранее побывал. Продащица — знакомая. Но повязка-то непроницаемая! Как же он видит, куда идти?» Аполлинарий, тем временем, пересекая одну из вливающих в проспект улочек, спокойно пропустил летящий наперерез автомобиль... Напротив гостиницы, он отколол такую штуку: круто свернул вправо и направился поперек проспекта навстречу неминуемой гибели. Иван только рот успел открыть.

Прохожие заволновались.

— Еще один, — пробормотала какая-то старушка. — На прошлой неделе такой же вот ходок был, чуть-чуть не дошел, соскребали потом с асфальту...

— Ведь мать растила, — пожалел кто-то. — Хоть бы скорую вызвали...

Благополучно достигнув середины проспекта, согнутая фигура Аполлиария продвигалась все дальше и дальше к противоположному краю ревущего автомобильного потока.

— Дойдет... — послышался бас за спиной Ивана. — Ловкий паразит!

«А ведь и в правду дойдет», — предположил Иван.

Аполлиарий был уже на ступенях гостиницы. Он обернулся, сорвал повязку и взмахнул ею над головой.

«Это он мне», — догадался Иван, но ответить постеснялся.

К тротуару подкатил фургон, двое полицейских бережно обняли Аполлиария, посадили внутрь и умчали прочь.

— Представление окончено. Артист заболел, — иронично заключил бас.

Иван постоял еще, выкурил подряд три сигареты, отчего ему сделалось дурно, и побрел в сторону метро.

14

После происшествия на Ленинском прошла неделя, известий от Аполлиария не было, и Иван решил побеспокоиться.

— Он... — плаксивым голосом провыла телефонная трубка. — Его больше нет...

— Сбило машиной? — догадался Иван.

— Его... убило током...

Иван понял все. «Вот они, игры-то! Будильник, провода, розетка! Дурак, — думал он об Аполлинарии. — Ну, зачем? Ради чего? Ведь мог бы придумать что-нибудь попроще! Так нет же! Риска захотел! Чтоб мороз по коже! Эх, Аполлинарий... Все-таки было в тебе что-то ненормальное, безумное. Любил ты играть со смертью, манила она тебя, завораживала. Вот и доигрался. Сказано же: “Не искушай Господа Бога твоего”!»

Сквозь занавешенное окно в пыльную комнату на задумавшегося Ивана, на постель и на стены хлынуло новое утро.

НОВЫЕ ИМЕНА

ПРИСЯГА СЕРДЦА

Рассказ

На междугородней трассе Ставрополь-Буденновск остановился автобус, из него вышел молодой человек в камуфляжной форме с полупустым вещмешком цвета хаки. Перейдя дорогу, он направился в село.

Росгвардеец Иван Залыгин, с тех пор как в феврале ушёл на спецоперацию в Донбасс, не был дома. В родных местах за три месяца ничего не изменилось. Электрические ветряки так и стоят неподвижно вдоль лесополосы, растопырив в стороны белые крылья. Только по весне преобразился лес на склоне холма да полянки покрылись красными точками лохмачей. И он сам ссутулился, уверенный шаг стал осторожнее, чаще смотрел себе под ноги, а в больших медово-гречишных глазах поселилась печаль. Но рост всё тот же — высокий.

**Александр
ГАЙДЕНКО**

Проза

Залыгин спустился в село по лесу заветной тропкой, вдыхая полной грудью пряный воздух. Шёл неспешно, сбивая новыми берцами мелкие камешки. Тут полудрема, несмотря на то, что стоял солнечный день и плотные, сизые тени от фиолетовых стволов перегораживали извилистую дорожку. И где-то далеко кукушка нагоняла отрадную грусть. Вскоре перед солдатом показались домики и заборчики, первая улица и направо, третий дом — его.

В родных местах: мать, сестра, невеста да дед Сашка — «воспитатель духа», отец умер. Гложут его сомнения, поймут ли они его, как рассказать о случившемся. Вот и женщинам, по старой солдатской традиции купил шёлковые платочки одной расцветки, чтобы без обид, и другим родственникам небольшие безделицы.

Не успел он дотронуться до дверной щеколды, как суматошный, темно-жёлтый дворовый пёс Гаврик, учуяв хозяина, обрадованно залаял, забрыцал цепью. И тут же, напротив, звякнула металлическая калитка. В дверном проёме показалась соседка, баба Нюра, маленькая, круглая, как колобок, увидев Ивана, радостно вскрикнула:

— Ваня, Ванюша, касатик! Доброго здоровичка! На побывку или как?

Не хотелось Залыгину сейчас ни с кем ни разговаривать, ни встречаться. Он так устал, что хотел просто лечь на диван и забыться: ни о чём не думать и не вспоминать, что с ним произошло, уснуть. К тому же баба Нюра слыла женщиной болтливой. Сельчане говорили, что у неё язык без костей.

Сколько Иван себя помнит, она жила без мужа, и он помогал ей по хозяйству.

— Здравствуй, баба Нюра! А как бог даст! Там видно будет! — громко крикнул Иван через дорогу.

— Ах, радость-то какая! Дождалась мать! Извелась ведь она, тебя ожидаючи!

Иван шагнул во двор, где ему навстречу спешила мама в узорчатом тёмно-синем халате, вытирая руки о фартук. Женщина, хоть и пенсионерка, но моложавая и обаятельная. Приобнял её, поцеловал в мокрые от слёз глаза, и она приклонила голову на его широкое плечо. Иван молчал, ничего не говорил, а Елена Николаевна тихо плакала, шепча: «Родненький, родненький мой!» Последний раз сын давал о себе знать месяц назад.

Через час о том, что приехал Иван Залыгин, знало всё село. Долетел слух и до учительницы, Риты Анатольевны. У неё забилося сердечко. И она, недолго думая, отпросилась у Веры Ивановны, директора школы, передав на попечение своих первоклашек учителю продленного дня, и мигом к залыгинскому дому.

В школьные годы веселый, задиристый десятиклассник Ваня дразнил невысокую подружку сестры Тани Риту — «Пигалицей». Она злилась, обижалась, расстраивалась. Не помогали даже угрозы сестрѐнки перестать обзываться. Увидит Риту у себя дома — хмыкнет, хитро пустит дробный смешок и за старое: «Пигалица, привет! Как дела?». У неё перехватывало дыхание, она переживала, а потом смирилась и не обращала внимания.

А через год с Ваней что-то произошло, он стал по-особому смотреть на девушку. Нет, она не подросла, но, когда шла ему навстречу, замедляла шаг. А поравнявшись с ним, будто преображалась:

на светлом лице загадочная улыбка, глаза цвета спелого тёрна не отводила от его взгляда. Встряхивала головой, и шоколадные волосы у нее рассыпались. Ваня уж больше не дразнился, а разминувшись с девушкой, смотрел на облака или родниковую водицу и — почему-то они радовали его и напоминали о Рите.

По призыву в армию, спросил: «Ритка, будешь мне писать?» Она, пристально глядя ему в лицо: «А ты?» И он писал, смотря на фотографию: «Ласточка моя. Любимая... Какая же ты у меня красивая...» А когда его уволили в запас, она, повиснув от восторга на его крепкой шее, болтала ногами, а он её кружил, кружил, крепко прижимая к себе, и целовал. Руки у него мягкие, добрые, и от их прикосновения пробегала приятная дрожь.

Потом работал у фермера Черниговского трактористом, ожидая, когда Рита закончит учёбу в вузе. Услышав, что идёт набор в «Росгвардию», подал рапорт. И от того, что его приняли на службу, был на седьмом небе. Вот это мужская работа по мне, говорил он. Дело шло к свадьбе. И как это бывает у молодых людей, в отсутствие родителей Риты, гостивших в городе у дочери, оставался у неё дома.

Рита кометой прилетела к Ивану. Вот и сейчас обняла его, крепко прижалась. Глаза её заискрились, на щеках выступил румянец. Она снизу ласково посмотрела в его глаза, заметила в них тревогу. Провела пальцем по переносице и появившейся на ней морщинке, по розовой полосе вокруг шеи. Её сердце ещё сильнее забилося, затрепетало... Не смея спросить, подумала, что что-то слу-

чилось, произошло... Но, отгоняя от себя мрачные мысли, решила, что он просто устал. Он жив-здоров и вернулся к ней!

Они сели на диван, над которым висела репродукция картины Васнецова «Три богатыря». Когда родился Ваня, дед Сашка повесил её на стену со словами: «Ну вот, теперь нас трое богатырей!» Держась за руки и замерев, всматривались друг в друга, как на первом свидании.

Иван больше молчал, а Рита рассказывала: о себе, о школе, о своих первоклашках, какие они у неё милые и смышлённые. Тут Иван вспомнил о подарке и потянулся к вещмешку, достал жёлтый платок в красных маках. Рита, обрадовавшись, тут же повязала его себе на шею.

Елена Николаевна, по такому случаю, хлопотливо звенела посудой на кухне, ожидая гостей. Потянуло жареным, засвистел чайник.

Громко хлопнула дверь в коридоре. Иван вздрогнул от неожиданности, замер. С работы прибежала светлолицая, улыбчивая, стройная, как ёлочка, сестра. Бросилась целовать и обнимать брата.

— Таня, доченька?! Надо бы сообщить родственникам, что Ваня приехал, чтобы пришли к нам на ужин.

— Так уж все знают!

— А ты напомни.

— Хорошо, сейчас позвоню!

— Не забудь о бабулях-соседках: Нюре и Кате. Они во всём мне помощницы.

Через приоткрытую дверь Иван услышал разговор, нахмурился, зашёл на кухню и тоном, не допускающим возражений, предупредил мать:

— Приглашать никого не надо! Ужина не будет! Устал я... И не до этого!

Елена Николаевна развела руками. Недоуменно посмотрела на сына, отметив, как он похудел, осунулся.

— Ванечка, да как же это? Близкие родственники только придут. На селе с давних пор заведено: прийти, проведать солдата. А мы должны накормить гостей, — растерянно и тихо вымолвила мать, прикрывая дверцу шкафа с посудой.

Но, увидев суровое лицо сына, неуверенно уточнила:

— Сами-то обедать будем? И Риточка всё бросила, прибежала. И сестра торговлю оставила, магазин закрыла.

— Вот, вот... Мы же тебя все ждали... Мамка все глаза проглядела! — подхватила сестра.

— Я сказал: никого! Сами посидим, по-домашнему.

Рита вышла к женщинам, стала помогать на кухне.

Иван прилёг на софу. Но раздумья не давали покоя.

На стене заметил фотографию в раме под стеклом. Отец худощавый, молодой и крепкий. Большие ухватистые руки лежат на коленях, отблескивает на широкой груди медаль — «Победитель социалистического соревнования». Светловолосый, таких же лет, как и он теперь.

Неслышно открыв дверь, вошла в комнату приземистая, худощавая, подвижная соседка баба Катя. Увидев, что Иван рассматривает фотопортрет, она воскликнула:

— Вылитый отец Гришка! — она ткнула пальцем в стекло фоторамки. — Даже чуб у тебя на лбу с зализом, как у него...

Иван пригладил вихор, но тот принял прежнее положение. С острой грустью вспомнилось, что нет на свете отца, Григория Александровича. Поговорить бы по душам, как прежде, когда он подростком обращался к нему с тем или иным вопросом. Батя всегда подсказывал, давал верный совет. Но сломил его ковид три года назад...

— А Танька вся в бабку Машу, — подчеркнула баба Катя, отмечая зальгинскую кровь.

— Так уж и вся? Глаза голубые в нашу родню, — не согласилась Елена Николаевна, заглянув в дверь.

Соседка, точно не слыша, заулыбалась:

— Мне как Нюрка сказала, что Ванечка пришёл с фронта, я, хоть и прихрамываю, — дюжа ноги стали болеть, — но бегом сюда! Справиться, как дела у сердешного. Посмотреть на нашего заступника, помощника. Насовсем, Вань?

— На долечивание отправили домой. А на комиссию через месяц.

— Ну, ладно. Наведуюсь еще на днях.

Она вскоре ушла.

Сели за наскоро накрытый стол из домашних припасов и магазинных закусок. Услышав долгожданную новость о прибытии внука, отложив все дела, приковылял дед Сашка. Он еще крепкий в кости, но по лицу словно прошли штихелем, оставив глубокие канавки-морщинки. Он уж несколько лет коротал жизнь без супружницы — Марии Игнатьевны. Любил выпить, когда был повод, а больше в трудах и заботах, работал не покладая рук на своей пасеке. Дед похлопал по плечу внука, который встал ему навстречу. Шумно двигая гнуктоклееным

стулом, старик чинно сел во главе стола. Сноха принесла домашнего вина, вишнёвой настойки. Он налил всем виноградного — зазвенели бокалы.

Иван, усталый, сидел молча, хмурил брови, глаза пустые — не пил, только пригублял вино.

Достал из вещмешка коробку кубинских сигар, протянул подарок деду. Зацепил рукой тростниковую дудочку. Подержал в руке, не вынимая из рюкзака. Дед крикнул, остался доволен подарком. Сестре с матерью — по платочку.

Солнце опустилось к Константиновскому холму, густо укутывая село в сиреневую мглу. В вечерней тишине не слышно грохота орудий, разрывов снарядов, треска «калашникова». Степная умиротворённость на родине Залыгина настораживала. На передовой такое затишье всегда заканчивалось какой-нибудь трагической неожиданностью.

В этот момент на пороге раздался громкий топот, и в комнату ввалился толстолицый Петька.

— Слышу, Ванька вернулся! Думаю, зайду, поприветствую одноклассника! — растянул в улыбке толстые губы нежданный гость. — Я на минуту.

Дед кивнул внучке, чтобы поставила дополнительный стул. Налил ему рюмашку настойки. Чокнулись...

— Не бойсь, Ваньша, всё наладится. К гражданке тоже нужно привыкнуть, тут другой расклад, — поучал дед Сашка, заметив, что внук грустит. — Дед Колька не заходил? Всё пропадает на рыбалке, да хоть бы улов был, а то так: одни пескари для кота. Может попозже зайдёт, выпили бы мы с ним по стопке за здоровье внука. Хотя, как всегда, начнёт ныть: у меня язва, почки... Вон, посмотри,

Петька, какой подарок мне внук привёз, — он показал красивую коробку с сигарами. — Говорят, такие курил сам Фидель Кастро, — он расстегнул ворот сорочки в сине-чёрную полоску, наклонил голову набок, провел пятерней по ярко-молочной шевелюре. Видно было, что внук угодил деду.

— Ну-ка дайте взглянуть? — Петька поспешно вытер руки салфеткой. — Понюхал, чихнул. — Вот тебе и сигары: и курить не надо, прошибают до слёз!

— Ты вот что, Иван, расскажи, что на фронте творится? — с уважением вдруг обратился дед Сашка.

— Точно!!! Виден ли конец войне?! — поддакнул Петька.

Иван задумался, соображая, что ему ответить. Но мать пришла на выручку, строго сведя брови:

— Дайте ему в себя прийти! Вань, а ты их не слушай, ешь! Вон, какой худой, измученный. Дайте ему отдохнуть...

Она видела и чувствовала материнским сердцем: сына что-то гнетет. Ведь какой он раньше веселый был. А сейчас сидит как в воду опущенный...

Дед Сашка быстро согласился, поймав взгляд снохи.

— Ну что ж! И то правильно. Наговоримся...

И встал в свой исполинский рост, легкий стул, отодвинутый назад, заскрежетал по крашеному полу. Поднял фужер и предложил:

— Давайте выпьем за Ивана и Риту, чтобы у них было всё как у людей!

Петька тут же вскинул и потянул свою длинную руку со стаканом, поддакивая:

— За Ваньку, за Риту!

Прилетел ветерок, колыхнул сирень под окном, она слабо зашелестела листвою, и в открытое окно проник нежный аромат цветов. Посвежело... Рита прильнула к Ивану. Разговор как-то сам собой затих. Дед Сашка и Петька, седуя на поздний час, собрались уходить.

— Жаль, внучка, что до правнуков не доживу, — осторожно обнимая Риту, вздохнул дед Сашка.

— Да что вы такое говорите! Еще как доживете.

— Эх, внучка! Организм. Чувствую, что мои часы сбой дают.

— Ладно, деда, зря не переживай, ты ещё крепкий! — успокаивал Иван, кладя руки на плечи деду.

— Ваньша! Ты, сынок, держи грудь колесом, не дрейфь! Мы, Залыгины, никогда не пасовали перед трудностями. Куда ты девал солдатскую выправку? А-а-а! — он хлопнул мозолистой ладонью по плечу Ивана. После смерти Григория, он забывался и звал внука сыном. Внешне-то они были похожи. — Ну, ничего, дома поживешь — оно само собой рассосётся. А то пришёл бы ко мне, вместе над ульями поколдовали, как в былые времена. Пчела лечит и физически, и от мрачных мыслей, — давал наставления дед Сашка, уже приметно пьяный.

Когда гости разошлись, Иван пошел провожать Риту.

Ночь была малозвёздная, с низким небом. Далеко на окраине брехали собаки. Стучали Ритины каблучки по асфальту, она держала жениха под руку, прижималась к нему, как будто боялась его упустить, потерять.

Возле ворот они остановились. Он посмотрел на неё сверху, такую маленькую, беззащитную.

Взгляды их встретились, и он уловил в них любовь, преданность и еще что-то волнующее, необъяснимое...

Мысленно попросил у Риты прощения, что может случиться так, что заставит её страдать.

— Останешься?

— Нет. Устал до чертиков.

Иван поцеловал её шершавыми, холодными губами и быстро зашагал прочь.

Зайдя в комнату, она подошла к окну. Задернула шторы. Быстро переоделась и легла в постель. Но грустные мысли, странная холодность в поведении Ивана и его непривычная молчаливость долго не давали уснуть, волновали сердце...

Спустя два дня прямо на дом приехали военный комиссар Михаил Харитонов и председатель организации ветеранов, подполковник в отставке Алексей Костин. Они вручили с торжественными словами Ивану медаль «За отвагу», пожали руку и уехали. Иван был сдержан и хмуроват. Скромно спрятал коробочку с медалью в ящик серванта.

Но мать решительно достала награду и напустилась на Ивана за легкомысленное поведение! Пусть люди видят. Сын-то у неё под стать отцу. Он заработал государственное признание в настоящем бою. Только вот утаивает, не говорит, где и за что. Залыгиных в бахвальстве не упрекнёшь.

На другой день Елена Николаевна купила фоторамку, обвернула голубой материей картонку и прикрепила к ней небольшую фотографию сына, в уголочке — медаль. И повесила на гвоздик рядом с портретом отца.

Рита после работы заглянула домой, переоделась в короткое клетчатое платье, которое нравилось Ивану, и направилась к нему. Застала его смотрящим в дворовое окно, откуда виднелся сад, за ним — лес, уже одетый в яркую зеленовато-коричневую листву. В руке он держал дудочку. Как объяснил, подарок мальчишки из детдома. Когда он лежал в госпитале, юные артисты приходили с концертом, чтобы поддержать раненых. Мальчик, уходя, почему-то подошёл к нему, протянул свистульку: «Это тебе. Она называется — жалейка. Когда в неё играешь, то на душе хорошо становится». — «А почему ты решил, что у меня настроение плохое? Потому что я раненый?» — «Нет, у тебя глаза печальные». — «А как же ты без неё?» — «Я себе ещё сделаю. У нас за хоздвором этого тростника хоть пруд пруди. Мы с учителем ходим, срезаем, а потом поделки мастерим».

Рита улыбнулась, обняв его, и заинтересованно спросила:

— Это что за музыкальный инструмент?

Он промолчал.

— Ванечка, ты опять грустишь? Как же мне тебя развеселить? И потом... мне кажется, что ты... меня избегаешь.

— С чего ты взяла?

— Я чувствую...

— Всему своё время! — неожиданно выпалил он и отвернулся.

— Почему ты так со мной разговариваешь? Раньше такое себе не позволял, — она сжала губы. На глаза навернулись слёзы.

— Раньше не позволял... — нервно повторил он, глядя на неё рассеянными глазами и думая о чем-то ином.

В окне, на дорожке у сада, показалась баба Нюра. Ей навстречу, хромая на одну ногу, словно подпрыгивая, шла баба Катя. В годы Отечественной войны она ещё ребенком получила травму. Ивану в школьные годы казалось, что она как будто скачет на коне. Дал ей прозвище «Будёновка». Она «доскакала» до бабы Нюры. И завязалась оживлённая беседа. Дед Сашка говорил, что смеяться над убогими грешно, а вот над стариками можно, сами такими будете — если доживёте... Иван вспомнил, что в детстве с пацанами потешался над стариками за их неуклюжесть. А когда повзрослел, увидел их совсем другими глазами, отмечая, какие они добрые и родные. Обе бабули были бездетные. С рождения взяли Ваню под свою опеку. И теперь он пристально глядел на соседок, на их белые кофточки, с радостью надетые в этот тёплый майский денёк. Мимо плелись ученики из школы. Все что-то делают, все в заботах...

Рита нашла в себе силы, постаралась забыть обиду.

— Вера Ивановна предложила организовать с тобой встречу в школе. Сейчас классные часы возродили, о патриотическом воспитании молодежи, называются: «Разговоры о важном». — Она подошла к нему со спины, овевая тонким запахом лавандового шампуня. Приподнялась на пальчиках и мягкой ладошкой погладила его коротко стриженные волосы. — И просила, чтобы ты пришёл в военной форме, с наградой.

— Мне нечего рассказать! — вдруг повисил он голос. — Ладно. Подумаю...

Что он может рассказать? Как был в плену? Как укрофашисты издевались над военнопленными, похуже, чем нацисты СС? Как заковывали в кандалы? На шею надевали металлический ошейник и так, на четвереньках, как собаку, вели по коридору на допрос? И творили еще что хотели... Но почему-то в эту минуту он явственно представил лица своих боевых товарищей, — живых и погибших, ставших ему братьями... Он должен, обязан рассказать о них... Но позже, когда посветлеет душа...

Рита, не проронив больше ни слова, ушла с потемневшим взглядом. Иван остался стоять у окна. Он любил её и сознавал, что причиняет милой Рите боль. Но не мог найти, подобрать нужные слова, чтобы объяснить с ней.

В воскресное утро Ивана разбудил горластый петух, он моментально накрыл голову подушкой. Но слух уловил раскатистые удары. Прислушался... Звонил церковный колокол. Он встал, точно кто-то позвал его, быстро оделся. Мать предупредил, что хочет прогуляться по селу. И под звонкий, радостный лай Гаврика, торопливо вышел со двора.

Дойдя до храма, сел на скамейку напротив открытой двери, не решаясь зайти. Новый храм из красного кирпича, с золочёными крестами стоял неприступной крепостью, с высоким бетонным порогом, ещё не облагороженным плиткой.

Жизнь человека в селе на виду, трудно спрятаться от косых взглядов, от встречи со знакомыми.

Непутёвый Петька вразвалочку подошёл к Ивану с бутылкой пива в руке.

— Привет, однокашник! Будешь?

Тот отрицательно мотнул головой.

— Должно, пришёл договариваться о венчании? Вы с Ритой долго встречаетесь, пора и свадьбу учинить.

Иван неопределенно пожал плечами.

— Может, компашкой соберемся? Посидим, по стопарику с ребятами пропустим. Из первых уст хочется услышать, что там, на Донбассе. Нам-то расскажешь как на духу? — тараторил дружок, заглядывая сальными глазами в лицо Ивана. Но тот неожиданно вскочил и сквозь зубы зло выкрикнул:

— Ты что в душу лезешь?! Обвенчаюсь, когда время придёт... Правду захотел узнать? Иди добровольцем, если... возьмут! Вон, какое брюхо отрастил! Таких, как ты, на передовую нужно направлять, дармоедов поганых! Нигде не работаешь, живешь на детское пособие!

И не прощаясь, зашагал в сторону кладбища.

Без труда нашёл надгробие отца. Мать заказала портрет на памятник по грудь, с медалью. Иван стоял, пристально всматриваясь в графический рисунок на чёрном мраморе. Мысленно просил у отца прощения за своё малодушие. Вырвал стрелку пырея, набиравшего силу, оставил желтеть внешний цветок — гусиный лук. Почувствовав, как у него подкашиваются ноги, присел на сооружённую им же скамейку. Пели, щёлкали в кустах птицы. Вслушиваясь в их голоса, вдруг осознал: «Я — сильный, я справлюсь. Такое подвластно только мужествен-

ному человеку. И сражался я честно, не прятался за спины пацанов...».

На обратном пути завернул к деду Сашке. Как и предполагал, тот возился с ульями в саду. Присел на колоду и засмотрелся, как почтенный пчеловод ловко вынимал рамки с сотами, тщательно их осматривал, время от времени обдавая дыма-рем. Подарочная коробка лежала на корпусе улья. Он никогда не надевал рабочую маску. Говорил, что пчела не дура, она знает, кто чужой, а кто свой. За долгие годы пчеловодства о промысле, наверно, знал всё. Помнил множество рецептов мёдолечения, и не отпустит без баночки душистого медка. Неутомимый старик считал, что нужно приобщать детей к труду как можно раньше, чтобы для баловства не оставалось времени. По силам ребёнку крутить ручку медогонки, помогать качать мёд. Тут ему сразу и сладкая награда. Лучше не придумаешь...

Дед Сашка завершил осмотр своего хозяйства, поднял голову, и, вдруг заметив внука, всплеснул руками:

— Ваньша, сынок! Я щас!

— Деда, знаешь, я следил, как ты работаешь. Как у тебя всё ловко получается?

— Опыт! Руку набил, да глаза стали подводить малость... Ты что-то припозднился.

— Заходил к отцу, на могилу.

Дед одобритительно качнул головой.

— Молодец, что не забываешь батю. А сам-то как? Я приметил. Тревожит тебя что-то. И с Ритой ты не ласков. Девке голову не морочь. Таких, как она, днём с огнём не сыщешь. Трудолюбивая, чи-

стоплотная, приветливая! Заглядывает она ко мне, помогает по хозяйству: еду готовит, убирается в доме.

— Понимаешь, дедушка...

Иван запнулся, замолчал. Дед Сашка свел брови. В свои года он знал, что не надо торопить человека, нужно дать ему время с мыслями собраться.

— Контузило меня там, под Волновахой... В плен попал... Поиздевались надо мною «бандерлюги». Скощунствовали! Понимаешь... По мужской части — нормально. Но врач сказал, что не могу я быть отцом, своих детей иметь... Не знаю, как Рите сказать...

Дед положил свою жилистую руку на плечо внука. И заговорил вполголоса, отчетливо произнося каждое слово:

— Ваня, беду не объедешь на коне... Ты присягу Родине давал — и честно в бой пошел. И я давал присягу, правда, не воевал... Ты — настоящий воин.

— Я, деда, вернусь на фронт. К своим братанам... А спишут — добровольцем пойду. Сердце так велит, понимаешь...

— Вот! Потому что у тебя — сердце русское, справедливое... А беда не горе. Всегда найдется выход. Говорю тебе: Рита поймёт... Я её знаю. Ты бы видел, как она любит своих школьников. У неё сердце доброе. Может, усыновите пацаненка или девочку... Вот что! Ступай, родимый, к отцу Аникию. Он в преклонных годах, многое в жизни повидал и в религии шибко разбирается. Подскажет...

— Хорошо, дедуль, схожу. Только там, в Донецке, ко мне в госпиталь приходил мальчик. Вовкой

звался. Не знаю, почему я ему приглянулся. Отвлекал он меня от дурных мыслей. Вот и эту свистульку подарил, жалейкой называется. — Иван достал из заднего кармана джинсов дудочку. — Говорил, что он, как «Сивка Бурка», если я свистну в неё, то он вмиг объявится, придёт мне на помощь. — лицо у Ивана просветлилось, глаза потеплели.

— Сколько лет мальчонке?

— Годков семь... В тот день, когда меня выписали из госпиталя, Вовке, видно, сказали, что я уезжаю. Он выбежал на улицу. Мы в это время отъезжали. Побежал за грузовиком. Я видел, как он споткнулся, упал. Что-то кричал мне вдогонку. Я не остановил машину, не спрыгнул... Смалодушничал... Не могу его забыть... Душа как будто родная...

— Ваня, вот видишь, уже на примете — сын.... Иди к Рите! И всё — начистоту! Как говорится, красота до венца, а жить придется с человеком. Давай, не откладывай. Мы, Залыгины, — люди русские! Долго думаем, но поступаем смело. И Вовка твой поймёт... Поймёт, горемыка... Ты верно заметил: душа к душе тянется...

Звенели мелодичным трезвоном колокола сельской церкви. Шли дни. Ивана Залыгина приглашали на встречи в школы, в библиотеки. И каждый раз после его рассказа о боевых товарищах с ним фотографировались земляки. И он пересылал снимки по ватцапу Рите. Вдвоем покупали они и свадебное платье в Ставрополе.

А почтенный отец Аникий, подробно опросив молодых, вскоре назначил им день венчания.

ПАЛЬМЫ УМИРАЮТ СТОЯ

Рассказ

1

Оглушительный рёв сирены с башни минарета пронзил раскалённый воздух пустыни.

— Тревога! Джихадисты рядом!

Военные сирийской армии вместе с работниками музея Пальмиры работали всё быстрее, загружая ящики с экспонатами в кузов машины.

— Торопитесь! Можем не успеть!

— Рельефы Баалшамина, Аглибола, Йархибола подняли?

— Тессеры в какой машине?

Погрузка не прерывалась ни на минуту. И среди этой суеты спокойным и уверенным оставался лишь высокий осанистый старик. Он зорко следил, как укладывали экспонаты. Было понятно, что это — главный хранитель исторического комплекса, знаменитый музейщик, Халед аль-Асаад.

Джихадисты приближались, захватив Идлип и Босру. Их сле-

Лилия
ЖИДКОВА

Проза

дующей целью была Пальмира. Поэтому экспонаты спешно вывозили в Дамаск, чтобы сохранить уникальные статуи, рельефы и другие бессмертные музейные ценности.

Главный хранитель, несмотря на свой почтенный возраст, бодро двигался и не отдыхал весь день, следя, чтобы ничего не перепутали, своими руками вкладывал описи в ящики, проверял устойчивость каждого экспоната. Но сейчас, при звуках тревоги доктор Халед понял, что времени больше не оставалось.

Командующий эвакуацией, майор Салех Ал Нуман, негодовал:

— Абу-л-Халед¹, вы должны уехать! Боевики узнают, что это вы помогали увозить экспонаты и расправятся с вами.

Он отвечал непреклонно:

— Я останусь. Что Господь миров предначертал, того не изменишь. Мне восемьдесят два года. Я не брошу свой город.

Халед аль-Асаад был невысок, в обычной светлой рубашке с подвёрнутыми до локтей рукавами и отутюженных брюках. На его немного одрябшем, но гладковыбритом смуглом лице не было тени сомнений в правильности своего выбора. По высокому лбу катился пот. Воспалённые веки и мешки под глазами выдавали бессонные ночи. Грустным отрешенным взглядом он пристально смотрел вслед уезжающим машинам. Когда узкая лента перестала пылить, он, будто опомнившись, пошёл по территории древнего комплекса к своему доми-

¹ Абу-л – «отец», уважительное обращение к старейшине, старшему в роду (араб.)

ку с окнами, выходящими на древние руины, куда он перебрался на пенсии.

Он брёл устало, пристально осматривая орнаментальные фризы с изображениями желудей и дубовых листьев, жемчужин и пальмовых ветвей, листьев аксантов, виноградных лоз, думал с тревогой: «Остаётся только молиться Аллаху о том, чтобы город уцелел. Мне ли убежать от этих варваров? Я не брошу Пальмиру!». А мимо него тянулись колонны, храмы, высилась триумфальная арка: то богатство мирового наследия, что невозможно было увезти.

У входа в развороченный музей доктор Халед приостановился — ненароком взгляд его упал на найденную при раскопках храма богини Аллат скульптуру льва со свернувшейся у ног антилопой и надписью на его левой лапе: «Аллат благословит того, кто не проливает кровь рядом с храмом».

Эти слова теперь обретали новый смысл.

Ровно через два дня Пальмира пала...

2

— Доктор Халед, я — полевой командир Азиз, которого называют Беспощадным. Я точно знаю, что вы организовали вывоз древностей, включая клад царицы Зенобии. Куда вы дели золото?

Доктор Халед молчал, хотя его третий час допрашивал командующий террористической группировкой.

— Вы были связаны с христианскими учёными и шиитами, пропагандировали почитание статуй. Не расстреляю, если скажете, где экспонаты.

Вы меня поняли? — Азиз усмехнулся и кивнул конвойному.

«Будьте начеку, когда ваш враг улыбается вам: зверь показывает зубы перед атакой», — мелькнуло в мыслях доктора Халеда, когда его вели к двери.

В камере было невыносимо жарко. Сильный знойный ветер задувал вовнутрь, и казалось, что стоит высунуть руку наружу, будто окунёшь её в кипяток — такой казалась раскалённая струя воздуха.

Кроме доктора Халеда, были арестованы его сын Валид — директор музея, сотрудник музея — Аджемаль и практикант из университета Дамаска — Данияр. Все они с тревогой ожидали возвращения Халеда аль-Асаада с допроса.

— Очень надеюсь, они не взорвут скульптуру льва Аллат и Храм Баалшамина, — говорил Аджемаль, без конца ходя по тесному каземату.

— Главное, чтобы они не стали пытаться отца, — возразил Валид.

— Разве они посмеют мучить старика?! — с негодованием воскликнул юный Данияр.

— От них всего можно ожидать. Они же в начале июля в древнем амфитеатре показательно устроили массовую казнь наших пленных солдат! А в палачи поставили подростков, — на лбу Валида собрались горестные складки.

— Нет ничего хуже ожидания и пребывания в неизвестности, — Аджемаль уставился на дверь камеры.

— Абу-л-Валид, Абу-л-Аджемаль, не время паниковать, нужно собраться, иначе нам просто не выжить, — Данияр положил руку на плечо Валида.

— Была бы голова, а шапку из Багдада доставят, так ведь говорят. А нас четверо, — Аджемаль взъерошил волосы рукой.

В это мгновение дверь отварилась, и конвоиры толкнули доктора Халеда в камеру. Все заметили на его теле ссадины и кровоподтёки.

За окном поднялся ветер. Солнце едва проступало сквозь серо-молочную мглу песка. Всё смешалось в пыльной буре. Исчезли тени. Во рту появился пресноватый привкус. Воздух стал жёлт, казалось, что наступил вечер...

— Абу-л-Халед, нас убьют? — Данияр вскочил на ноги в отчаянии, круглое лицо его искривилось, пухлые губы сжались.

— Ну, что ты, Данияр. Нет, — доктор Халед обнял практиканта за плечи.

Данияр начал открываться с новой стороны. Напускная суровость, его желание ничем не отставать от старших вдруг исчезли.

— Абу-л-Халед, вы — мудрейший человек с доброй душой. Где вы черпаете силы в безвыходной ситуации, — спросил с грустью Аджемаль.

Доктор Халед ободряюще улыбнулся:

— Я прожил долгую, насыщенную жизнь. В ней было любимое дело, а самое главное — понимающая меня семья. Мудрые родители. Отзывчивые братья. Любимая жена — Хайат, подарившая мне шестерых сыновей и пять дочерей. И когда рождался каждый ребёнок, для меня это было чудо, — так удивительно было видеть маленького человека, который смотрит прямо в твои глаза... Как учили предки, один населенный дом лучше ста пустых.

— Абу-л-Халед, у вас замечательная семья, двери дома всегда открыты, — подхватил Аджемаль, — А помните, как группа русских археологов попала в аварию и вы первым приехали к ним в больницу?

— Нужно помогать ближним вне зависимости от национальности и вероисповедания. Когда приходит беда, никто не должен оставаться в стороне, — ответил Халед, сделав утвердительный жест рукой.

— Наши друзья часто прибегали за советом к отцу. И папа нас никогда не ругал. Пояснял, почему огорчён нашими проступками, — Валид по привычке поглаживал черные усы. — А ещё, мне как новому директору музея, досталась от отца бригада строителей. На протяжении многих лет эти люди, их человек пятнадцать, помогают музею в строительстве, в реконструкции по первому зову отца. Хотя понимают, что много денег за работу получить не смогут. Но помогают, зная, какой вклад в мировую историю они вносят. На место двоих умерших старожиллов из бригады пришли два их сына.

— Абу-л-Халед, а я никогда не забуду, как вы меня выручили и одолжили денег. Вы даже не спросили, зачем они мне. Просто достали из кармана и отдали. А наш завхоз Али начал укорять вас в расточительстве, помните, что вы ему ответили? — Аджемаль внимательно взглянул на доктора Халеда.

— Не помню, — признался доктор Халед.

— Вы ответили, что не мне даёте, а Аллаху.

— Папа часто отдавал деньги и знакомым, и попросту туристам, попавшим в трудную ситуацию. Мама не сразу поняла, почему отец отказался от работы в ЮНЕСКО, — Валид посмотрел на отца.

Доктор Халед снял очки и, сдвинув брови, глядя прямо и строго, проговорил:

— Мой дед, мой отец и я — арабы, мусульмане. Так принято — мы все большая и дружная семья. Наши предки пришли из Аравии и поселились у древних руин Пальмиры. И наш святой долг — отыскать и сохранить величие Тадмора, в память о Зенобии, во благо арабской и всей мировой культуры. Мы неразрывно связаны с нашими корнями — это то, что удерживает нас на отчей земле.

Доктор Халед помолчал и поднял голос:

— Если ты что-то делаешь, значит, ты это почитаешь. А если ты это почитаешь, значит, тебе сторицей всё возвратится. А если что-то делаешь, чтобы карман свой наполнить, то раз-другой у тебя получится, а на третий всё потеряешь. Какие цели преследуют эти варвары? Пополнить свои личные бюджеты и террористической группировки. Из Сирии пойдёт контрабанда древностей, которые попадут в частные коллекции. А на вырученные деньги они станут вербовать наемников и покупать оружие, чтобы убивать дальше не повинных ни в чём людей...

Аджемаль, не сдержавшись, воскликнул:

— В Тадморе за первый месяц вторжения убиты больше пятисот жителей, среди них женщины и дети! Джихадисты — орудие в руках других людей, которые жаждут разрушить культуру, уничтожить истоки цивилизации. Но им никогда не достигнуть этой цели. Сирия — великая страна. Нас, музейщиков, за то и не любят, что мы мешаем этим нелюдям стереть с лица земли всё, что им предшествовало...

— Как же им помешать, если мы в заточении? Иглою не выкопать колодца, — тяжело вздохнул Данияр.

Доктор Халед сжал кулаки:

— Я верю только в русскую армию! Мне пришлось на протяжении нескольких лет работать с советскими учеными, замечательными людьми и настоящими профессионалами. Великая Россия всегда отставала справедливость и много раз помогала Сирии прежде, и сейчас, абсолютно убежден, не бросит нас в беде... Главное — не сломаться... Об этом же говорит история. Вспомните, как восстала царица Зенобия против огромной Римской империи? Возглавив войска, она подчинила себе территории Сирии и Палестины, а следом направила полководца Забда во главе семидесятитысячной армии и покорил Египет, присоединила к своему царству почти всю Малую Азию. А знаете ли вы ещё царицу, которая овладела столь обширными территориями дипломатией, а не силой? В Александрии были отчеканены первые монеты Пальмиры с её изображением. Такого вызова Римская империя не простила. И император Муций Доминиций Аврелиан — сын земледельца, по прозвищу «рука на мече», решил пресечь появление нового мощного государства, которое могло составить конкуренцию Риму. Когда император Аврелиан осадил Пальмиру, он вызвал царицу на переговоры и сказал: «Сдавайся. И взамен получишь пурпурную мантию». На что Зенобия гордо ответила: «Для меня родной холщовый саван милее императорских одежд». Каково? Пальмирцы, известные на весь мир лучники, всадники на лошадях и верблюдах, храбро и отчаянно сражались за свой город, но потерпели поражение, а Зенобия

показала всему древнему миру, что она — символ сопротивления могущественной империи.

— Абу-л-Халед, как же вы не поймёте, это варвары, которых не знала ещё история! Они не слышат слов дипломатии, они разрушают всё на своём пути. Они хотят показать, что теперь здесь хозяева, — Аджемаль в бессильной злобе стукнул кулаком по стене.

— Человек после смерти оставляет имя, а бык — шкуру. Эти варвары — невежи. И что останется после них? Одна лишь недолговечная память, — вздохнул Валид.

Доктор Халед опустил на колени и произнес первые слова суры Корана, к нему присоединились все остальные:

— «Терпение — это щит верующего и его оружие. Им он преодолевает трудности и беды, с которыми встречается. Мы испытываем вас то одним, то другим способом: страхом, голодом, недостатком, некоторыми потерями имущества, жизни близких и плодов. Только стойкость спасёт вас от этих тяжёлых испытаний»²

Ничто не спасало от раскаленных стен и потолка. Мучила жажда, но воды не давали им уже второй день. Жар пустыни иссушал растения. На сотни миль вокруг пахло полынью. Ветер приносил колючие астрагалы, жесткие соломинки несъедобных сорняков. И неумолчно оглушали цикады, от которых тяжелела голова.

— Доктор Халед, правда, что вы назвали свою старшую дочь в честь царицы Зенобии? — полюбопытствовал Данияр.

² Коран (Сура 2, аят 155)

— Так и есть.

— А что стало с самой Зенобией, доктор Халед?

Профессор преображался, когда речь заходила о его любимой царице. Глаза его озарялись молодым светом; стирались морщины, будто он переставал чувствовать боль. И сейчас он преобразился, словно находился вовсе не в кутузке, а шагал по главной улице с колоннами, мимо храма Бела или Баалшамина.

— Аврелиан вернулся в Рим, а Зенобию, законченную в золотые цепи, провели во время триумфального шествия армии вслед за колесницей императора по улицам города. Дальше историки расходятся во мнении, что случилось с царицей. Я придерживаюсь той точки зрения, что Зенобия была обезглавлена. Учёные приводят её слова: «Ради Пальмиры я умру, как пальма. А пальмы умирают стоя».

Аджемаль вскинул руку вверх, как если бы присутствовал на уроке:

— Абу-л-Халед, другие ученые пишут, что Аврелиан сохранил ей жизнь. И она вышла замуж за римского сенатора и остаток жизни провела на вилле Тиволи под Римом.

— Аврелиан позже писал: «О, если бы они только знали, с какой женщиной я сражался!» И что бы сказала история, если бы я был побеждён Зенобией? — добавил Валид.

То был последний вечер, когда они долго спорили, вспоминали и смеялись. И узкая, жаркая камера не могла помешать воображению, силе духа музейщиков и молодого практиканта.

По несколько раз в сутки их вызывали к командирам террористов, избивали, но не получали желаемых ответов.

На двадцать седьмой день заточения доктора Халеда повели на очередной допрос, где сообщили, что на рассвете он будет обезглавлен.

Потемнев лицом, прямо глядя в глаза полевого командира Азиза, профессор сурово сказал:

— Если бы история научила людей двадцать первого века не падать до уровня варваров, беречь то, что было построено, открыто, достигнуто, хоть язычниками, хоть мусульманами, хоть христианами, хоть буддистами, — в мире давно бы царила гармония. Я готов к казни, только у меня есть последняя просьба...

Выслушав, полевой командир, сдержанно кивнул и вышел. На это раз доктора Халеда отвели в одиночную камеру.

Всю ночь доктор Халед не мог сомкнуть глаз. Он мысленно заново проживал собственную жизнь. Вспоминал: как ребёнком бродил по заброшенным руинам и мечтал, чтобы город возродился. Явственно видел себя юношей-студентом Дамасского университета, своих учителей. А разве можно забыть, как встретил жену Хайат, как на свет появлялись дети? Память хранила годы, прошедшие среди развалин, колоннад, храмов, усыпальниц, — на рассвете, озаренная первыми лучами, Пальмира виделась вся из чистого золота... Необъятную, необъяснимо жгучую тревогу вызы-

вала сейчас судьба его детей, сотрудников и всего музея!

В полубреду он бормотал, чтобы не сойти с ума в одиночной камере:

— «Соломон построил в пустыне город, обнёс его стеной и назвал Тадаморою». Он основал город на этом месте в память о том, что здесь произошёл поединок его отца Давида с Голиафом...

Предутренний сон охватил доктора Халеда, мираж опустился вместе с уходящей прохладой ночи. И увидел он перед собой женщину в пурпурных одеждах, в шлеме, всю смуглую с иссиня-чёрными глазами и ослепляющей улыбкой. Он узнал и не поверил — то была царица Зенобия. Он осмотрел себя и обнаружил, что тоже в пурпурной одежде. Зенобия дружески взяла его за руку. Вместе пошли они к храму Бела по главной улице города вдоль длинной, более версты, колоннады, среди зелёного оазиса.

Да! Здесь шла дорога в Месопотамию, пересекались караванные пути с Востока и Аравии, из Египта и Персии к Средиземному морю.

Слышны были звонкие крики торговцев, снаряжающих караваны на рынке «агора». Ломились прилавки от земных даров, от шёлка и шерсти, фарфора и стекла, ковров и драгоценных камней! А сколько здесь было золотых изделий, жемчугов, слоновой кости, зерна, вина, оливкового масла! Кружили голову ароматы благовоний и пряностей...

По пути Зенобия, обращая взор к руинам любимого разрушенного города, звучно произносила:

— О бедствия наши до чего тяжелы!
О потрясения наши до чего сильны!

Ибо нет улицы, на которой нет мертвеца
И дома, в котором была бы невеста,
Пропали книги с читателями их,
И ученики, и наставники их,
Перевелись писатели и писания их,
И пастыри, и паства их,
Родители оставили детей своих,
Дети отреклись от родителей своих,
И предали братья братьев своих...³

Вместе, не разомкнув руки, они дошли до тетрапилона и остановились у перекрестья дорог:

— Моя Пальмира: невеста пустыни, бриллиант в оправе песков, смотри и запомни её! Ничего не бойся, о, в веках наисчастливейший⁴.

Джихадисты привезли доктора Халеда на площадь Тадмора, на которой помещался небольшой музей. Азиз исполнил последнюю просьбу приговорённого — он смог попрощаться с музеем.

Профессор вошёл вовнутрь босиком, встал и не поверил глазам! Витрины были расколочены на мелкие куски, на полу хаотично валялись осколки, кругом — пыль, песок; десятилетия работы превратились в прах. Лев богини Аллат у входа был взорван, как и часть храмов, колонн. Варвары безжалостно расправлялись с памятниками человечества, как с людьми.

У доктора Халеда от бессилия разрывалось сердце, и боль пронизывала всё тело. Ярость и злость

³ Из древневосточного гимна

⁴ Игра слов: в переводе с араб. «Асаад» – «наисчастливейший», «Халед» – «вечный».

сменялись отчаянием безвозвратной утраты. Хотелось рыдать, но слёз не было, хотелось закричать во весь голос, чтобы мир содрогнулся и остановился в этой гнусной войне!

Халеда аль-Асаада вывели на музейную площадь с пакетом на голове, и только когда его сняли, собравшиеся увидели, кого хотят казнить. Боевики оцепили толпу и заставили жителей присутствовать до конца.

Джихадисты зачитывали список прегрешений доктора Халеда как отступника. В вину ему вменялось то, что он «общался с неверными (то есть с европейскими учеными) и был хранителем «идолов».

Перед казнью ему велели встать на колени, но доктор Халед в последний раз посмотрел на встающее солнце, не закрывая глаза рукой, и ответил полным голосом, чтобы его услышали все, кто находился в этот час на площади:

— Пальмы умирают стоя!

По стенам, по колоннам всё шире растекался отсвет лучей, и на улицах разрушенной, но не сломленной Пальмиры на ветру качались старые уцелевшие пальмы, печально приклоняясь к земле.

ИНФАНТИЛ

Рассказ-портрет

Преподаватель сидел за столом, поглядывая то на сидевшего перед ним студента, то на экран небольшого офисного ноутбука. Решал: посылать парня на экзамен или нет.

Третьекурсник Боря прибежал с другого конца города на отработку небритый, в джинсах и затёртой кофте, словом, в чём попало. Учился он сносно, но не более того, и на подобных «судах» оказывался всякий раз, когда сессия грозным облаком давала знать о своём приближении. Каждый семестр приходилось прибираться два-три небольших хвоста перед зачётной неделей. А после — обратно к повседневности.

Сегодня состоялась защита его реферата по философии на тему «Философская онтология: основные понятия и проблемы», нагло скатанного с первых попавшихся в поисковике статей. Но ни преподавателя Евгения Геннадьевича, ни самого Борю это не беспо-

**Денис
ДЫМЧЕНКО**

Проза

коило. Оба хотели скорее закончить с формальностью, надоевшие-привычной, и заняться своими делами. Студент — сидением с другом в кафе, преподаватель — выслушиванием других таких же незадачливых студентов (в аудитории их находилось ещё шестеро).

— Что могу сказать, Расседин, к материалу, да и в целом к вашей осведомлённости, у меня претензий нет, вы знаете, что пишете, и даже список литературы правильно оформили с первого раза, — начал он обычную свою речь, пригибаясь поближе к выведенной на монитор таблице с баллами и поглаживая реденькие седые волосы на затылке и висках.

Сидящий за партой студент знал эти «подытоживания» наизусть. Евгений Геннадьевич «в целом» хвалил выступающего, указывал на некоторое количество недочётов, чтобы не хвалить слишком сильно, снисходительно рассуждал о молодости и тогда уже отпускал, бросая напоследок: «Пожелания, предложения, жалобы?»

— Да и по рейтингу¹, чего уж, всё в порядке. Работаете. Долги вот сдали. Ещё бы лекций не пропустили — вечная ваша студенческая напасть! — Евгений Геннадьевич повёл в сторону Бори пальцем, как бы грозя, — И знаю, что справки о болезни есть, они у вас у всех есть...

Боря кивал и улыбался, делая вид, что искренне прислушивается к советам и обязательно справится в дальнейшем, а сам украдкой следил за от-

¹ В некоторых вузах РФ для оценивания работы студентов в течение семестра используют балльно-рейтинговую систему.

ползающей в сторону тенью на соседнем здании, ждал заветного вердикта: «Четвёрка-автомат, шуруй!».

— А касаемо конкретно вас, вот что скажу, — преподаватель чуть наклонился вперёд, отодвинув локтем ноутбук, — Вот неглупый парень, а говорить вообще не умеешь, как будто теряешься. Борис, борись как-то с неуверенностью, слышишь? Хорошо? Тебе же польза. Ладно, автомат поставлю, только сегодня отправишь фото конспектов. Пожелания, предложения, жалобы?

— Никак нет, — произнёс Боря, подтягивая к себе рюкзак.

— Тогда до свидания! Кто следующий?

У входа во двор института стоял светловолосый высокий парень с отёкшими от недосыпа веками. Слушал музыку в наушниках.

— Ну чо, рассказывай! — крикнул он, завидев Борю, — Сильно долбал?

Лёша, именно так его звали, учился в энерготехникуме и должен был этим летом защищать диплом, а сегодня решил проветриться и мало-мальски себя разгрузить. Последние три ночи строчил конспекты под энергетиками и зубрил. Экзамены в самом разгаре, и он умудрился загреметь на все. В последний раз они виделись в конце декабря, когда вместе ехали на автобусе в родной город. Были рады друг друга видеть, проболтали всю дорогу. Со школы дружили.

— Да не особо, — выдохнул Боря, пожав товарищу руку, — Он нормальный, ему самому в лом меня слушать. Попричитал и автомат поставил.

— Вот ты ж козлинка фартовая, а! — Лёша хлопнул его по плечу и повёл вверх по улице. Принялся размышлять, — Вы ж языковики, на вас им по идее по барабану должно быть. Да и философия это вообще шляпа, чо ты парился-то? Гоббс, Тойнби, Маркс-Энгельс, всех этих ребят понятно, знать надо, императив Канта там. А всякое Возрождение, русское Средневековое... — Лёша был образованнее, чем могло показаться, — А чо он причитал хоть?

— Что мне не хватает уверенности в себе, — вздохнул наигранно устало Боря.

Лёша рассмеялся и хлопнул себя по колену. Он любил выразительные жесты. Так ему казалось, что все вокруг обращают на него внимание.

— Классика, ё-моё... — ржал он.

— Ещё пошутил в духе «Борись, Борис».

— Не, ну это уже баянище². Так приелось, что грустно...

Говорили о том, как кто провёл прошедшие праздники. Хихикая от описаний грандиозного новогоднего «расколбаса», Боря повторял про себя совет преподавателя. Вспоминал такие же слова, произнесённые родными, друзьями и знакомыми. Слишком часто ему это говорили — отсюда такая реакция друга.

Вышли на парковую аллею, вдоль которой сугробами тянулся грязный снег, сметенный с тротуара. Люди попадались редко, и те спешили пробежать опустевшее место. Аттракционы не работали, как и большая часть заведений — рестораны и кафе

² Баян (сленг.) – шутка, которую испортило многочисленное повторение.

стояли закрытые, только кофейни разряда «заказал и пошёл» принимали клиентов. Не сезон.

Они свернули с основной дороги на лесную тропу и выбрались на проспект. Перешли на светофоре и остановились. Лёша предложил пойти в недавно открывшийся «Дёнер». В полупустом заведении играла незапоминающаяся музыка, сливавшаяся со звуками кухни в монотонный фоновый шум. Со стен не успели снять украшения, хотя январь уже кончался. Столешницы украшали клеенки со снежинками, а кассирскую стойку — махонькая искусственная ёлочка с насаженным на неё хлопчатобумажным Сантой. Единственные посетители, — средневозрастная парочка, — сидели за столом в углу и обсуждали рабочие дела. Ждали заказ.

— Мне, пжалста, сосиску в тесте, и всё это в хот-дого! — наклонился Лёша к симпатичной черноволосой работнице забегаловки.

Девушка, отстраненно смотревшая в телефон, обратила на клиента внимание. Мгновение осмысливала адресованную ей шутку. Опустила голову, прикрывая глаза козырьком фирменной кепки.

— Заказывайте из меню, пожалуystа, — попросила она, как могла, вежливо.

— Девушка, а как вас зовут? — не сдавался Лёша.

— Олег.

— А позавчера были Лера.

— Пол сменила.

— А чего так?

— Чтоб парни не приставали.

— Ммм, и как, ворк, не ворк?

Сколько Боре доводилось видеть общительность Лёши в действии, каждый раз — удивлялся.

Немного и завидовал, как завидуют люди, осознающие свои слабости. Но «общительность» может быть назойливой.

— Пока не особо. Заказывать-то будете?

— Мне, пожалуйста, гиро в ржаном кармане и колу, — вставил Боря, чтобы друг не продолжал своих попыток добиться внимания.

Лёша глянул на спутника и театрально воздел руки к потолку. Досаду выразил.

— Одну сырную шаурму. И апельсинку, — спрятав ладони в карманах брюк, пробурчал Лёша и добавил, посмотрев на друга, — Я плачу.

— С собой, здесь?

— Здесь, — произнесли в унисон парни.

— Картой?

Лёша оплатил по терминалу, взял и тут же скомкал чек с меткой «44», сел за первый попавшийся на глаза столик в полупустом «Дёнере». Скинул рюкзак, снял куртку, поёрзал для удобства. Пригрозил шутливо Боре: «Если начнёшь комментировать, тресну!», но тот и не собирался смеяться, только доброжелательно молчал, держал мысли при себе, зная, что сейчас неподходящий момент.

— Потом хоть расскажешь, что это было? — спросил Боря.

— Ладно, поедим только, — предложил Лёша и сполз по спинке красного дерматинового дивана.

В ожидании своего заказа скучали и смотрели в окно на улицу. Уже темнело, успели зажечься фонари. Лёша поглядывал на девушку, сидевшую за стойкой на пластиковом стуле и листавшую в смартфоне ленту соцсетей, и Боря невольно делал

то же самое, неудобно поворачивая голову. Боря представил себе, что работница уже нагляделась на людей за столиками, на мимоидущие под окнами группки школьников; наслушалась разговоров, пиканья терминала и шипения масла во фритюрнице. Наверняка устроилась на вечернюю подработку, — такая же штука, как и учёба в вузе, нечто необходимое для жизни, но не более, — только чтобы платить за квартиру и не клянчить деньги у родителей. И не очень-то противно ей, просто приелось, и не раздражение в ней сидит — именно скука.

— Сорок четвёртый заказ заберите! — позвали из-за кассы минут через пятнадцать.

— Я заберу, — предложил Боря и, не дожидаясь ответа, встал и направился к стойке. Пока он вошёл с подносами, в кафе зашли ещё два посетителя — девушки лет около двадцати пяти, небогато одетые и расслабленные.

С ношей в руках Борис шагнул в сторону, улыбнувшись и кинув: «Прошу вас». Девушки же, одна низкая и чернявая, вторая высокая и светловолосая, улыбнулись в ответ.

Подносы грохнулись на стол, бутылки с лимонадами опрокинулись, но не разлились, — закрыченные.

— Так что, расскажешь? — обратился Боря к другу, усаживаясь на место.

— А что рассказывать? — усмехнулся Лёша, обхватив ладонью крышку «апельсинки», — Понравилась, хоч на свидание позвать. Не даётся, блин.

— Зачем наседать тогда, раз не даётся? — искренне не понимал Боря.

— Просто хочется и всё тут. Или тебе нужна особая причина и фрейдистские выводы: «Мой отец был ко мне холоден, и теперь я влюбляюсь в недоступных женщин», а?

— Просто понять хочу, — вздохнул Боря и начал есть.

— Расхоти, а, — советовал Лёша, делая укусы, — Здоровее будешь. Психически. Я и сам-то не понимаю, а ты-то как поймёшь?

Наелись, наболтались и насмеялись. Совсем стемнело, настала пора выбираться обратно на холм и расходиться.

Ветер напирал в спины, крал срывающийся с губ пар, сам накидывал капюшоны на затылки. Огни автомобильных фар налетали, вспыхивая, и пропадали. В глазах после мелькали разноцветные пятна и точки.

Пока ждали транспорт, переминались с ноги на ногу, матерились и наблюдали за перекрёстком.

Минут через десять автобус выехал из-за угла.

— Ну, давай, удачи, — Боря протянул руку.

— А, ты что, куда-то сюда переехал? — спросил Лёша, пожимая руку в ответ.

— Не, всё там же, куда ж я денусь? — улыбнулся Боря.

— Так туда пилить как до Китая! — возмутился друг.

Автобус подъехал, проскрипел, останавливаясь. Створки задних дверей-автоматов разошлись.

— Да нормально, всего шесть километров, всегда так хожу, — успокаивал Боря (он не сразу понял,

что это звучит как издёвка), слегка подталкивая Лёшу.

— Тц, ну смотри! — Лёша помахал на прощание и спешно заскочил в автобус.

— Удачи! — ещё раз пожелал Боря и спрятал небритый подбородок в воротник кофты.

Зашёл в квартиру. Зажглась лампочка в прихожей. В этот момент музыка заиграла снова (связь восстановилась), и Боря отсоединил провод от телефона. Голова болела, то ли от усталости, то ли его продуло. Квартира, как и всегда пустоватая, была прибрана и вымыта. Хозяину некогда и нечем было её засорять.

Скинув обувь, Боря выбрался на кухню, ещё одетый, и поставил чайник (на ночь решил не есть) на электрическую плиту, после чего поковылял в зал. Не трогая выключатель, рухнул в кресло. Лечь на кровать и уснуть нельзя, файлы с отработками ждали, когда их отправят на преподавательскую почту. Но и в кресле умудрился он задремать, а очнулся только минут через десять от свиста. Заварил чай от утреннего пакетика, отнёс кружку к столу с ноутбуком, достал из-под дивана тетради с конспектами, включил свет, — подготовил рабочее место.

Сделал фото рукописного конспекта, закинул через телефон в «облако», уже с компьютера наcopировал из него «джипеги»³ и вставил один

³ JPEG – графический формат, использующийся для передачи изображений.

за другим в вордовский файл. Отправил документ с вписанными в название фамилией и группой. Сделано. Ушло минут пятнадцать.

Перед сном проверил соцсети. Несколько десятков неинтересных сообщений в институтском чате, один лайк на комментарии недельной давности, вот и все новости. Боря собрался закругляться, но завис перед монитором на минуту и вбил в поисковик «Валерия, Ставрополь». Нужную девушку нашёл на удивление быстро — она не скрывала своей внешности и в профиль поставила собственную фотографию.

Щёлкнул курсором, увеличил.

Улыбается, стоит на пирсе, позирует на фоне моря в зелёном раздельном купальнике и солнечных очках. Стало понятно, почему другу так понравилась эта девушка, — красивая, нечего и говорить.

Через полчаса позвонили родители. Говорила мать, отец поддакивал и бубнил невпопад. Они посылали ему деньги раз в неделю и каждый день осведомлялись о его состоянии, будто обновляли статус в метафорическом каталоге.

— Привет, Боренька, как у тебя дела? — спрашивала мать.

— Привет! Да пойдёт, как обычно, — отвечал Боря, — а у вас?

— Да тоже всё как обычно, — вздохнула мать.

— Ничего нового, — добавил отец.

— Скажи лучше, как день прошёл? — снова мать.

— Сессия теперь. Автомат, по полной, — перечислял Боря. — Отработал смену, завтра выходной.

— Ну и хорошо, что всё хорошо, — зевнула мать, — Ладно, не будем отвлекать тебя. Спокойной ночи!

— Давай, сынок, — вставил отец напоследок, — деньги нужны будут — звони.

— Да, хорошо, давайте.

Отключились. Дежурный разговор, от начала до конца заученный, состоялся.

В одиннадцатом часу всё же заполз под одеяло, уткнулся лицом в щель между подушкой и стеной и прикрыл глаза. От целого дня постоянного движения у него ныла поясница. С восьми до трёх он разносил заказы. Ему разрешили уйти пораньше, не прерывая слот. Завтра должны были перечислить деньги. Завтра ещё и суббота. Ещё и в институте надо.

Заснул под завывание ветра.

Будильник прозвенел в семь утра. Боря отрубил его, улёгся обратно, уснул поверх скомканного одеяла и так проспал до десяти часов. Сварил, не промывая, рис, нарезал в него остатки колбасы и залил кетчупом. Лёша называл этот кулинарный шедевр «Breakfast of Chumpions», не поясняя, в чём собственно, шутка, — издевался над тем, что Боря плохо знает английский.

Зачерпнул месиво ложкой и отвлёкся на телефон, так и не донеся её до рта. В соцсетях накопились сообщения. Все от того же Лёши.

8:43 Ну чо, поздравляю, гора пришла к Магомету!

8:43 Блин, я тоже так хочу, разок лыбу давануть — и на свидание.

8:44 Давай, не жмись, отвечай.

И ещё шесть фраз-подтруниваний. Над ними всеми синела ссылка на пост в городской группе поиска:

Ищу человека! Пересеклись двадцать четвёртого в кафе на 50 лет ВЛКСМ часов в семь, я была с подругой, ты с другом. Ты открывал нам дверь, когда мы уходили, улыбался так по-доброму. На фото — справа, в серой кофте и капюшоне. Найдись, пж, хотелось бы познакомиться!

На изображении Боря и Лёша идут в сторону остановки. Фото мыльное, но разобрать было можно.

Заглянул в профиль автора, указанный под публикацией. Милана Мелихова. Действительно, девушка из кафе, та, что высокая и светловолосая. Боря только это и запомнил, но, глядя на обработанное фото. напряг память и узнал. Отвечать на призыв не стал.

10:10 Не буду я ей отвечать

10:10 А чего так категорично?

10:12 А зачем? Чтобы я первой же фразой испортил всё отношение к себе? Пусть я лучше игнорщиком побуду, не хочу портить ожидания

10:16 Чел, не будь Борисом-хрен-перепадёт, просто попробуй, а там посмотришь

10:17 Да кому я нужен, шутишь, что ли?

10:18 Тебя в детстве били?

10:18 ...нет.

10:19 А надо бы! Давай, пиши ей. И шоб скриншот был на моём столе к обеду вместе с фотографиями Человека-паука!

10:20 Я тебе уже объяснял, не хочу никого разочаровывать

10:21 Чего я, собсна, ждал.

10:22 Ну прости...

Лёша не отвечал. Через десять минут вернулся и написал:

10:34 Короче, я сделал всё за тебя. И только попробуй её заигнорить теперь. Чеши, социализируйся!

И скинул скриншот переписки с Миланой. А вскоре написала и она сама.

10:35 Привет! Мы виделись вчера в кафе, ты нам двери открыл и улыбнулся. Решила, почему бы и не познакомиться? Извини, если так внезапно, просто хотелось пообщаться.

Боря ругал вслух Лёшу и божился при следующей встрече всё ему высказать. Но отвечать пришлось, ему было неудобно игнорировать человека, находясь в сети. Старался формулировать мысли корректно и вежливо, думал над выражениями, тратил на это долгие минуты.

10:38 Привет.

10:38 Да не переживай, всё в порядке, я помню, ты с подружкой ещё была.

Как смог, вежливо. Хотя ему отправленное не понравилось. Он считал, что должен был подумать получше.

Ответ от девушки пришёл тотчас же.

10:38 Да, именно! Раз так, как насчёт познакомиться?

10:39 У тебя же в профиле настоящее имя?

Знакомств заводить Боря не хотел, тем более с девушкой, — как он написал Лёше, так и думал в действительности. Только нельзя сразу и прямо сказать ей, чтоб отстала, надо тоньше.

10:40 Можно. Ну, познакомиться

10:40 А имя — да, настоящее

10:40 Отлично.

10:41 У меня тоже. Расскажи немного о себе. По твоей стене мало что понятно. Но очень интересно. Эти фото с облаками и всё такое.

Тут же Боря решил в ближайшее время скрыть и архивировать все свои записи.

10:45 Каких-то особых интересов и нет, как все, слушаю музыку, смотрю фильмы, читаю иногда книги.

10:46 Обычно по городу гуляю, фотографирую что вижу, но так, без композиции.

10:46 Как попало, в общем.

Стыдно было признаваться в собственной ограниченности. И про книги, и про фотографии он выдумал на ходу, — на странице в соцсети висели случайные изображения, скачанные из Интернета. А рассказывать подробно о своих вкусах в музыке ему не хотелось — их, в общем-то, и не было, по его мнению, в «сохранённом» получилась случайная солянка из разножанровых песен, попавшихся когда-то на глаза.

10:47 Да брось, мне даже нравится. Есть в этих небесах какая-то атмосфера.

Отвечать теперь было не на что, и Боре пришлось придумывать собственные вопросы, чтобы поддержать разговор. Шли минуты, а фантазии у него хватило только на:

10:50 А какие у тебя интересы?

Перенаправил чужой вопрос.

10:52 Работаю. Профессия у меня такая, творческая и вольная. Дизайнер я. Но зарабатываю рисовкой артов, паблик для этого целый есть. Кино разное смотрю, вообще — киноманка, могу утром посмотреть «Госпожу горничную», а ве-

чером Трюффо. Во всём есть свой шарм. Если честно, лицом к лицу мне куда комфортнее говорить, чем тыкать на кнопки. Сегодня в кинотеатре в центре будут показывать «Леона». Не знаю, где они его откопали, но фильм хороший, а я как раз сделала себе выходной. Пойдёшь со мной?

Глядя на последнее её сообщение, перечитывая всю непродолжительную переписку, он до последнего собирался отказаться. Но отстучал на сенсорной клавиатуре:

11:20 Можно, почему нет.

И пожалел.

11:20 Тогда встретимся в четыре, на главной площади. Перед сеансом зайдём куда-нибудь, не против?

«Деваться мне уже некуда...» — подумал он с досадой.

11:21 Нет, не против.

11:23 Хорошо. Тогда если что-то поменяется, я напишу. Ок?

11:29 Ок.

На часах — половина одиннадцатого. Боря прикинул, сколько времени ему требуется на приготовления, на дорогу и вскочил со стула.

Большую часть неотложных дел он уладил за два часа. Но глажка рубашки никак не давалась — складки деформировались или переползали на новое место, новые непрошенные линии появлялись на стираной белой ткани, а когда ему казалось, что вот оно — готово, стоило одеться и посмотреться в зеркало — нет, по-прежнему мятая. Сдавшись, Боря накинул кофту, чтобы не так

бросалось в глаза. Отражение его всё же не радовало. Только подсохшие причёсанные волосы пушились, две царапины на подбородке и под ухом (порезался) краснели на розовой коже. Одежда сливалась с бежевыми обоями за спиной, чёрные брюки эту общую бесцветность добивали — так себе парадный вид. Боря уткнулся лбом в стекло, дыхнул, нарисовал на запотевшей поверхности смайлик и, надев парку, вышел из квартиры. Достать он так и не успел.

Нажал на кнопку. Пока ждал, крутил монетку в кармане, много думал, мало — по делу. Боялся опоздать.

Туман успел рассеяться. Дорога тянулась километров шесть, и Боря шагал вдоль неё, не останавливаясь, между рядом торговых построек с ресторанами быстрого питания, автомойками и длинным каскадом панелек. Слушал музыку, а когда одна песня кончалась, доставал телефон, включал другую, заодно проверял четыре циферки в левом верхнем углу экрана. Не хотелось садиться на маршрутку и тратить лишние тридцать рублей. На кино, кафе и приятности для девушки и так оставалось немного.

Когда проспект упёрся в перекрёсток, Боря повернул направо. Невольно стал переживать, что по собственной глупости и невнимательности не узнает, не найдёт Милану на площади, проглядит её, в то время как она будет искать его самого.

По площади бродили люди, обходя оставленные островки снега. В самом центре рабочие разбира-

ли каркас городской ёлки и складывали железные трубы возле повернутого задом к правительству памятника Ленину. А рядом, ближе к университетскому скверу, зазывал классической музыкой купол ледяного катка. Боря стоял неподвижно у входа, как привинченная к бетону декорация; некоторые посетители принимали его за плохой рекламный манекен и удивлялись, когда он вдруг доставал из кармана смартфон.

Милана писала, что опоздает на пять минут, просила подождать.

Вскоре она появилась. Вышла из сквера и сразу повернула к катку. Девушка была одета в просторное синее пальто, красный шарф поверх чёрной водолазки и кожаную мини-юбку. По площади стучали невысокие каблуки ботфуртов. Короткая ассиметричная причёска растрёпывалась при ходьбе, и девушке приходилось каждые несколько шагов поправлять спадавшую на глаза прядь, перекладывая сумку из правой руки в левую. Боря не разбирался в моде, но подобный образ казался ему эстетичным.

— Привет! — улыбнулась Милана, опустив шарф, — Давно ждёшь?

Она оказалась довольно высокой. На каблуках — одного с Борей роста.

— Да нет, только пришёл, — соврал Боря.

Наконец ему удалось всмотреться в её лицо. Большие, широко открытые для всего интересного глаза то и дело замирали в созерцании вещей, для него привычных и осточертевших. Сам он пытался понять, какого же эти глаза цвета, — они в одну минуту казались то голубыми, то серебристыми,

то изжелта-серыми. Улыбалась она часто, с заметным удовольствием, ничуть будто не кривя душой, по-настоящему. Вокруг девушки возникала аура лёгкости, простоты и честности, несмотря на очень взрослый, в представлении Бори, внешний вид.

— Времени у нас ещё много, — продолжила Милана, роясь в сумочке. На недлинных ногтях блестел гляцевый лак красного цвета, — Здесь кофейня рядом, давай до сеанса там посидим?

— А билеты? — спросил было Боря.

— У меня уже есть электронные, — она достала из сумочки телефон, показала файлы с билетами и убрала его уже в карман юбки. — Пошли, не будем мёрзнуть!

— Сколько я тебе... — обратился было Боря.

— Да нисколько, мне их подарили, — отрезала она и зашагала к подземному переходу. Боря запоздало двинул следом.

В переходе играл на гитаре молодой патлатый парнишка, брэнчал «Нирвану», ревел слова песни с невиданным наслаждением. Милана, не задумываясь, достала кошелёк и положила в лежащую у ног музыканта-самоучки кепку сторублёвую купюру. Боря прошёл мимо. До самой кофейни девушка восхищалась незатейливым исполнением и душевностью гитариста, а спутник поддакивал, как заведённая игрушка, пока ему не пришла идея для вопроса:

— А что ты обычно слушаешь?

Спрашивая, Боря открыл дверь в кофейню и уступил дорогу.

— Ох, да всё на свете! — воскликнула Милана и зашла внутрь, — Хотя... я, наверное, больше

по классике. Крис де Бург, «Рэдбоун», «Риччи э Повери», «Ярдбёрдс». Из современного Барнс Кортни, «Крэнберриз», «Анимация». Много перечислять, если честно.

В ужасе Боря осознал, что не знает ничего из названного.

— Здорово... — протянул он и не нашёлся, что добавить.

Небольшая, на несколько столиков кофейня располагалась в подвале огромного торгового центра, поэтому свет здесь был искусственный, приглушённый. Для антуража вдоль стен висели полки с книгами, с потолка свисали стилизованные под плетёные корзины плафоны. Из динамика под потолком играло что-то вроде джаза.

Они сели за свободный столик в углу. Пальто и парка остались висеть на вешалке у входа. Боря дёргал под столом заусенцы и драл ногти. Монетка осталась в кармане куртки. В глаза девушке старался не смотреть, и в целом не поднимать взгляда.

— Скажи, ты часто бываешь в таких местах? — пробовала расшевелить его Милана.

— Нет, — признался, как покаялся, Боря.

— По тебе видно, ты слишком нервничаешь, — произнесла Милана и подпёрла подбородок ладонью, так же по-доброму, доверительно улыбаясь, — просто расслабься и получай удовольствие от того, что происходит вокруг. Если так не делать, то с ума сойти можно. Считай, что сегодня у нас случайный общий выходной. У меня — от работы, у тебя — от учёбы.

«Как мама ребёнка успокаивает...» — со стыдом подумал Боря.

— Ты же в универе учишься? Сколько тебе ещё, получается, учиться? — спросила Милана, зачерпывая ложечкой чизкейк.

— Два с половиной года, — ответил он.

— Это сколько тебе лет, выходит? — допытывалась она. Его ответ её будто озадачил.

— В декабре двадцать исполнилось, — нехотя сказал Боря и в два глотка выпил полкружки чая.

— Какой молодо-о-ой! — с досадой проскулила Милана и прикрыла лицо руками.

— А ты... — Боря осёкся. Нельзя было спрашивать возраст напрямую, — А как давно ты универ закончила?

— Если хочешь знать, сколько мне лет, то мне двадцать шесть, — усмехнулась она беззлобно и подшутила, — Что, старая, а?

Действительно, он удивился, что ей двадцать шесть. Она казалась ему, почему-то, моложе, на двадцать два, двадцать три. С низины своего возраста Боря ещё рассуждал так, будто между этими числами есть существенная разница.

— Да нет, ничего подобного! — замахал руками Боря, — Это я скорее мелкий, совсем сопляк.

Лучше способа выкрутиться он придумать не смог.

— Хочешь вредный совет? — подмигнула она и подняла кружку с кофе, — Торопись жить. Потом пожалеешь, что ничего не сделал, и будешь думать об этом без конца, как я.

Отпила, доела чизкейк и аккуратно поднесла салфетку к губам.

— Ты допил? — спросила она.

— Да.

— Тогда пошли. Минут за десять дойдём.

В зале, помимо них, сидело три человека, — после ухода почти всех западных прокатчиков мало кто ходил по кинотеатрам. Им достались места в самой середине. Сидений всего имелось на сорок зрителей. Боря фильм раньше не смотрел, нашёл только, что это боевик, потому купил попкорн и колу. Милана посмеялась и сказала: «Мило», но таким тоном, будто не издевалась она, а правда умилилась.

Потух свет. Осветился экран. Пошли титры на фоне нью-йоркского Центрального парка. Картинки двигались, стены гудели от стереосистемы, попкорн хрустел на зубах. Маленький зал незаметно увеличился и превратился в темноту, рамку для происходящего на стене. Боря не любил ходить в кино с кем-то, чтобы не терять ощущения важности происходящего на экране, не осознавать себя сидящим в кресле от нечего делать и грызущим неоправданно дорогую кукуру с сахаром.

Сидя рядом с Миланой, он не мог спокойно смотреть фильм, то и дело поворачиваясь в её сторону. А она неотрывно следила за героями, за сюжетом, переживала, радовалась и злилась, будто в цветастом прямоугольнике реальные люди и ей приходится наблюдать за ними впервые (что было явно не так). Боря завидовал такой вовлеченности и скучал, не вникая в фильм и не думая о каких-то действиях. Развалился в кресле, жуя попкорн и попивая газировку, в ожидании конца. Не только и не столько фильма.

На выходе из кинотеатра Милана сходу попросила:

— Слушай, проводишь меня до остановки? Тут недалеко.

С одной стороны — лучше сказать, что тоже спешит по своим делам, с другой — отказывать неудобно.

— Да, конечно, — поддался Боря.

«Провожу и — домой. Всё равно пилить полтора часа, хоть пешком, хоть на автобусе» — размышлял он, выходя на улицу.

Они не торопились. Милана шла медленно, глядела на засвеченное городом пасмурное небо, стараясь не отходить от Бори слишком далеко, но и не сближаясь. Улыбалась с грустным смирением, ступала легко, только лёгкость эта не та, дневная, а какая-то выстраданная, как свобода после долгого заточения.

— Спасибо, что позвала, — проговорил Боря и закашлялся, горло чуть саднило. Похоже, вчера он таки застыл.

— Что? — переспросила Милана.

— Говорю, спасибо, что позвала! — повторил он громче.

— А, да брось! — рассмеялась она, — Не сидеть же дома и киснуть.

И замолчала. Боря в последние минуты свидания решил не молчать, с мыслью: «Ай, какого чёрта?!».

— Слушай, ты же... ну, творческий человек, — обратился он, — Рисуешь там, даже отдачу это свою приносишь и... не бывает у тебя ощущения, что то, что ты делаешь, оно... ну, не получается, выходит не такое, как тебе хочется, да еще и не нравится никому? Бывает такое?

— Конечно, — ответила она запоздало. Не ожидала вопроса, еще и такого серьезного, поэтому подбирала слова и сдерживала то, что считала невозможным высказать в лицо, — Всегда есть момент, когда не нравится то, что делаешь, и, бывает, бросаешь какие-то работы со злости. Но это самокритика. Желание стать лучше. С чужим мнением так же. Часть развития, как-то так.

— А если вот вся жизнь такая? Просто жить стараешься, а даже из этого хрень одна получается...

— А почему ты спрашиваешь? — Вопрос прозвучал тихо, расстроенным тоном.

Боря не видел Миланы в отрезке между фонарями, только слышал её голос и стук каблучков по брусчатке.

— Просто так. Извини. Забей, — протараторил Боря и ускорил шаг.

— Подожди, — позвала она и взяла Борю под руку, чтобы тот не ушёл, — Давай сядем и поговорим. Тебе легче станет.

Они стояли друг напротив друга посреди аллеи, видя лишь силуэты, и говорили.

— Тебе не нужны мои проблемы.

— Я помочь хочу. Чтоб ты ничего не сделал.

— Не надо. Не сделаю. Я слишком ленив для такого.

— Один вопрос. И всё. Ладно?

Протянулась пауза.

— Ладно.

Послышался тяжкий вздох.

— Отвечай так, как реально думаешь. Ты себя ненавидишь?

Вздыхнул уже Боря.

— Да. Всей душой терпеть себя не могу. Потому что только и делаю, что приношу людям неудобства и разочаровываю их. Я не имею права на всё то хорошее, что у меня есть, я его не заслужил, потому что не делаю ничего. Я искренне так считаю.

— Почему ты так о себе думаешь? — впервые вопрос прозвучал безучастно и отстранённо.

— Потому что так и есть.

Она повернулась к Боре боком, провела рукой по волосам. Опустила голову, будто рассматривала свои длинные ноги в ботфортах.

— Ты прости, но я, наверное, пойду, — сказала она и стала рыться в сумочке, — Не потому что мне противно, просто я в такое уже влезала. Вечное «я», «я», «я», самобичевание и никаких действий. Четыре года жила с «вечной жертвой», и всё, что мне удалось, это сбежать. Год прошёл, решила выбраться, и вот — тот же самый человек...

Из сумки она вытащила что-то прямоугольное. Пачку сигарет. Милана достала одну и вложила в губы.

— Зажигалка есть? — спросила она устало и безразлично.

Боря достал из заднего кармана брюк спички, которыми зажигал газовую плиту дома, и отдал девушке целый коробок. Вспыхнувший огонёк осветил насупленные брови и полоску от потёкшей туши на правой щеке.

— Люди меняются только сами. Борись, Борис, — сказала она и затянулась, — Спасибо за вечер. Будь осторожен по дороге домой. Хорошо?

Она повернулась к нему спиной и так же медленно, с вымученной лёгкостью застучала каблукми по аллее.

Боря повернул назад и на ближайшем перекрёстке зашагал в сторону дома. Но не успел выйти из центра. Не выдержал. Слезы опустились к воротнику рубашки и впитались в наглаженную, жёсткую, как картон, ткань. Боря прижал руки к груди и сел на корточки. Прошептал:

— Что вы все хотите, чтобы я сделал?

Вопрос испарился на морозе вместе с сорвавшимся с губ облаком. Людей рядом не было, а от случайных зрителей спасал высокий от неровности ландшафта бордюр, никто не мешал трястись от бессильной злости и подвывать вполголоса: «Что со мной не так?». Вскочив на ноги, Боря швырнул монету в серо-жёлтый массив ближайшего дома.

Завидев направлявшегося к нему человека, судя по цоканью тоненьких каблучков — женщину, Боря поднялся и пошёл домой. Глаза воспалились, губы потрескались. По бетонным ступеням поднимался к главной улице и как можно ниже надвигал капюшон.

Пар от котлов плыл подсвеченными пятнами над улицами, заслонял небо, а через какое-то время растворялся в воздухе. Температура ушла в минус. По пути домой он наблюдал, как трава, лавочки в скверах и машины на стоянках индевели.

Хвою в лифте смели, что странно, обычно уборщицы работают по утрам. И не только лифт вымыли, а весь подъезд, на каждом этаже — чисто. Наверное, одна из тёток в совете жильцов всё-таки вынесла мозги людям из управляющей компании.

В квартире стояла духота. Боря снял парку и сел за обеденный стол. По привычке заглянул в соцсети. Очередные вузовские объявления, какой-то незнакомый мужик написал с предложением купить кальян, да Лёша спрашивал, как прошло свидание. Отвечать не было настроения. На электронной почте висело письмо от Евгения Геннадьевича. Одной лекции в конспектах не хватало.

Телефон остался лежать на столе. Боря положил голову на сложенные руки и задремал. Разбудил его звонок от родителей.

— Привет, сынок. Как твои дела? — спрашивала мать.

— Пойдёт. Всё как обычно, — отвечал Боря.

НЕФОРМАТ

Рассказ

Разговор наш с писателем Тумановым происходил в пятигорском парке у Эоловой арфы. Для начала мы обменялись дежурными фразами о погоде, полюбовались Кавказским хребтом и Эльбрусом и даже обсудили недавнее выступление в театре оперетты местной примадонны Б.

Как выяснилось, эта белокурая, изящно полноватая женщина нравилась нам обоим. Припомнив её выразительно оголённые предплечья, мы даже немного разволновались.

Затем Туманов спросил:

— Как ты относишься к профессорам филологии?

Вопросу я искренне удивился:

— Ясное дело, положительно! Потому как профессора — это люди учёные, спешащие поделиться со студентами распирающими их знаниями. А профессора филологии, так эти вообще стоят на страже живого слова и перед всем человечеством за это слово, можно ска-

Олег
ВОРОПАЕВ

Проза

зать, в ответе. Тебе что, какой-то учёный филолог дорогу перешёл?

— Перешёл, не перешёл... Опять ты со своими пафосными шуточками, — замахал на меня руками писатель. — У меня разговор к тебе серьёзный, и я... я даже не знаю, с чего начать.

Только тут я заметил, что мой собеседник находится в подавленном настроении, и мне захотелось хоть как-то его поддержать:

— Брось, старина! Серьёзный разговор у тебя должен быть с читателем, да и то не всегда. Пиши свои книги, как раньше писал. Тем более что печатают тебя в самых разных журналах по всей стране.

— Это как раз и плохо, что печатают. Один московский критик мне недавно сказал, что в столичных журналах печатают теперь всякую тусовочную шушеру и отстой.

— Может и так, а может быть, просто его самого в этих журналах перестали печатать. Критики очень ранимы, — пустился я в рассуждения, — и никакой, даже самой безобидной критики в отношении себя не терпят. Но если ты собрался всем критикам угодить, то проще повеситься!

— Повеситься было бы в самый раз... — уныло улыбнулся Туманов.

Мне надоели его хождения вокруг да около, и я спросил напрямик:

— Рассказывай, в чём, собственно, дело?

— А, собственно, дело в том, что в центральной библиотеке на следующей неделе будет проходить презентация моего романа.

Книгу эту о студентах Московского госуниверситета я недавно прочёл и попытался приятеля подбодрить:

— Что ж... презентация — дело хорошее. Роман крепкий. В меру эпатажный. Студенты восьмидесятых годов предстают там во всей своей обаятельной неприглядности. Но в этом как раз и соль, в этом и честность.

— В неприглядности, говоришь? Ну и ладно, пусть в неприглядности! Но меня... как бы это сказать... другое меня напрягает.

Туманов задумался и впал, как мне показалось, в прострацию. Я толкнул его в бок:

— Ну, ну... и что же тебя напрягает?

— Напрягает?.. А-а... Напрягает то, что на презентацию в качестве оппонента пригласили выступить профессора Подоконникова. Знаешь такого?

— Как же не знать? Клавдий Иванович человек известный. Крупный филолог. Так что можешь считать, что тебе повезло.

— Не так уж и повезло! Мне уже передали, что этот крупный филолог отозвался о моём романе крайне негативно. И, между прочим, на презентацию он обещался прийти не один, а с группой студентов, которым уже раздали книги для ознакомления.

— Не переживай ты так! Профессор Подоконников не то что писателя — мухи не обидит! А студенты, я слышал, чуть ли, не на руках его носят, — похлопал я по плечу приунывшего собеседника.

— Студенты?.. На руках?.. Ты что, так хорошо его знаешь?

— Не то чтобы хорошо, но имел счастье пообщаться на одном литературном мероприятии.

— И как он тебе показался?

— Показался человеком добрым и даже сентиментальным. Мероприятие это было посвящено

выходу в свет студенческого альманаха поэзии. Авторы — участники литературного кружка, руководителем которого и являлся профессор Подоконников. В завершение, представляя каждого из них, Клавдий Иванович говорил одну и ту же фразу: «Читая Балагурова, я плакал!» или «Читая Шарманкину, я почти рыдал!» Сначала я решил, что это он так шутит. Оказалось, нет. Профессор время от времени доставал из кармана платок, промокал им глаза и усердно сморкался. Преподаватели в задних рядах посмеивались: «Плакса... наш плакса... опять распустил нюни...» Но я полагаю, что это от зависти. Пауки в банке и те себя приличней ведут, чем эти доценты и кандидаты. Сборник этот я потом прочитал. Стихи, к сожалению, оказались, весьма заурядными. Но над ними плакал профессор-филолог, а это чего-то значит!

— Плакал, говоришь? Ну-ну... — скептически посмотрел на меня Туманов. — Только я тебе вот что скажу: сентиментальный — это ещё не значит, что добрый. Исторические примеры тому известны. Я вот, знаешь ли, выкопал в Интернете его научно-популярную статью и, прочитав её, впал, можно сказать, в ступор. Вот! — он достал из кармана несколько помятых листов. — Я даже её распечатал. Называется «Кавказские тексты как феномен языкового пространства». Сказать, что из этой статьи я ничего не понял, это значит, ничего не сказать! Вот как ты считаешь, что же такое эти самые кавказские тексты?

— Понятия не имею.

— Вот и хорошо, вот и славно, что не имеешь! — разгорячился писатель. — Я тоже, когда не имел по-

нения, спал спокойно. А теперь вот, когда узнал, потерял сон.

— Не пугай! — рассмеялся я.

— А я и не пугаю! Ты только послушай, как сам профессор Подоконников даёт им определение. Цитирую! — он зачитал с листа: — «Кавказские тексты — это подвижные грани расширяющихся мотивных и тематических образов, стремящихся своей внешней логикой к внутренним константам, определяющим индивидуальность каждого художественного восприятия».

Пауза.

— Ну и... что ты теперь мне скажешь?

— Но... ну... — от попытки проникнуть в содержание профессорской мысли у меня на лбу появилась испарина. — Учёный, видимо, и должен выражаться так, чтобы никому, кроме таких же, как он, учёных невозможно было докопаться до заложенного в его определениях смысла. А иначе грош ему цена! Иначе научные статьи начнёт писать каждый, кому не лень. Только, пожалуйста, больше ничего мне не цитируй, а то я уже всерьёз забеспокоился по поводу своего «айкью».

— И правильно, что забеспокоился, — сочувственно закивал писатель, — потому как в этой работе такие вот заковыристые определения сплошь и рядом. А ведь мне всегда казалось, что научно-популярные статьи должны быть написаны ясным и понятным слогом. Это уж свои диссертации пусть господа учёные пишут так, как им бог на душу положит.

— Может быть, мы чего-то недопонимаем? Образования не хватает или ещё чего... — попытался я унять его возмущение.

— Слушай дальше! — оборвал меня Туманов. И он опять зачитал из текста: — «Вербальность мифологем и в немалой степени экзальтированность обрядов, формирующих древо познания этнокультурных и в какой-то степени схоластических представлений, основанных на ритуальной сакральности, — вот что открывается перед нами в исторических кавказских текстах». Это что за словоблудие? Жонглирует научными терминами как цирковой артист! В итоге получается, что все мы вокруг идиоты, а он один умный! Единственное, что я понял из его статьи, так это то, что любой живущий на Кавказе школьник, пишущий сочинение на тему, как я провёл лето, если, конечно, он это лето провёл в Пятигорске, Махачкале или Владикавказе, тоже является автором кавказского текста. То есть, все в кучу! Толстой, Лермонтов, Хлебников, Брюсов и другие гении русской словесности, писавшие о Кавказе, такие же авторы кавказских текстов, как и школяр из Дербента, Ставрополя или любого горского аула. Что ты на это скажешь?

— Хм... Скажу, что чем больше человек участвуют в написании текстов, тем больше материала для научного исследования и...

— Не продолжай, пожалуйста, а то, чего доброго, кинусь на тебя с кулаками, — надвинулся на меня писатель.

Слова его я воспринял как реальную угрозу и умолк.

Сославшись на то, что он начал работу над новым романом, Туманов ушёл.

Через несколько дней мы встретились с ним у касс филармонии в Кисловодске. Оказалось, что он, как

и я, приехал послушать нашу любимую примадонну Б., к которой мы оба питали слабость, не только как к чудесной исполнительнице русских романсов, но и как к прекрасной женщине, в глазах у которой — загадка.

Всё время, пока мы слушали певицу, меня так и подмывало спросить его о том, как прошла презентация. Но сделать это получилось тогда лишь, когда после концерта мы присели в ближайшем кафе, заказав под фруктовое ассорти по бокалу красного вина.

О презентации он поведал мне следующее:

«Ты же знаешь, роман у меня не женский. Поэтому как-то сразу насторожило, что профессор Подоконников прибыл на презентацию в окружении исключительно студенток. Ни одного парня, представляешь?»

Каким я его увидел? Обыкновенный среднего роста мужик, борода лопатой, очень сутулый, с неуверенным влажным взглядом. Как-то отстранённо на этом крестьянском лице выглядел хищно завёрнутый нос.

Уселся напротив, но в глаза мне смотреть избегал.

На мой вопрос к девочатам, прочитан ли ими роман, они стали как-то странно переглядываться, затем одна из них сказала довольно резко:

— Ваш роман необязательно читать целиком.

— Это почему же необязательно? — столь неожиданному заявлению я немало удивился. — И сколько же страниц, в таком случае, вы осилили?

— Тридцать семь. И никто не заставит меня прочитать больше!

Я опешил:

— Никто и не заставляет, только зачем же тогда вы пришли на обсуждение книги, о которой не имеете представления? Боюсь, как бы у нас не получилось, как в старые добрые времена, которые вы не застали: «сама я роман не читала, но автора осуждаю!»

— Да! Не читала! Но я пришла вам сказать, что вы написали плохой роман. На тех страницах, что я, как вы сами сказали, осилила, у вас то и дело встречаются длинные предложения, а мне совсем неинтересно разбираться в этих длиннотах. Напоминает Льва Толстого, знаете ли.

Вторая выступающая с недоумением посмотрела на первую:

— А мне показалось, что предложения в романе очень даже короткие. Да, короткие! И после Хемингуэя писать таким телеграфным стилем просто преступно.

«Так длинные всё же или короткие?» — задумался я.

Из состояния задумчивости вывела меня третья выступающая студентка.

— У вас в романе много эпизодов, связанных с грубым сексом, а эротики почти нет. Нам, молодым девушкам, хотелось бы больше эротики, потому что про грубый секс было как-то неловко читать.

Я неожиданно для себя согласился:

— Допустим, много! Только объясните, пожалуйста, что значит в вашем понимании грубый секс?

— Да ну вас... будто сами не знаете... — девица покраснела и стыдливо махнула рукой.

Четвёртая упрекнула меня в том, что мой роман разрушил её веру в комсомольцев восьмидесятых:

— Они у вас постоянно выпивают и говорят о девчонках, а коммунизм совсем не строят.

— Поэтому, вероятно, и не построили коммунизм, — попытался я состричь, но лица у всех оставались серьёзными, как будто окаменели.

В завершающем слове профессор Подоконников сказал примерно следующее:

— Обретение столь важной вчера и сегодня дедуктивной зависимости современных героев надо искать в проявившейся на рубеже тысячелетий дифракции и интерференции сознания, воспринимающей или невоспринимающей позитивистское географическое пространство, имеющее дренажную подоплёку в зонах безапелляционного соприкосновения действительности и текста, чего мы совсем не наблюдаем в этом неоднозначном романе.

Единственная понятная мне фраза позвучала в конце:

— Автор пытается нас убедить, что Московский государственный университет — это пуп земли, в то время как это далеко не пуп! Есть и другие, не менее значимые и интересные вузы! На этом, пожалуй, закончим.

Студентки, с радостным щебетанием окружив профессора, устремились в гардеробную. Подоконников на выходе обернулся и подмигнул. Кому? Неужели мне?

— Вот, оказывается, вы какой роман написали... неоднозначный... — сочувственно вздохали организовавшие всё это действие работницы библиотеки. — Теперь даже не представляем, рекомендовать ли его читателям. Профессор Подоконников, знаете ли, большой авторитет.

Я схватился за голову:

— А ведь этот роман уже в двух толстых журналах напечатали. Выходит, что редакторы этих изданий в литературе ни бум-бум? — сам не заметил, как сбился на жаргонные словечки.

— Выходит, ни бум-бум! — смеясь, разводили руками библиотекарьши.

Над кем они смеялись? Надо мной? Над профессором? Над собой? Не всё ли равно, над кем? В любом случае это был полный крах.

С тяжёлыми мыслями я вышел из библиотеки и, отыскав в ближайшем сквере свободную скамейку, присел перевести дух.

— У вас тут свободно? Вы позволите?.. — хрупкая девушка в круглых очках примостилась на краешке скамьи.

Я машинально кивнул и погрузился в свои депрессивные мысли.

— Вы огорчены? — она участливо потянулась ко мне рукой, но, вдруг испугавшись собственной смелости, отёрнула ладонь. — Я была на презентации и тоже должна была выступать.

— Отчего же не выступили? — спросил я глухо.

— Дело в том, что я прочитала ваш роман, и он мне понравился. И всё там на месте. Честно и хорошо написано. Вы на девчонок не обижайтесь. Просто профессор сказал, что выступать надо только с критическими замечаниями. Что вам, как автору, это просто необходимо, потому что вы немножко зазнались.

— Так и сказал «немножко»?

— Да, так и сказал. Вот девочки и старались. Только никто из них толком роман не читал. Или, как говорится, просмотрели по диагонали. Но ведь это-

го для критических замечаний вполне достаточно. И на профессора тоже не обижайтесь, пожалуйста. Он у нас очень умный. Очень. Когда он что-то начинает нам объяснять с научной точки зрения, то сразу же становится ясно, насколько мы далеки от науки.

— Но чем же так ему не угодил мой роман?

Это были мысли вслух, но девушка, ничуть не смутившись, дала ответ:

— Вы пишете о студентах МГУ, а он их просто терпеть не может. Считает всех, окончивших столичные вузы, зазнайками и фанфаронами. Вот если бы вы написали о студентах Кавминвод, то роман бы ваш попал в разряд так называемых кавказских текстов. И профессор в этом случае был бы к вам очень даже благосклонен.

«И тут эти тексты! — подумал я. — Навязались на мою голову!..» А вслух спросил:

— Вы-то откуда про эти самые кавказские тексты знаете?

— Ну как же не знать?! Профессор всё оценивает с позиции только кавказских текстов.

— Девушка, милая, а сам профессор Подоконников хоть что-нибудь написал? Научные статьи я в виду не имею. Рассказ, поэму там, повесть? Хоть что-нибудь из области литературы?

— Мы как-то его об этом спросили. А он сказал, что заниматься литературой ему недосуг. Что надо двигать науку. Но, если обстоятельства потребуют, он напишет. Что угодно напишет!

— И вы ему верите? — спросил я.

— Конечно, верим. Он же учёный, а учёному всё по плечу! — Она поднялась. — Простите, мне пора. Роман ваш хороший! При Клавдии Ивановиче

не смогла бы этого сказать. Вы уж меня поймите. Он бы непременно обиделся.

На прощание протянула мне свою узенькую ладошку».

— Такая вот получилась у меня презентация, — закончил свой рассказ Туманов.

— Да уж, разгром по полной программе! — почувствовал я писателю. — А всё дело в том, старик, что ты написал неформатную вещь.

— То есть как неформатную? — удивился Туманов.

— Обыкновенно. Не в формате кавказских текстов. Естественно, что профессору Подоконникову это никак не могло понравиться. А ты считай, что ещё легко отделался. В былые времена за неформат в лагерь ссылали и даже к стенке ставили. И после такой презентации тебе бы точно не поздоровилось!

— Ну-у, это ты уж загнул! Профессор, конечно, прикрывающийся словоблудием бездарь, но не станем же мы на него всех собак вешать?

Я рассмеялся:

— Не станем, конечно. Тем более, что рассказы-вая о литературных достижениях своих студентов, он всё-таки натурально плакал, а это чего-то стоит.

Перед тем как расстаться, мы условились о следующей встрече на ближайшем концерте местной примадонны Б., которая нравится нам не только как замечательная исполнительница русских романсов, но и как обворожительная женщина, в глазах у которой — загадка.

ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Восемьдесят лет назад отгремели бои на Ставрополье. Их участников почти уж и не осталось, да и среди детей войны свидетелей сложно найти. И не у кого сегодня спросить: почему день освобождения нашего края от оккупантов не отложился в людской памяти четкой датой? Посудите сами, каждый город имеет свою такую веху: Георгиевск — 10 января, Буденновск, Пятигорск и Минеральные Воды — 11 января, Ставрополь — 21 января. Да, в селах и станицах края ежегодно проходят свои памятные мероприятия. А день освобождения края остается как-то в тени. Просто с самого начала с ее определением как-то не сложилось.

Самым ранним упоминанием события можно считать публикацию в газете «Правда» за 26 января 1943 года первого секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) М. А. Сулова под заглавием «В освобожден-

**Андрей
КАРТАШЁВ**

Краеведение

ном крае». Переданная по телеграфу, а может как-то иначе, статья наверняка писалась накануне — не позднее 25 января. Можно предположить, что противник был окончательно выбит с территории Ставропольского края именно 25 января 1943 года. Понятно, что ни о каких торжественных мероприятиях в тот момент речь идти не могла. Статья рассказывала об ущербе, нанесенном Ставрополю за период оккупации, о жертвах среди мирного населения. В ней звучали слова благодарности Красной Армии.

Через год — 30 января 1944 года — газета «Ставропольская правда» известила о торжественном заседании, посвященном годовщине избавления Ставропольского края от немецко-фашистских захватчиков. Оно состоялось в Ставрополе 29 января в театре музыкальной комедии. В переполненном зале собрались представители партийных и советских организаций, передовики производства, руководители предприятий, офицеры, участники Великой Отечественной войны, партизаны. С приветствиями прибыли шефы из Азербайджанской ССР, делегация соседнего Краснодарского края. Торжественное заседание открыл секретарь Ставропольского городского комитета ВКП(б) Попов. В ключевом докладе секретаря крайкома партии Золотухина звучал рассказ «об изуверском вандализме немецких погромщиков, о самоотверженной борьбе в тылу врага, о героических подвигах Красной Армии, освобождавших наш край, о большой восстановительной работе, проделанной за год».

29 января 1945 года в Ставрополе вновь прошло торжественное собрание, посвященное второй годовщине освобождения края от немецко-фашистских захватчиков. Об этом, как и в предыдущем году, 30 января сообщила краевая газета. С докладом на этот раз выступил секретарь крайкома ВКП(б) Паршин. Среди присутствовавших на мероприятии находились участник битвы за Кавказ Герой Советского Союза Григорий Рашутин, отец Героя Советского Союза Леонида Севрюкова, мать Геннадия Голенева, представители передового колхоза Новоалександровского района, воспитанники Ставропольского суворовского училища.

В «Ставрополке» за 1 января 1946 года в разделе «Календарь трудовых побед» напоминалось: «Январь, 29. Ставрополье высокими трудовыми победами отмечает двухлетие освобождения края от немецкой оккупации...». В тексте, правда, явная ошибка, ибо в 1946 году исполнилось 3 года с момента освобождения края. Тем не менее все три заметки говорят о том, что в те годы именно 29 января считалось днем освобождения края.

Однако хроника событий, приведенная в сборнике документов и материалов «Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», изданном в 1962 году, неожиданно назвала другую дату: «23 января. Вся территория Ставропольского края освобождена от немецко-фашистских захватчиков». Как и почему такое могло произойти? Да еще почти через два десятка лет после события. Загадка.

Согласно документам краевого архива, дольше других пробыл в оккупации Новоалександровский район — до 25 января 1943 года. Краеведы-новоалександровцы также считают 25 числом окончательного освобождения района. Поэтому уж никак не 23-е было днем полного освобождения края от оккупантов.

В 1995 году Ставропольским фондом культуры была издана книга «Ставропольцы в Великой Отечественной войне». В ней в одном из исторических очерков под названием «В боях на Северном Кавказе. На защите родного края» с определенной степенью детализации довольно системно описаны боевые действия советских войск на территории Ставропольского края. К сожалению, авторы остановили свое повествование на освобождении Ставрополя, и последние бои на территории края остались не освещенными. Тем самым был оставлен без внимания интересующий нас спорный вопрос о дате окончательного освобождения края от немецко-фашистских захватчиков. Такой, казалось бы, простой, но нужный факт в книге, изданной к 50-летию Победы, не был освещен!

В 2003 году в день 60-летия освобождения краевого центра от немецко-фашистских войск — 21 января — газета «Ставропольская правда» зафиксировала слова Юрия Гонтаря: «Двадцать первое января по праву может считаться днем второго рождения Ставрополя», а про освобождение края в тот год в газете не упомянуто.

В 2013 году «Ставрополка» сообщила о торжественных мероприятиях к 70-летию освобождения города Ставрополя, вслед за этим 25 января

вышла статья Натальи Быковой о празднестве, прошедшем в краевой библиотеке имени Лермонтова. В ней вновь обозначилась дата освобождения края: «24 января вся территория края стала свободной».

Так в памяти жителей края это важное событие окончательно лишилось своей конкретной даты.

Ну что тут скажешь?!

А в январе 2018 года в канун 75-летия тех событий в краевой думе состоялся разговор о годовщине освобождения города Ставрополя. На него были приглашены ветераны Великой Отечественной войны, труженики тыла, школьники и студенты, представители общественных патриотических организаций, научного и музейного сообществ, руководители ряда министерств и ведомств, главы муниципалитетов. Об этом, как и прежде, традиционно сообщила «Ставропольская правда».

Выступивший на заседании директор краеведческого музея Николай Охонько рассказал о том, сколько еще вопросов, связанных с историей Великой Отечественной войны, предстоит изучить. Среди них он назвал и «хронологию событий освобождения Ставрополя от фашистов, которое началось, предположительно, 1 января и окончилось, пока тоже предположительно, 28 января». Полученные сведения он пообещал разместить на сайте музея на интерактивной карте края.

И в 2020 году на сайте Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Прозрителева и Праве действительно появилась

страница «Историческая память Ставрополья», на которой были представлены этапы освобождения Ставропольского края. На карте в динамике показано, как день за днем это происходило.

Заключительной вехой этой эпопеи представлено 27 января 1943 года. Этой дате на сайте музея соответствует такая информация: «Войска Северо-Кавказского фронта овладели районным центром и железнодорожной станцией Новоалександровской, крупными населенными пунктами: Средний Егорлык (правда, это уже Ростовская область), Григорополисская (согласно предыдущей записи на том же сайте, эта же станица была освобождена 26 января), Расшеватская, где состоялся последний бой на территории нашего края (интересно, откуда информация про последний бой?) ... В этот день ненавистные оккупанты навсегда были изгнаны со Ставрополья!»

Как объяснили сотрудники краевого музея, информация, соответствующая 27 числу, взята из сводок Совинформбюро. Действительно, вечерняя сводка за 27 января об этом сообщала. Но можно ли полагаться на сводки Совинформбюро в вопросах точной привязки событий к датам? Так же, как и статья М. А. Суслова, сводка составлялась накануне ее публикации. Как быстро информация от войск поступила в штаб фронта, а из него в Ставку и далее попала в текст Левитану?

Как видно, разброс по времени событий, связанных с окончательным освобождением Ставропольского края, достаточно велик — с 25 по 29 января.

Ну, а что же на самом деле?

Давайте попробуем во всем разобраться, опираясь на архивные материалы, документы частей и соединений, в которых отражались боевые задачи на каждый день и результаты действий войск.

Но, прежде чем приступить к исследованию, стоит определиться, что мы хотим получить. Это надо оговорить сразу, потому что для кого-то важно, что локальные бои с отставшими от своих основных войск немцами могли проходить и позже. Кого-то больше устроит решение (если таковое было) крайкома ВКП(б) отмечать годовщину 29 числа. Здесь мы под днем освобождения Ставропольского края будем понимать ту дату, когда линия фронта полностью ушла за пределы его территории. В свою очередь, линия фронта — это рубеж, достигнутый передовыми частями войск в наступлении, или занимаемый ими в обороне. Иными словами, нас будет интересовать, когда нога советского солдата, наступавшего на передовой, шагнула за границу края на последнем ее участке.

Отметим сразу, что спорным, в первую очередь, является момент окончательного освобождения Новоалександровского района, расположенного на северо-западе Ставрополья. Поэтому всей хронологии событий января 1943 года мы касаться не будем, а остановимся только на нем.

В базе данных «Память народа» несложно отыскать документ под названием «Реляции о боевых действиях 140-й отдельной танковой бригады». Об освобождении Новоалександровской

танкистами говорится, что к исходу 24 января после повторной атаки части бригады овладели станцией, а к ночи станцией Расшеватка (не путать со станцией Расшеватской). Противник, понеся большие потери, отошел в сторону Кропоткина. Правда, танкистам пришлось удерживать Новоалександровскую до подхода стрелковых частей.

Эти предшествующие события отложились в реляции танковой бригады так, что становится понятным: без «рядового пехотного Вани» здесь не обошлось. Поэтому наше исследование будет посвящено именно действию стрелковых частей и соединений.

Наступление в этом районе вели войска 9-й армии: 9-й стрелковый корпус, нацеленный на Новоалександровскую, 11-й стрелковый корпус, действовавший в направлении Григорополисской и южнее — 11-й гвардейский стрелковый корпус. Справа от 9-й армии в направлении станции Расшеватка преследовали противника соединения 58-й армии. Разделительная линия между двумя армиями проходила через станции Кармалиновская, Расшеватская, станцию Шохры к югу от Тихорецка, станции Каневская, Приморско-Ахтарская. Она пересекала Новоалександровский район на две части. Очевидно, необходимо проследить, как наступали соединения и части обеих армий.

Начнем с севера, с 58-й армии. В журнале ее боевых действий за 25 января читаем, что армия вела бои с арьергардами противника и овладела станцией Новоалександровской и северной частью станции Успенской. То есть, правый фланг армии уже находился на территории Краснодар-

ского края, а левый еще на Ставрополье. К вечеру этого дня главные силы 58-й армии сосредоточились следующим образом: 317-я стрелковая дивизия после боя за Новоалександровскую была на подходе к Расшеватской, 417-я дивизия продолжала вести бой за Успенскую. Остальные дивизии находились на марше во втором эшелоне оперативного построения армии. На следующий день 26 января: вышедшая вперед из второго эшелона 276-я стрелковая дивизия своим передовым отрядом достигла станицы Ильинской; справа от нее 417-я стрелковая дивизия закрепились в Успенской, а 317-я — на левом фланге продвинулась до станицы Дмитриевской, что в 7 километрах к западу от административной границы Ставропольского края, ее передовой отряд вел бой за поселок Новый Труд. Таким образом, весь фронт наступавших в первом эшелоне войск 58-й армии 26 января проходил по землям Краснодарского края.

О том, как планировалось наступление 317-й стрелковой дивизии 26 января, говорит боевое распоряжение № 014 дивизии, штаб которой в 5:30 утра находился в Расшеватской. Противник к исходу 25 января отошел из Расшеватской в направлении Дмитриевской. Дивизия с утра 26 января продолжает марш по маршруту: Расшеватская, Дмитриевская и к концу дня сосредотачивается в Дмитриевской. Исходный пункт маршрута — северо-западную окраину Расшеватской — головой колонны дивизии предстояло пройти в 11:00.

Это важнейшая информация! Получается, что враг еще 25 января оставил без боя окраинные

территории Ставропольского края, которые оказались в так называемой «серой зоне». В связи с этим, 317-я дивизия с утра 26 января боев не вела, преследуя отходящего противника.

Теперь обратимся к развитию событий южнее, где действовала 9-я армия. В составе её было два 11-х корпуса, в центре боевого порядка находился стрелковый корпус, на левом крыле — гвардейский стрелковый корпус. На правом фланге 9-й армии по территории Новоалександровского района гнал врага 9-й стрелковый корпус. В его составе значились: 43-я, 157-я и 256-я стрелковые бригады. 25 января две его бригады — 256-я и 43-я — ударами с северо-востока и юга овладели Новоалександровской и продолжали преследовать противника в северо-западном направлении. К закату этого дня они вышли на рубеж Расшеватская, 3-е отделение совхоза.

11-й корпус силами 131-й бригады овладел Григорополисской на границе Ставрополья и Кубани. 19-я бригада взяла хутор Воровский, к северу от Григорополисской, и передовым отрядом вышла на железную дорогу в направлении на Темижбекскую. Таким образом, западные земли Ставрополья были освобождены к исходу 25 января 1943 года.

Что касается 11-го гвардейского корпуса, то его бригады 25 января уже сражались на территории Кубани в районе сел Новомихайловское, Отрадо-Кубанское, Прочноокопское.

На 26 января 9-му стрелковому корпусу ставилась задача: совместно с соседом справа (частями 58-й армии) овладеть ставропольской станицей

Расшеватской и выйти на рубеж кубанских населенных пунктов — станицы Дмитриевской и хутора Ловягин.

В течение дня 256-я стрелковая бригада освободила хутор Черномуров в 4-х километрах к западу от границы Ставропольского края и передовым отрядом продвинулась еще дальше, достигнув хутора Ловягин. 43-я стрелковая бригада вместе с соседом справа — 317-й дивизией 58-й армии, овладев Расшеватской, освободила краснодарский совхоз Буденновский.

В станицу Расшеватскую подразделения 43-й стрелковой бригады вошли еще до рассвета 26 января. Об этом свидетельствует боевое распоряжение штаба этой бригады № 026, отданное в 4 часа утра. Местом дислокации штаба названа Расшеватская.

Из этого распоряжения следует, что дальнейшее наступление советских войск из станицы Расшеватской происходило 26 января. До хутора Черномуров, который находится на территории Краснодарского края, оставалось около 20 километров, до западной границы края — около 16. На пути наступавших войск еще лежали поселки Радуга и Лиманный Новоалександровского района. Но документальных свидетельств о боях за их освобождение не обнаружено. Скорее всего, противник действительно отвел свои войска без боя к станице Дмитриевской.

Так какое число, говоря объективно, можно считать днем освобождения Ставропольского края от врага? Думаю, что большинство читателей согласятся, что это 26 января, хотя, по-видимому,

боев на не пройденной к утру территории Ставропольского края наступавшие советские войска в этот день не вели, тем не менее им предстояло пройти эту «серую зону», чтобы убедиться в отсутствии там врага.